

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

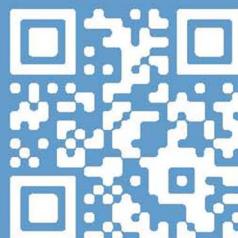
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 НОЯБРЯ 2017 Г.

в шести частях

ЧАСТЬ 1

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Сборник научных трудов

по материалам

Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 ноября 2017 г.

В шести частях
Часть I

Белгород
2017

УДК 001

ББК 72

А 43

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); **Васильев Ф.П.**, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); **Винаров А.Ю.**, д.т.н., проф. (Москва); **Датий А.В.**, д.м.н. (Москва); **Кондрашихин А.Б.**, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); **Котович Т.В.**, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); **Креймер В.Д.**, д.м.н., академик РАЕ (Москва); **Кумехов К.К.**, д.э.н., проф. (Москва); **Радина О.И.**, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); **Тихомирова Е.И.**, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); **Алиев З.Г.**, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); **Стариков Н.В.**, к.с.н. (Белгород); **Таджисибов Ш.Г.**, к.филол.н., доц. (Худжанд); **Ткачев А.А.**, к.с.н. (Белгород); **Шаповал Ж.А.**, к.с.н. (Белгород)

А 43 **Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2017 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть I. – 143 с.

ISBN 978-5-6040347-0-5

ISBN 978-5-6040347-1-2 (Часть I)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук», состоявшейся 30 ноября 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам филологии и истории.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001

ББК 72

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Абдыжапарова М.И., Федосова Т.В.</i>	
МЕТАФОРИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЭКОСИСТЕМА» В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ)	6
<i>Воднева М.Г.</i>	
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗЕ Т. ТОЛСТОЙ «ЧУЖИЕ СНЫ»	9
<i>Габараева М.Р.</i>	
АРХЕТИП ВОДЫ В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ И В РОССИЙСКОМ ФЭНТЕЗИ	11
<i>Гаврикова О.Е.</i>	
ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ	15
<i>Газилов М.Г., Иванникова И.А.</i>	
КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПО ТЕМЕ ЭКОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	20
<i>Гизатуллин Д.Э.</i>	
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА СЛОВА: СЕМА, СЕМЕМА, СЕМАНТЕМА	24
<i>Зубова И.И.</i>	
СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА АНЕКДОТА	27
<i>Зуева Е.А.</i>	
ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМООРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ- ПЕРЕВОДЧИКОВ	31
<i>Карпов И.П.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНЫХ И ОРИГИНАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ВАЛЕНТИН КОЛУМБ И АЛЕКСАНДР СЫЧЁВ)	35
<i>Краковская К.А.</i>	
ГЕШТАЛЬТНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ УСТОЙЧИВЫМ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА	41
<i>Куралесина Е.Н.</i>	
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ (IX–XVIII вв.)	46
<i>Лебедева В.Ю.</i>	
СТИХОТВОРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В СБОРНИКЕ В. НАБОКОВА «ГРОЗДЬ»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	49
<i>Ляпина А.А.</i>	
РОЛЬ ТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	52
<i>Макеева М.Н., Бородулина Н.Ю., Гуляева Е.А.</i>	
РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ И СОЗДАНИИ НОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК	56
<i>Маслова А.М.</i>	
ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ РОЖДЕНИЯ, ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	59

Мелихова Ю.Р.	
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИМЕНОВАНИЯ	63
Моргоева Л.Б.	
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОМПОЗИТОВ В ОСЕТИНКОМ ЯЗЫКЕ.....	66
Охотникова М.А.	
МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	70
Павленко Е.А.	
СПЕЦИФИКА ЯВЛЕНИЯ АЛЛЮЗИИ В БРИТАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	73
Пестова В.В.	
РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ.....	77
Седова О.В.	
ОСОБЕННОСТИ КОЛЯДНЫХ ПЕСЕН ПИНЧУКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА Д.Г. БУЛГАКОВСКОГО «ПИНЧУКИ»).....	81
Сороченко Е.Н.	
СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА	84
Таутаева Г.Б., Ниетбайтеги К.А.	
КАЗАХСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА С СЕМНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ «БОГАТСТВО».....	86
Тошибулатов А.Х.	
ПОЭТИКА ЖАНРА НОВЕЛЛЫ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА).....	89
Трубина О.Б.	
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЖАРГОННЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ	92
Федосеева Н.И., Кихтан Я.В.	
СТАНДАРТЫ ПРОФЕССИИ «ЖУРНАЛИСТ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	95
Хабусиева Т.Б.	
ВИДЫ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	98
Шагурина Я.А.	
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА).....	102
Шайнер И.И.	
ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА.....	105
Шайнер И.И.	
ЖАНРОВАЯ ДИФУЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ВОЕННУЮ ТЕМАТИКУ	109
Шерова А.	
О ФОНОСТАТИСТИКЕ ТЕКСТОВ ЭПОСА «МАНАС»	112
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»	116
Абитов М.Р., Маслова Д.А., Блиадзе А.М.	
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ ..	116
Баззаев Н.А.	
К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ ПРОЦЕССА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ ..	119
Зеленский Ю.В.	
ПОХОД РУСОВ 860 г. НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ	122

Князев А.В., Бобрикёв К.С.	
ХОД И ИТОГИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ	124
Матюхина О.А.	
ДЕТСКИЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛАХ БРЯНСКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (к. XIX – н. XX вв.).....	133
Садыков Ш.Ф.	
БЫВШИЕ БЕЛЬЕ ОФИЦЕРЫ И ЧИНОВНИКИ БЕЛОЙ АРМИИ НА СЛУЖБЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИТА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАССР	136

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

МЕТАФОРИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЭКОСИСТЕМА» В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ)

Абдыжапарова М.И.

доцент кафедры иностранных языков, к.ф.н., доцент,
Югорский государственный университет, Россия, г. Ханты-Мансийск

Федосова Т.В.

доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания, к.ф.н., доцент,
Горно-Алтайский государственный университет, Россия, г. Горно-Алтайск

В статье выявляются теоретические основания метафоры в языке науки как основного механизма терминообразования. Выделяются ключевые концептуальные метафоры пространства, вместилища и объекта, участвующие в порождении термина «экосистема». Проводится анализ основных сублогических моделей языка, актуализированных в контексте современных научных статей при описании термина «экосистема» и репрезентированных следующими когнитивными схемами: объект, поверхность, вместилище, часть/целое, цикл, путь, процесс.

Ключевые слова: метафора, сублогическая модель, когнитивная схема, терминологическая метафоризация.

В рамках когнитивного подхода языковая метафора рассматривается как вербальный репрезентант метафорического переноса, осуществляющегося на уровне глубинных мыслительных структур. В соответствии со стандартной концепцией науки метафора функционирует в качестве абстракции квазитождествления на стадии формирования нового знания (контекст открытия). Метафора является специфическим средством концептуализации опыта, инструмента, позволяющего пополнить семантические ресурсы научного разума и сформировать новые теоретические смыслы на основе категориального сдвига и трансфера значений из одной сферы в другую [2, с. 4, 5].

В научном языке метафоризация выступает как познавательный механизм для постижения сложных научных явлений, в том числе терминов как инструментов познания, устанавливая тождество двух объектов. Высший предел науки как теории – это существование теории на грани метафоры [3, с. 51], которая является средством научного познания. В нашей работе мы опираемся на роль концептуальной метафоры при образовании термина «экосистема» (“ecosystem”). Метафоры, используемые экологами, делают возможным описание скрытых, незаметных для большинства представителей человечества биологических процессов. В данном случае имеет место процесс терминологической метафоризации, которая связана с процессом отражения и обозначения нового научного знания [1, с. 11].

На примере экологического термина «экосистема» мы рассмотрим способы его репрезентации в таких сублогических моделях языка-объекта как пространство, вместилище, объект, в основе которых лежат следующие когнитивные схемы: объект, поверхность, вместилище, часть/целое, цикл, путь, процесс. В ходе анализа был выделен ряд моделей метафоризации искомого концепта.

1. Экосистема – пространство, тщательным образом изучаемое учеными, причем наличие границ может в отдельных случаях иметь важное значение, тогда как в других считаться абсолютно неуместным в зависимости от типа рассматриваемой системы:

- пространство, которое может быть закрытым или открытым, а также внутри которого перемещаются химические элементы:

1) an *open or closed* system..., 2) The study of how chemical elements *cycle through* an ecosystem is termed biogeochemistry (UM, p. 2);

- пространство, имеющее границы, внутреннюю и внешнюю часть, определенное строение:

1) границы экосистемы, 2) концепция внутренней и внешней частей экосистем, 3) концепция внутренних и внешних границ экосистем, 4) пространственное строение экосистем (MU, с. 1). 5) двухзональное пространственное строение экосистем (MU, с. 8), 6) Таким образом, данная экосистема имеет две границы – границы внутренней и внешней своих частей (зон) (MU, с. 8), 7) The *boundaries* are not fixed in any objective way, although sometimes they seem obvious, as with *the shoreline* of a small pond (UM, p. 2).

2. Экосистема – вместилище, состоящее из отдельных частей, компонентов:

- она способна вмещать в себя энергию и вещества:

1) Energy is continually *input into* an ecosystem in the form of light energy, and some energy is lost with each transfer to a higher trophic level. Nutrients, on the other hand, *are recycled within an ecosystem*. (UM, p. 1), 2)...*the input or output of material from a system*, such as the amount of oil we pump out of the ground each year, or the amount of greenhouse gas we pump into the atmosphere each year by burning fossil fuels. (UM, p. 1)

- она состоит из частей или компонентов:

1) *Components of an Ecosystem*, 2) You are already familiar with *the parts of an ecosystem* (UM, p. 5), 3) Ecosystems are made up of *abiotic (non-living, environmental)* and *biotic components* (UM, p. 3), 4) В результате *взаимодействия организмов между собой* и окружающей их средой внутри экосистемы. (MU, с. 2)

3. Экосистема – объект, сообщество, включающее в себя организмы, взаимодействующие между собой и порождающие ряд процессов (цепочки (*links*), трансформации (*transformations*), цикл (*cycling*), рост (*growth*), исчезновение (*extinction*), операцию (*operation*), информационный поток (*information flow*), а также имеющее иерархические уровни. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

- трансформация, процессы контроля и цикличность:

1) The study of ecosystems mainly consists of the study of certain processes *that link* the living, or biotic, components to the non-living, or abiotic, components. The two *main processes* that ecosystem scientists study are *Energy transformations and biogeochemical cycling* (UM, p. 2), 2) In an open system *there are inputs and outputs as well as the internal cycling* (UM, p. 7), 3) *The transformations of energy* in an ecosystem begin first with *the input of energy from the sun* (UM, p. 4), 4) *Ecosystem function* is controlled mainly by two processes, “top-down” and “bottom-up” controls (UM, p. 7);

- рост, исчезновение:

1) Studies of populations usually focus on the habitat and resource needs of particular species, their *group behaviors, population growth, and what limits their abundance or causes extinction* (UM, p. 2);

- оперирование, функционирование системы:
- 1) We try to understand how *the system operates as a whole* (UM, p. 2), 2) Ecosystems have *energy flows and ecosystems cycle materials*. These two processes are linked, but they are not quite the same (UM, p. 6);
- иерархические уровни:
- 1) There are two dominant theories of the control of ecosystems. The first, called bottom-up control...the second theory, called top-down control, states that predation and grazing by *higher trophic levels on lower trophic levels* ultimately control (UM, p. 2);
- закономерные связи, контакты, организация системы:
- 1) ...большинство экологов рассматривают экосистему как ...*совокупность совместно обитающих и входящих в сообщества различных организмов и условий их существования, находящихся в закономерной связи между собой* (MU, с. 2), 2) Комплекс..., характеризуется описанием численности конкретных видов, *связей между видами, активности организмов, физических и химических характеристик среды, потоков вещества, энергии и информации*, а также описанием изменений этих показателей во времени (MU, с. 2), 3) *Проблема организации экосистем, потоки информации важны для контактов организмов* (MU, с. 7).

Итак, термин «экосистема» репрезентирован единицами пространства (закрытого или открытого, имеющее границы, внутреннюю и внешнюю части и определенное строение); единицами вместелища, включающего энергию и вещества; а также единицами объекта или иерархическими единицами со своими связями и закономерностями. Данный термин отражает устройство объектов окружающего мира, соединенных друг с другом закономерными связями.

Таким образом, терминологическая метафоризация – базовый процесс при функционировании и описании такого понятия как «экосистема». В данном случае метафора проявляет себя как когнитивный механизм, при помощи которого абстрактные понятия осмысливаются в терминах более конкретных. Проанализировав ряд примеров, можно заключить, что в системе экологических наук метафоризация представлена основными сублогическими моделями пространства, вместелища и объекта и актуализирована определенными когнитивными схемами.

Роль метафоры для научного познания признавали такие корифеи научного мышления как К. Юнг, Б. Грин и М. Талбот. В научном языке концептуальная метафора отражает образ изучаемого явления. Признание аксиологичности, субъектности, коммуникативности, диалогизма, контекстуальности, конструктивно-творческого характера научной деятельности позволяет рассматривать метафору как основополагающий элемент научного дискурса в силу ее незавершенности, емкости и универсальности, способствующей более точному и ясному объяснению научной терминологии.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Термин и метафора [Текст]. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. 250 с.
2. Гогоненкова Е. А. Метафора в науке: философско-методологический анализ: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. 19 с.
3. Суркова Л. В. Сознание в квантовом мире: новый диалог философии и науки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2007. № 6. С. 50-68.
4. Остроумов С. А. Концепции экологии “экосистема”, “биогеоценоз”, “границы экосистем”: поиск новых определений, Ecological concepts “ecosystem”, “biogeocenosis”, “ecosystem boundaries”: search for new definitions. – Moscow University Biological Sciences

Bulletin. 2003. Vol. 58. No. 3. P. 29 – 38. Режим доступа:
URL//www.researchgate.net/publication/259431434. (Дата обращения 20.11.2017).

5. The Ecological Ecosystem and How it Relates to Sustainability. The Regents of the University of Michigan. Режим доступа:
URL//globalchange.umich.edu/globalchange1/current/lectures/kling/ecosystem/ecosystem.html.
(Дата обращения 20.11.2017).

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» В РАССКАЗЕ Т. ТОЛСТОЙ «ЧУЖИЕ СНЫ»

Воднева М.Г.

доцент кафедры лингвистики, кандидат филологических наук,
Кубанский государственный медицинский университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются особенности концептуализации понятия «город» в индивидуально-авторской картине мира в рамках анализа смысловых приращений понятия «город», возникающих в контексте рассказа Т. Толстой «Чужие сны». Особое внимание уделяется концептуальным признакам, выделенным в данном произведении и реализованным только в нем.

Ключевые слова: картина мира, концептуализация, город, рассказы Т. Толстой.

Приобретение понятием смысловых приращенных значений, возникающих в определенном контексте, представляет собой процесс концептуализации данного понятия. Рассмотрение и анализ концептуальных признаков как регулярных или ситуативных смысловых приращений, выделенных в произведениях одного автора, позволяют сделать выводы об особенностях концептуализации понятия в индивидуально-авторской картине мира с наблюдением динамики данного процесса.

Поскольку понятие «город» является центральным в рассказе Т. Толстой «Чужие сны», рассмотрим его основные концептуальные признаки, возникшие в контексте произведения.

Можно выделить следующие признаки города в рассказе Т. Толстой «Чужие сны»: *крупный населенный пункт; стоящееся пространство; являющийся чужим и враждебным; населенный разными людьми; не меняющийся во времени; независимый; с плохой погодой; являющийся живым пространством; созданное пространство; небесный город; связанный с водой, сырой; связанный с обманом, эфемерный, обманчивый с виду; город-сон; связанный с литературой, тот, о котором пишут в художественных произведениях; город контрастов; сопряженный с неизменным квартирным вопросом, коммуналками; многоэтажный; связанный с осенью; опасный; сравниваемый с мертвцкой; связанный с простудами и болезнями от холода и сырости; темный; связанный со смертью, противопоставленный жизни и живому человеческому теплу; называемый Питер; связанный со временем, эпохой, историей всей страны; населенный надменными людьми; столичный и переставший быть таковым; сравниваемый с дряхлеющей красавицей; представленный оппозицией темные и белые ночи; связанный с особым безумием; населенный особыми жителями, лунатиками или избранными; особое место, имеющее атрибуты (прекрасные здания, воздух); не вечный, как Рим; делящийся на верхний и нижний; не страстный, противопоставленный в этом Испании; нераз-*

рывно связанный с Невой, ее водами; уничтожаемый и оскверняемый город, спасение которого – сон; связанный со снами.

Следует отметить, что некоторые концептуальные признаки города являются общезыкими, однако с существенными отличиями в их осмыслиении, другие – репрезентируются только в рассматриваемом произведении. Остановимся на самых значимых из них.

Безусловно, такое большое количество смысловых приращений понятия «город» в рассказе «Чужие сны» объясняется тем, что он посвящен собственно городу, конкретному, уникальному, бесконечно значимому для автора, поскольку именно через восприятие Петербурга характеризуется сам лирический герой, жизнь которого, как настоящая, явная, так и иллюзорная, проходящая во сне, нераздельно и неразрывно связана с жизнью города. Центральное место данного понятия в рассказе подчеркивается и тем, что произведение начинается с топонима Петербург, а название «Чужие сны» представляет собой авторский перифраз. Причем лирический герой говорит не только и не столько от своего имени: в первом же предложении автор использует местоимение первого лица множественного числа и лишь во второй фразе уточняет появившееся «мы» уже единственным числом – «не для меня». Причем в третьем предложении возвращается местоимение «мы», но теперь с расшифровкой: это все жители города, противопоставленные данному пространству. Примечательны не только оппозиция город – его жители (ведь в общекультурном понимании город, в котором ты родился, вырос и живешь, – родное пространство, наделяемое от первого лица определением «мой»), но и то, что перед Петербургом все жители равны, они не отличаются именно для него ни по принципу бедный – богатый, маленький человек – сильный мира сего, ни в историческом контексте (человек прошлого столетия – современный житель). Таким образом, в отношениях с городом несущественными являются суетные материальные блага, а динамика Петербурга наблюдается, но не в аспекте отношений с жителями: даже с течением времени город не становится «не чужим».

Интересным является авторское представление о возникновении города: Амстердам как прообраз входит в сны Петра Первого, именно «притворяясь» небесным городом, который состоит из воды и уже населен своими (не чужими) жителями с водянистыми, голубоватыми лицами, а после этого строится царем, гибель которого, будто расплата за дерзость, так или иначе связана с водой тоже. Таким образом, город предстает мифическим, словно давно существовавшим в ином иллюзорном мире, переселившимся через тонкую грань в чужой сон, а лишь затем построенным в действительности.

Смысловое приращение город-сон тесно связано с признаком *город – главный герой литературного произведения*. Причем такая концептуализация возникает явно, незавуалированно и объясняется очень просто: литература – еще одна реальность, в которой существует Петербург. По замечанию Т.Толстой, такая реальность сродни снам, а пространства литературы и снов порождены друг другом, они наслаждаются и перепутываются.

Петербург – особое место, потому он и концептуализируется как неприспособленный для жизни простого человека. Переселение сюда подобно переселению в нереальное, сложное пространство, в чужой сон, в город, пребывающий в нескольких параллелях. Именно в таком параллельном пространстве возможно существование Петербурга в двух ипостасях – верхнего и нижнего. Примечательно, что нижний город не иллюзорный, а вполне реальный, разделенный на город до второ-

го этажа и выше. Нижний похож на обычный людской город, он темный, опасный, обманчивый, сравниваемый с мертвцкой и противопоставленный живому человеческому теплу. Однако слово «парадная», используемое автором, сразу отсылает читателя к Петербургу.

Верхний город прекрасен, это город прошлого. И если первообраз, город-сон, соткан из воды, то верхний город – из чужих снов о самом городе, о жизни в этом прекрасном месте. Именно поэтому возникают образы коренных жителей – лунатиков, гуляющих во сне по крышам. Верхний город существует только выше второго этажа и только в сознании людей, способных поднять голову и посмотреть ввысь, даже не столько способных, сколько испытывающих необходимость в этом, смотрящих вверх, а затем гуляющих там, наверху, ночью, находясь дважды во сне – в верхнем городе-сне на крышах и в собственных снах лунатиков.

Город нижний, сырой и дождливый, также связан с водой, а желание лирического героя дождаться поздней осени в Петербурге отсылает к его происхождению – городу-сну, состоящему из воды. Это похоже на слабую попытку самого города вернуться из действительности к первоисточнику.

Значимым является смысловое приращение *уничтожаемый и оскверняемый город, спасение которого – сон*. При этом в прошлом у верхнего города те же врачи, что и его жителей. Так, возникающий ассоциативный ряд – Литейный – Большой дом – НКВД – связан с репрессиями, уничтожением людей мясниками, которые до этого разрушили и уничтожили город, и соотносится со Смольным – революцией, трагедией и все тем же разрушением. При этом спасение города – сон, мечта о гибели его разрушителя, это фантазия, которая видна в окно и слегка скрывается за углом дома. Такое спасение возможно, если жить в этом городе и заполнить его своими собственными снами.

Таким образом, рассмотрены смысловые приращения понятия «город», возникающие в рассказе «Чужие сны», которые реализованы только в данном произведении или получают особое осмысление в нем.

Список литературы

1. Толстая Т.Н. Река Оккервиль. М., 2002.

АРХЕТИП ВОДЫ В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ И В РОССИЙСКОМ ФЭНТЕЗИ

Габараева М.Р.

магистрант второго года обучения,

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

В статье анализируется архетип воды в славянской мифологии и в текстах, входящих в корпус литературы, созданной в рамках фэнтези. Автор приходит к выводу, что в российском фэнтези сохраняются все основные мотивы и образы, связанные с водой, они переходят в современную литературу из мифологии без изменений. Сохраняется идея поклонения воде, существования священных источников. Вода осмысливается как нечто темное и неизведанное, необъяснимое, тесно связанное со смертью. Воду называют стихией богини Марены, богини смерти и тьмы; частотна концепция реки-границ; вода выступает всегда как женское начало.

Ключевые слова: архетип воды, мифология, фэнтези, ассоциация, символ.

Вода – одна из фундаментальных стихий мироздания. Во многих мифологиях это эквивалент первичного хаоса, из которого появляется мир: мотив поднятия земли со дна первичного океана. Водное чудище часто выступает соперником Богатворца в поединке и одновременно материалом для построения мира. Вода – исходная среда всеобщего зачатия, но зачатие требует и мужского, и женского начала. Отсюда и двуполость воды: эта стихия выступает и как женское начало, символизируя материнское лоно (не случайно все богини любви непременно связаны с водой – Афродита, Иштар и т.д.), и как мужское, символизируя плодотворящее мужское семя.

В то же время водная бездна – олицетворение опасности или метафора смерти, а чрево водного чудища – преисподня. Это соединение мотивов рождения с мотивами смерти находит отражение в живой и мертвой воде: животворящая небесная вода и вода нижняя, земная, соленая, непригодная для питья. Также вода является собой начало всего и знаменует финал, так как с ней связан мотив потопа [5, с. 198].

Об архетеипе воды говорит и К.Г.Юнг. Он называет воду «темным зеркалом, лежащим в основании души» и «жизненным символом пребывающей во тьме души» [8, с. 215]. По его мнению, снизу всегда поднимается все мутное и дурное, и вода в таком случае – темница хтонического, «кровь и кровожадность, животный запах и отягченность телесной страстью» [8, с. 220]. Человек смотрит в зеркало вод и видит свое отражение. «Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться. Зеркало не льстит, оно верно отображает то лицо, которое мы никогда не показываем миру, скрывая его за Персоной, за актерской личиной» [8, с. 222]. И смотрящий в воду видит свое лицо, но вскоре появляются и живые существа – это могут быть и обычные рыбы, но и русалки, сирены, ундины, заманивающие в глубины и высасывающие жизнь.

Возможно, именно по этой причине во многих мифологиях загробный мир не обходится без воды: это зеркало, в которое входящая душа должна взглянуть, чтобы увидеть свое истинное лицо перед последним шагом в вечность.

Как относились к воде древние славяне? Шеппинг Д.О. говорит о поклонении славян жизненной силе, скрывавшейся в воде и приводит несколько доказательств: «В словах Прокопия, который говорит, что славяне обожали реки и нимф, приносили им жертвы и гадали по ним о будущем. Между русскими летописцами замечательное свидетельство об этом мы имеем в словах Нестора: «Кладезем и езером жертву приношаху»; также и в слове Кирилла, где читаем: «Не нарицайте себе бога... ни в реках, ни в студенцах». Подобные свидетельства о поклонении потокам, ключам, рекам и озерам находим мы и между западными славянскими летописцами, как у Козьмы Пражского, Длугоша, Эббо, Сефрида и Гельмольда» [7, с. 79]. Существовали священные реки и озера: Дунай, Дон, Днепр, Ильмень, Ивановское озеро и пр. У многих славян всякий водоем, река имели своих особых духов.

Идея поклонения воде, источникам, колодцам находит свое отражение в романах фэнтези. В романе Ольги Громыко «Ведьма-хранительница» на территории Догевы – государства вампиров – есть священный источник: «Глубоко под землей водяная жила пересекалась с магической, придавая воде уникальные свойства. Вот она, царица легенд, живая вода» [2, с. 28]. В произведении Елизаветы Дворецкой «Колодец старого волхва» уже само название говорит об особом статусе колодца: «Источники издавна почитались славянами, и в Белгороде, где не было святилища,

все пестрое население дружно признало колодец главным священным местом» [3, с. 78]. Вскоре в городе появились и другие колодцы, но к колодцу волхва продолжали приходить люди в особенных случаях: «За водой для умывания невесты или обмывания покойника, для приготовления настоя или отвара целебных трав» [3, с. 78]. Через несколько лет, с приходом христианства в Белгороде появился епископ Никита, потребовавший изгнания волхва, но горожане помнили, что воду открыл именно волхв Обережа и от хранителя колодца зависело благополучие всего города.

Отношение к воде всегда уважительное, например, в заговорах к ней обращаются «Мать-царица», «Царица-водица, святая водица, ключевая матушка» [3, с. 45]. Обращения к воде присутствуют и в российском фэнтези. Говорят с водой всегда как с женским началом: «Матушка-Вода», «Мать-Вода» [4, с. 99], «Матушка Вода Живая, ты всем матерям мать, ты всем княгиням княгиня» [3, с. 180].

Сохраняется в фэнтези и идея гадания с помощью воды. Такие гадания были видом женской ворожбы, при которой не должны присутствовать мужчины [4, с. 117]. На воде небесной реки гадает в «Кашее и Ягде» М.Вишневецкой и богиня Мокошь, в глади которой она видит все происходящее на земле и все, что только должно произойти [1, с. 18]. Над водой могут совершаться и определенные обряды, для придания ей магической силы, что происходит в «Колодце старого волхва» Дворецкой: «Сия вода не простая – на Утренней Заре наговорена. Всю ночь она на дворе стояла, звездный свет пила, а потом в нее Утренняя Заря заглянула и великую силу ей дала» [3, с. 180].

Символическое значение воды и ее широкое применения в различных обрядах связано с ее природными свойствами (прозрачностью, способностью очищать, быстрым течением) и с представлениями о ней как о чужом пространстве. Эта стихия является опасной для человека средой, поэтому, входя в воду или набирая ее, люди предпринимали ряд предосторожностей: сохраняли молчание, крестились, бросали жертвенные дары.

Вода оказывается очень противоречивой: она и целебна, и смертоносна, и «живая», и «мертвая». Очистительная функция воды раскрывается в многочисленных ритуалах умывания, окропления, купания, питья особой воды. В обрядах, направленных на обеспечение молочности кормящих матерей, также участвовала вода, поскольку она имеет такие свойства, как полноводность и нескончаемое течение [6, с. 81]. С плодородием и водой связано древнейшее божество славянского пантеона – Род, отождествляемый с мужским началом плодородия, подземными водами. Это был главный бог восточных славян, до утверждения дружинного культа Перуна. Род был творцом вселенной, он непосредственно связан с земной водой. Возможно, слово «родник» имеет корень -род- именно по этой причине [7, с. 5]. Имя единственного женского божества – Мокоши – связано с корнем «мокрый», «мокнуть». Мокошь (Макош) считается богиней плодородия [6, с. 300].

Однако вода также тесно связана со смертью и загробным миром. Существуют поверья о том, что душа умершего погружается в воду; с этим связан запрет на использование воды, имевшейся в доме в момент смерти одного из членов семьи. Такую воду следовало вылить подальше от дома. Негативная символика воды характерна и для толкования снов: увиденная во сне речная вода предвещала грусть, а мутная и грязная – болезнь и смерть.

Вода, особенно река, осмысливается и как грань между мирами, как дорога в иной мир, располагающийся на другом берегу или на острове посреди моря. Река

символизирует вечность и забвение, связана с судьбой, смертью, страхом перед неизвестным, с физиологическим ощущением холода и темноты [6, с. 406].

Отражается в российском фэнтези и связь воды с загробным миром. У Ольги Громыко в романе «Ведьма-хранительница» происходит обряд возвращения к жизни. Для этого героине – Вольхе – приходится умереть и попасть в загробный мир, где необходимо убедить погибшего Повелителя вампиров вернуться к жизни. Оказавшись в потустороннем мире, Вольха видит такую картину: «Мягкое мерцание теплой, как парное молоко, воды, не отражающей ни облаков, ни солнца» [2, с. 282]. Там Повелителя вампиров ждет некто в лодке: «Его ждет кто-то еще, ждет, приподняв весла над водой» [2, с. 282].

В романе «Золотой сокол» Елизаветы Дворецкой тело умершего князя укладывают на погребальную ладью, «нарочно построенную, чтобы перевезти князя через Черные Воды» [4, с. 58]. И далее в тексте объясняется подобное отношение к воде: «Они еще помнили, как тот свет, страну мертвых, сознание дедов помещало за ближайшую реку, потому что текучая вода считалась неодолимой преградой – гранью миров» [4, с. 229]. В романе «Зеркало и Чаша» пространством Мертвого Мира названо дно реки, скованной льдом. Вода названа стихией перехода, которая «отнесет умерших туда, где они возродятся для новой жизни» [4, с. 188].

Души уходят в загробный мир по Закатной реке в произведении Марины Вишневецкой «Кашей и Ягда, или небесные яблоки»: «Видно, камень с души снять хотел, чтобы легче лодочонка по Закатной реке скользила» [1, с. 66]; «Ягде Мокошь ссудила жить у Закатной реки. Не сейчас, а когда ее нить совсем истончится. Между землею живых и землею мертвых. Быть в этом пограничье хозяйкой» [1, с. 233].

Медянка, героиня «Колодца старого волхва» Дворецкой видит во сне широкую реку, несущую ее навстречу солнцу. За этой рекой «сиял радужный мост, а за ним зеленый сад, где живут предки. Но на пути туда лежала тенистая низина, а в ней под плакучими ивами мягко струились два источника – живая и мертвая вода» [3, с. 177]. Это грань мира живых и мира мертвых. Тому, кто выпьет «мертвую» воду, откроется путь в Сварожьи луга; тому, кто выпьет «живой» воды, позволят вернуться в мир живых. Если же кто-то заблудился между мирами, ему нужны обе воды.

Таким образом, в российском фэнтези сохраняются все основные мотивы и образы, связанные с водой, они переходят в современную литературу из мифологии без изменений. Сохраняется идея поклонения воде, существования священных источников. «Живая» и «мертвая» вода так или иначе упоминается во всех произведениях. Вода осмысливается как нечто темное и неизведенное, необъяснимое, тесно связанное со смертью. Воду называют стихией богини Марены, богини смерти и тьмы; частотна концепция реки-границ; вода выступает всегда как женское начало.

Список литературы

1. Вишневецкая М. Кашей и Ягда, или Небесные яблоки. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
2. Громыко О. Профессия: ведьма. М.: Альфа-книга, 2010.
3. Дворецкая Е. Колодец старого волхва. СПб: Крылов, 2006.
4. Дворецкая Е. Лес на той стороне. Зеркало и Чаша. Спб.: Крылов, 2008.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия (под редакцией С.А.Токарева). М., 2008.
6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2014.
7. Шеппинг Д. Мифы славянского язычества. М., 2014.
8. Юнг К.-Г. Архетип и символ: Сборник. М.: Renaissance, 1991.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

Гаврикова О.Е.

преподаватель кафедры иностранных языков,
Тихоокеанский государственный университет, Россия, г. Хабаровск

В статье рассматриваются понятия «политический дискурс», «языковое манипулирование», выявляются основные особенности и функции политического дискурса, выделяется его значимость в современной лингвистике, рассматриваются основные особенности предвыборных речей, определяется феномен манипуляции в предвыборном дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный дискурс, языковое манипулирование, предвыборная речь, манипулятивное воздействие.

В настоящее время политика является неотъемлемой частью жизни общества, и одним из наиболее действенных инструментов для воздействия на него. В условиях существования демократического государства решение многих внутригосударственных проблем в большой мере зависит от того, в какой языковой оболочке они преподносятся обществу, для которого основным способом влияния на политическую обстановку в стране являются выборы.

В современном мире проблемы, связанные с использованием языка в рамках политического дискурса, являются частой темой обсуждения в средствах массовой информации (далее СМИ) и научном сообществе.

Вместе с интересом народа к политике растет и необходимость более детального рассмотрения такого феномена, как манипуляция в политическом дискурсе, ее использования при построении предвыборных речей и проблеме изучения ее восприятия обществом.

В настоящее время изучению дискурса и дискурсивного анализа уделяется много внимания, как в англоязычной, так и в русскоязычной культурах. Большой вклад в изучение данной науки внесли такие ученые как Чудинов А.П., Карасик В.И., Степанов Ю.С., Ван Дейк Т.А., Почепцов Г.Г., Безменова Н.А., Шейгал Е.И., Бернштейн С.И. и многие другие.

Вслед за Арутюновой Н. Д. под дискурсом мы понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [2, с. 136].

Политический дискурс является объектом изучения лингвополитологии. Данная научная дисциплина возникла в результате интеграции политологии и лингвистики. История лингвополитологии имеет свои корни еще в древности. Яркими примерами являются социальные образования Древнего Рима и Древней Греции, где существовал немалый интерес к проблемам политической коммуникации.

Политический дискурс рассматривают как в широком, так и в узком смыслах. В широком понимании данный термин можно отнести ко всему, что связано с политической деятельностью. По мнению Баранова А. Н., политический дискурс – это «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [3, с. 246]. Шейгал Е.И. понимает под данным термином

любые продукты речемыслительной деятельности человека, каким-либо образом связанные со сферой политики [9, с. 35].

В узком понимании политический дискурс рассматривается исключительно в рамках деятельности политиков, а главной целью политического дискурса является захват и удержание политического влияния.

Иными словами, в рамках широкого понятия политического дискурса можно рассматривать как речи политиков, так и какие-либо политические статьи, а также деятельность политических комментаторов. Некоторые лингвисты считают, что даже записи в блогах, поэзию, освещающую политические вопросы, комментарии в социальных сетях и анекдоты можно причислить к политическому дискурсу. Примером политического дискурса в узком смысле являются программы партий, инаугурационная речь, обращение президента и другие.

В рамках нашего исследования мы придерживаемся широкого понимания политического дискурса, согласно которому политический дискурс представляет собой совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. Опираясь на труды Чудинова А.П. и Шейгал Е.И. можно выделить следующие особенности политического дискурса: фантомность, фидеистичность, авторитарность, дистанцированность, театральность институциональность, коррелирующие с узким подходом к определению данного термина.

В изучении политической коммуникации особую роль отводят жанру предвыборного дискурса.

Необходимость выделения предвыборного дискурса как отдельного жанра обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Например, основной концепт политического дискурса «власть» в предвыборном дискурсе сменяется концептом «борьба за власть» [9, с. 4]. Предвыборный дискурс воплощается именно в монологе, однако обладает и чертами диалогической формы общения. В предвыборной речи политик предпринимает попытки к убеждению несогласных с его идеями, сохранению расположения уже завоеванных сторонников, которые обеспечивают ему поддержку на выборах, а также заранее вступает в оппозицию или в соперничество с остальными кандидатами.

Предвыборные выступления различаются по тематике, отражают наиболее важные социальные, политические и экономические проблемы общества, представители которого являются адресатами этих выступлений.

Яскевич Я.С. отмечает, что предвыборное выступление заключает в себе «нарастающее обоюдонаправленное эмоциональное заражение, при котором происходит «упрощение» мышления и резкое усиление чувств, эмоций, при этом ослабляется волевая регуляция поведения» [10, с. 203]. Наиболее часто при построении предвыборных речей политики опираются на способы аргументации и манипуляции, связанные с эмоциональным и рациональным аспектами воздействия.

Аргументативный способ заключается в том, что выступление содержит в себе детально аргументированный призыв к адресатам совершить общественно значимое действие. Аргументированность такого обращения позволяет достигнуть цели побудить слушателей, не находящихся в прямом подчинении адресанту, к определенным действиям, выгодным оратору в сложившихся обстоятельствах [1, с. 115]. Логическое разъяснение аудитории полезности таких действий дает возможность продемонстрировать избирателям то, что, если они отдадут свое предпочтение конкретному кандидату, многие аспекты их жизни изменятся в луч-

шую сторону. Важность использования аргументации при создании предвыборной речи заключается также в том, что она позволяет наиболее точно выразить убедительную позицию политика, произвести положительное впечатление на потенциальных избирателей и, повлияв на сознание реципиентов, сформировать в нем выгодную политику картину мира.

Рациональное риторическое воздействие, без сомнений, играет огромную побуждающую роль в предвыборном дискурсе, однако некоторые ученые, такие как Яскевич Я.С. и Бернштейн С.И., отмечают, что при обращении к массовой аудитории, опора лишь на аргументацию выдвигаемых положений и тезисов не всегда является верным подходом. Исследователи отмечают, что публичная речь должна обладать выразительностью, сценарностью и ярко-выраженной эмоциональностью, должна прививать и рекламировать какие-либо идеалы и ценности [5, с. 26]. Это доказывает необходимость применения способа манипуляции в написании предвыборной речи, которая часто выражается в побуждении избирателей предпочесть определенного кандидата. Во время предвыборной речи кандидат на пост президента является адресантом, задачей которого является внушение будущим избирателям необходимости совершение «правильный» политический выбор.

Для достижения вышеупомянутой цели политики нередко прибегают к различным методам воздействия на сознание адресатов. Такое воздействие обычно направлено на изменение уже существующих в сознании избирателя представлений о политическом мире. Довольно часто это происходит с использованием косвенных речевых актов и манипулятивных стратегий, что необязательно связано с искажением фактов реальной действительности и созданием нового ложного представления о ней [8, с. 237].

Опираясь на вышеприведенные факты, можно отметить, что жанр предвыборного дискурса сочетает в себе особенности институциональной, риторической и ритуальной коммуникации, характеристики которых стоит рассмотреть более детально.

Карасик В.И. отмечает, что ритуализация, свойственная различным типам дискурса, особенным образом преломляется в конститутивных признаках различных видов институционального дискурса, таких как цель, стратегии, участники, речевые формулы, хронотоп и другие.

Под ритуалом принято понимать совокупность действий, организованных особым образом, и обладающих символической значимостью. Для возникновения и существования ритуала важны значимые для определенного общества моменты, ему свойственна цикличность, поэтому коммуникативные ситуации, обладающие чертами ритуального характера, происходят в определенное время. Ритуалы нередко сопровождаются особыми словесными формулами, а также отличаются особой зрелищностью.

Ритуальность предвыборного дискурса состоит в том, что выборы являются атрибутом определенного политического режима и представляют собой определенный сюжет и сценарий. Они считаются одним из наиболее важных этапов формирования лидерства между кандидатами.

Ритуальной коммуникации нередко присущи театральность и в некоторой степени драматургичность. Большинство политических мероприятий тоже обладают данными характеристиками. По мнению Г.Г. Почепцова, хорошие публичные выступления напоминают театральные постановки, обладают присущей им зрелищностью [7, с. 47].

Ролевая структура предвыборного дискурса отличается достаточно строгими сценарными характеристиками. Среди участников предвыборного ритуала выделяют кандидатов на пост президента и избирателей. В рамках предвыборных речей политик выступает как оратор и является объектом воздействия; общество выступает в роли слушателей, и представляет собой субъекта воздействия. Перед политиком стоит задача выставить своего соперника в менее выгодном свете, что способствует созданию положительного имиджа в условиях контраста. Избиратели в начале данного процесса играют лишь пассивную роль реципиентов. Однако на финальном этапе они принимают активное участие в избирательном процессе, ведь именно они выбирают кандидата, наиболее соответствующего их представлениям о подходящем президенте.

В политическом дискурсе используются вербальные и невербальные семиотизаторы предвыборного пространства, которые создают символичность. Согласно Гаджиеву К.С., они являются не только способами, посредством которых между людьми протекает взаимодействие, но и представляют собой средства воздействия и социальной регуляции. Субъект воспринимает информацию, заключенную в символы, и расшифровывает их так, что они начинают нести определенную смысловую нагрузку [6, с. 139].

Семиотизаторы, используемые в рамках предвыборного дискурса, обладают национально-историческим, морально-ценостным и личностным типами характера. К первому виду семиотизаторов относятся невербальные знаки, которые ассоциируются с устоявшимися в сознании каждого избирателя этапами становления государственности. Такие семиотизаторы представлены различными историческими документами и архитектурными памятниками. Вторые представляют собой вербальные знаки, указывающие на самобытность определенного общества. Последние являются собой имена президентов, вошедших в историю государства как знаковые личности.

Сопоставление вышеупомянутых особенностей ритуала и предвыборного дискурса доказывает причастность второго к сфере ритуальной коммуникации. Примерами политической ритуальной коммуникации являются выступления политиков на телевидении, теледебаты, инаугурационные обращения, предвыборные речи и другие.

Рассмотрим некоторые институциональные характеристики предвыборного дискурса. В настоящее время общество любой страны состоит из социальных институтов. По мере происходящих изменений в различных сферах жизни общества (политическая, религиозная, духовная, экономическая, социальная) некоторые институты изменяются, а также возникают новые. Объединение индивидов в конкретные социальные институты происходит в тесной связи с существующими социальными нормами.

Ни один социальный институт не может существовать вне языка и коммуникации, характер которой имеет различную специфику в зависимости от конкретного общественного института. Коммуникация может носить как персональный (личностное общение), так и институциональный характер (статусно-ориентированное общение), в социолингвистике, соответственно, существуют такие понятия как персональный дискурс и институциональный дискурс. Функционирование индивида как члена общества неразрывно связано с социальными ролями и нормами. Таким образом, коммуникация, протекающая в рамках норм статусно-ролевых отношений, свойственна институциональному дискурсу.

Предвыборная речь кандидата является вербальным выражением коммуникативных отношений социального института выборов, в рамках которого функционирует предвыборный дискурс. В рамках института выборов и предвыборного дискурса главными участниками являются кандидаты и избиратели, которые в свою очередь также обязаны соответствовать определенным устоявшимся нормам к примеру, для того, чтобы баллотироваться на пост президента, политику необходимо достичь определенного возраста, то же самое касается и избирателей, допускающимся к голосованию только по достижению определенного возраста. Еще одним критерием часто является необходимость наличия у баллотирующегося гражданства страны, в которой проходят выборы и другие.

Тематика выступлений кандидата также тесно связана с проблемами, волнующими определенный круг потенциальных избирателей, которые в рамках предвыборного дискурса представляют собой новое социальное образование, хотя и могут относиться к различным слоям общества.

Обратимся к риторическим характеристикам предвыборного дискурса. И риторика, и предвыборный дискурс имеют некоторые общие цели, такие как убеждение слушателей, воздействие над ними и так далее. Частная риторика связана с особенностями речевой коммуникации и функциями, выполняемыми речью в различных сферах жизни индивида. Речь здесь является основным орудием действия.

Количество частных риторик зависит от количества существующих профессиональных сфер. Так, например, жанры речи государственной власти характерны именно частной риторике государственного управления.

Таким образом, предвыборный дискурс можно рассматривать не только с институциональной точки зрения, но и как риторический жанр. Пожалуй, наиболее весомую роль политическая риторика играет именно в рамках предвыборного дискурса. Предвыборные речи и публичные выступления политиков демонстрируют целый ряд риторических приемов убеждающей коммуникации.

Безменова Н.А. выделяет такие аспекты приемов риторического воздействия, как пафос (воздействие происходит путем влияния на слушателей через эмоциональную составляющую), логос (воздействие путем аргументации) и этос (воздействие путем обращения к моральным принципам общественности) [4, с. 38]. Изучая предвыборный дискурс, мы уделяем огромное внимание вышеперечисленным аспектам.

Одним из способов оказания речевого воздействия является заражение, заключающее в себе предварительную подготовку слушателя к восприятию дальнейшей информации, привлечение его внимания. Еще одним способом является процесс внушения, обладающий осознанным характером. Данный способ достаточно эффективен в достижении цели воздействия на аудиторию и навязывании ей своих интересов.

Рассмотрим еще один способ речевого воздействия – убеждение, при котором слушатель сам приходит к выгодным оратору умозаключениям, в результате выполненного над ним интеллектуального воздействия. Наиболее яркое воплощение предвыборного дискурса происходит именно посредством монологических предвыборных речей кандидатов.

Таким образом, наиболее яркое воплощение предвыборного дискурса происходит именно посредством монологических предвыборных речей кандидатов. Основные стратегии, посредством которых происходит манипулятивное воздействие на круг избирателей, содержат в себе следующие аспекты: пафос, логос и этос.

Предвыборный дискурс относится к институциональному виду дискурса, обладает ритуальными особенностями и является собой отдельный риторический жанр. Ритуальные особенности предвыборных выступлений включают в себя: символичность, темпоральность, ролевую структуру, сценарность и ритуальность. В качестве языковых способов воздействия, обладающих манипулятивным потенциалом на людей выделяют семиотизаторы личностного порядка и морально-ценностные семиотизаторы.

Список литературы

1. Анисимова Т. В. Современная деловая риторика: учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М.: Воронеж, 2004. – 432 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1999. – 896 с.
3. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов. – Режим доступа: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/stat/staty-.htm> (дата обращения 02.11.2017).
4. Безменова Н. А. Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова. – М.: Наука, 1990. – 239 с.
5. Бернштейн С. И. Устная публичная речь и проблема ораторской радиопередачи. Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики / С. И. Бернштейн. – М.: Наука, 1972. – 537 с.
6. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура / К. С. Гаджиев. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
7. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии 20 века / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 348 с.
8. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2006. – 136 с.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М: Гнозис, 2003. – 326 с.
10. Яскевич Я. С. Коммуникативная парадигма субъекта власти: специфика аргументации/ Я. С. Яскевич // Материалы 7-й Общероссийской научной конференции. – СПб., 2002. – С. 202-205.

КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПО ТЕМЕ ЭКОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Газилов М.Г.

профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук,
Российский государственный университет туризма и сервиса, Россия, г. Москва

Иванникова И.А.

преподаватель высшей квалификационной категории,
Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц МО РФ», Россия, г. Москва

Объектом исследования является сравнительное исследование фразеологических выражений по теме экологии во французском, немецком и русском языках. В работе проводится лексико-семантический анализ фразеологизмов французского, немецкого и русского языков, исследуются сходства и различия в структуре и семантике фразеологизмов, рассматриваются их экспрессивность и межъязыковая эквивалентность. Актуальность данного исследования заключается в том, что компаративное исследование фразеологиз-

мов во многом помогает понять культуру и быт народов, а также способствует их правильному переводу. Кроме того, 2017 год – это год экологии в России и исследуемая нами тема также может способствовать воспитанию любви к природе, бережного отношения к окружающей нас среде.

Ключевые слова: фразеологизмы, экология, французский язык, немецкий язык, компаративистика.

Фактически, почти все нюансы жизни человека от рождения до смерти находят своеобразное отражение во фразеологических единицах языка.

Изучение фразеологических выражений в процессе обучения иностранному языку занимает важное место: использование образной речи придает языку неповторимую яркость, выразительность. И при этом нужно научиться переводить фразеологизмы правильно: буквальный перевод этих выражений не всегда понятенносителю другого языка. Изучение фразеологизмов, особенно их компаративное исследование во многом помогает понять культуру и быт народов, освоить иностранный язык и способствует их правильному переводу.

Фразеологизмы являются не только способом приобщения изучающих иностранные языки, в частности французский и немецкий, к образцам выразительной речи, способствующей расширению их лингвистического кругозора, но и важным средством обучения бережному отношению к экологии, выражения любви к природе.

По характеру и числу сопоставляемых в работе языков французский и немецкий можно рассматривать как родственные языки (романо-германская группа языков), а вот русский и французский или русский и немецкий – отдаленно родственные (европейская семья языков). Следует отметить, что специфика сопоставления фразеологизмов отдаленно родственных языков, в том числе немецкого и русского, не базируются на полном материальном тождестве сопоставляемых единиц [2, с. 56]. Для отдаленно родственных языков межъязыковое материальное тождество фразеологических единиц (далее ФЕ) оказывается часто редким явлением, связанным с заимствованием фразеологизмов из одного сопоставляемого языка в другой или из какого-либо третьего языка в оба сопоставляемые [5, с. 67].

Результаты проведенного исследования дают нам основания утверждать, что особенность немецкой, а также французской фразеологии в отличие от русской состоит в том, что в лексическом аспекте немецкого и французского языков господствует часто имя существительное, а в структурно-синтаксическом – глагол. При этом склонность французского и немецкого языка к глагольности предложения ведет к увеличению числа немецких и французских глагольных ФЕ над русскими; соответственно в русском языке гораздо больше безглагольных оборотов, что также следует учесть при переводе. Кроме того, нельзя игнорировать определенные особенности французских фразеологических единиц, которые, как известно, обусловлены некоторыми свойствами французской лексики, а именно: повышенной способностью французского слова к переносным употреблениям [3, с. 20].

В процессе исследования мы обратили внимание на то, что большая часть (60%) исследованных фразеологизмов выражает отрицательную характеристику душевного состояния, поступков, внешнего вида во французском, немецком и русском языках. Из них по теме «Природа» – 37%, «Стихия» – 46%, «Водоёмы» – 100%, «Флора» – 53%, «Фауна» – 69%, «Человек» – 61%. И только 30 % фразеологизмы имеют положительную окраску. При этом самым ярким оказался блок

«Флора» (таблица): большое количество фразеологизмов со словом «роза» наличествует во всех трех языках. Нем.: *Auf Rosen gebettet sein*. Фр.: *Couvrir de fleurs (chemin semé de roses)*. Рус.: Усыпать розами; петь дифирамбы.

Таблица

Фразеологизмы по теме «цветы, деревья, растения»					
Немецкий язык	Дословный перевод	Французский язык	Дословный перевод	Русский эквивалент	Толкование
Etwas durch die Blume sagen.	Что-то сказать через цветок	-		-	Говорить скрытно, осторожно раскрывать тайну
Schöne Blumen stehen nicht lange am Wege.	Прекрасные цветы не стоят долго у дороги	Belle comme une fleur (beau comme une fleur)	Красивая, как цветок (красивый, как цветок)	Писаная красавица (красивый, просто загляденье, красив как бог)	Быть красивым
Auf Rosengebett et sein	На розах быть уложенным	Couvrir de fleurs (chemin semé de roses)	Усыпать цветами (розами)	Усыпать розами; петь дифирамбы	Быть удачливым
Die Blumen des Vergnügen-spflücken	Сорвать цветы удовольствия.	Cueillir les roses de la vie	Срывать цветы жизни	Сорвать цветы удовольствия	Получать самое лучшее, жить беззаботно.
Keine Rose ohne Dorn	Нет розы без шипа	Il n'y a pas de roses sans épines	Нет розы без шипов	Нет розы без шипов	Иметь недостатки
Beredter Mund geht nicht zu-grund	С красноречивым языком не пропадешь	Les fleurs de rhétorique	Цветы красноречия	Цветы красноречия	Красиво и эмоционально выражаться
Perlen vor die Säue werfen	Бросать жемчуга перед свиньями	Jeter des marguerites devant les porceaux	Метать ромашки перед свиньями	Метать бисер перед свиньями	Растрачивать, тратить впустую

И всего лишь 10 % фразеологизмов с нейтральной окраской: такие выражения не дают отрицательной или положительной оценки, а носят повествовательный характер.

Итак, подведем итоги: всего в работе исследовано около 500 фразеологических единиц французского, немецкого и русского языков и выявлено следующее:

1) Фразеологические единицы, которые совпадают полностью по своей семантике во французском, немецком и русском языках, составляет около 17% от всех исследованных нами фразеологических единиц;

2) Фразеологические единицы, которые характеризуются семантической идентичностью во французском и немецком, но отличаются от русского языка, составляют приблизительно 12%;

- 3) Фразеологические единицы, совпадающие только во французском и русском языках, но отличающиеся от немецкого – 4 %;
- 4) Фразеологические единицы, совпадающие только в немецком и русском языках – 9 %;
- 5) Фразеологические единицы, которые не совпадают ни в одном языке – 21 %;
- 6) Полное смысловое совпадение фразеологических единиц в разных языках, в частности во французском и немецком (а также в русском), объясняется в первую очередь тем, что они имеют общую этимологию (восходят к одному первоисточнику): большая часть этих фразеологизмов заимствована, скорее всего, из латинского языка;
- 7) В отличие от тех фразеологизмов, которые приобрели межъязыковую эквивалентность вследствие заимствований, сходство фразеологизмов может быть обусловлено и простым совпадением, но такое совпадение, как показывает наше исследование, встречается реже;
- 8) Семантическое тождество фразеологических единиц по экологии часто сопровождается и структурным тождеством. Но при детальном исследовании компонентов фразеологических единиц, совпадающих по семантике и по своему строению, можно увидеть и некоторые интересные различия. В частности «ромашка» из французской пословицы *«jeter des marguerites devant les porceaux»* (= букв: метать ромашки перед свиньями) в немецком и русском фразеологизмах превращается в «бисер»: *Perlen vordie Säuwerfen*. *Метать бисер перед свиньями*. Или «обезьяна» из «*malin comme un singe*» (= букв.: хитрый как обезьяна) в русском и немецком вариантах трансформируется в «лису», *Fuchs*. А вот слово «муха» из русской пословицы «Делать из мухи слона» заменена в немецком и французском на «*комар*» (нем.: Auseiner Mücke einen Elefanten machen. фр.: Faire d'une **moustique** un éléphant.) и т.д. Скорее всего, такое различие связано с разным восприятием картины мира у французов, немцев и русских. Путь от реальности к понятию и далее к словесному выражению, как известно, различен у разных народов, что объясняется и условиями их жизни, и их историческим развитием и т.д. Соответственно, различной будет и языковая картина мира у этих народов. Последнее очень важно для правильного перевода фразеологизмов. Тем самым, в результате компаративного исследования фразеологизмов французского, немецкого, а также русского языков можно наглядно увидеть интернациональное и национальное в семантике изучаемых фразеологизмов;
- 9) Кроме того, около 60 % из всех исследованных в работе фразеологизмов по экологии во французском, немецком, а также в русском языках имеют отрицательную окраску, 30 % фразеологизмов имеют положительную окраску. И лишь 10% фразеологизмов – нейтральную;
- 10) Склонность немецкого и французского языка к глагольности (а также двусоставности) предложения ведет к заметному превышению числа немецких и французских глагольных ФЕ над русскими; соответственно в русском языке гораздо больше безглагольных оборотов, что также следует учесть при переводе.
- Таким образом, на примере рассмотренных фразеологических единиц можно отчетливо представить, насколько выразительны фразеологизмы современного немецкого и французского, а также русского языков, насколько они схожи и различны между собой. Общие и отличительные свойства образных средств исследуемых языков помогает нам еще раз увидеть единство и своеобразие языковых единиц.

ниц, единство и разнообразие языковых картин, восприятия мира, ведь соотношение этих словесных картин – очень яркий феномен в языкоznании.

Мы считаем, что данная работа не только будет способствовать расширению лингвистического кругозора, но и послужит важным средством обучения бережному отношению к экологии, поможет привить любовь к природе.

Список литературы

1. Газилов М.Г. Компаративный метод изучения временной системы французского языка. Вестник Ассоциаций ВУЗов туризма и сервиса. 2013. № 3 (26). С. 53-56.
2. Городецкая И.Е. Соматический компонент фразеологизмов русского и французского языков // Вестник Ставропольского государственного университета. № 51. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. – С. 157-161.
3. Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: сопоставительный анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2008. – 132 с.
4. Материалы 50 научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 95-98.
5. Солодилова И.А., Щербина В.Е. Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты современной фразеологии. Монография. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 377 с.
6. Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом "Mund" / "рот" в немецком и русском языках. <https://xreferat.com/31/796-2-sopostavitel-nyiy-analiz-frazeologic...>(дата обращения: 14.02.2016).
7. Doronkina I.G., Borisova O.N., Malyutin G.V., Gazilov M.G. Ecotourism in community environment. World Applied Sciences Journal. 2014. Т. 30. № 30. С. 35-36.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА СЛОВА: СЕМА, СЕМЕМА, СЕМАНТЕМА

Гизатуллин Д.Э.

аспирант кафедры русского и сопоставительного языкоznания,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается один из методов представления содержательной стороны языкового знака – компонентный анализ, основные понятия которого – сема, семема и семантема – не все исследователи понимают одинаково, в связи с чем делается попытка дать лингвистические определения этим терминам. Также в статье определяется связь данных понятий с обозначающими сторонами знака – лексемой и словом.

Ключевые слова: компонентный анализ, семный анализ, сема, семема, семантема, лексема, сентенционная форма.

Компонентный анализ – один из главных инструментов для выявления значения слова. Он был разработан на базе достижений структурной лингвистики и отражает системно-парадигматическое представление о языке. Основной идеей, послужившей первым шагом к разработке компонентного анализа, стала попытка переноса принципов анализа бинарных оппозиций из фонологии Н. С. Трубецкого в семантику [4, с. 112]: две дискретные единицы должны быть разложены на пропорции, состоящие из далее неразложимых элементов (подобно разложению числа на простые числа в математической логике), что позволяет выделить общие и различающиеся составляющие анализируемых единиц. В семасиологии этот принцип

оформился в теорию, что значение слова может быть представлено как определенным образом упорядоченная совокупность множителей, или семантических компонентов, которые, подобно простым числам, являются минимальными семантическими признаками. Более того, согласно данным представлениям, не только само слово, но и сам словарный состав языка представляет собой систему и может быть описан с помощью ограниченного набора минимальных семантических компонентов, или сем.

Сема является компонентом плана содержания и располагается на сигнifikативном уровне значения [5, с. 289], т.е. представляет собой отличительный признак денотата слова. Например, значение лексемы «мужчина» может быть разложено на три семы: «человек», «взрослый», «мужской пол», а лексему «женщина» также можно представить как три семы: «человек», «взрослый», «женский пол». Слова «мужчина» и «женщина», таким образом, имеют в своем семантическом содержании признаки, которые их объединяют («человек» и «взрослый»), и признаки, по которым они различаются («мужской/женский пол»). Семы, являющиеся общими для ряда лексем, играют объединяющую роль и потому считаются интегральными. Так, сема «человек» присутствует в лексемах «мужчина», «женщина», «ребенок», «спортсмен» и др. Семы, различающиеся на сигнifikативном уровне значений, служат для разграничения значений и называются дифференциальными. При этом сема, играющая интегральную роль в один словах (компонент «взрослый» в лексемах «мужчина» и «женщина»), может быть дифференциальной в другом семантическом ряду (компонент «взрослый» отличает слова «мужчина» и «мальчик»), т.е. имеет разный иерархический статус.

Благодаря описанию значения с помощью набора сем, методика компонентного анализа позволяет рассмотреть словарный состав языка как систему относительно автономных, но связанных друг с другом семантических полей, которые представляют собой ряд лексико-семантических вариантов [9, с. 77], связанных интегральной семой, различающихся хотя бы одной дифференциальной семой и имеющих между собой парадигматические отношения. Семантические поля, как и отдельные значения слов, часто иерархически упорядочены и могут являться строгой парадигмой. В качестве последней можно представить семантическое поле родства, где составляющие это поле лексемы имеют интегральный признак «родство» и дифференциальные признаки «пол», «поколение», «степень родства»: лексемы «мать», «отец», «дочь», «сын», «бабушка», «дядя» и др. [10, с. 19].

Самый простой вариант компонентного анализа, предложенный Ю. Найдой [3, с. 180], был назван процедурой вертикально-горизонтального анализа значений и заключался в сопоставлении лексемы (Найда анализировал английское слово «magazine» [3, с. 181]) с другими лексемами из того же эндоцентрического ряда. Так, в список компонентов значения лексемы включаются семы ее гиперонима («периодическое издание»), семантические компоненты, которые выявляются при сопоставлении лексемы с когипонимами (сема «сброшюрованность» отличает от слова «newspaper», сема «развлекательный характер» отличает от слова «journal»). При данном анализе семы гиперонима рассматриваются как архисема значения, поскольку составляют семантическое ядро лексемы.

Однако, даже несмотря на постулирование архисемы в этом варианте компонентного анализа, семы оказались не упорядочены и не было ясно, как именно структурируется значение лексемы, поэтому были разработаны другие варианты компонентного анализа, где лексемы уже не просто сопоставлялись друг с другом,

но анализировались в сентенционных формах вида ХРУ, где Р – нужное нам слово, а Х и У – переменные, т.е. слово рассматривалось не изолированно, а в контексте словосочетания или предложения [2, с. 200]. Это было необходимо для того, чтобы выявить строгую упорядоченность семантических компонентов в значении лексемы и более точно представить ее толкование [8, с. 27].

Семы – это минимальные компоненты значения, которые не имеют соотносимого с ними элемента выражения. Это относится как к семам, составляющим собственно лексическое значение слова, так и к компонентам грамматического значения. Другими словами, выявление сем – это операция по абстрагированию и выявлению элементов плана содержания, которые не выражаются на данном уровне разложения структуры, т.е. люди не общаются семами. Минимальной единицей системы содержания, имеющей соответствующей ей элемент системы выражения естественного языка, является не сема, а определенным образом упорядоченная совокупность сем с ядром и периферией. Такая семантическая совокупность представляет собой отдельное значение слова и называется семой.

Семена, в отличие от семы, является одной из трех частей многостороннего языкового знака: семена представляет семантическое содержание знака, чей план выражения представлен в виде фонетической оболочки и называется лексемой. Третья же сторона – это синтаксика. Другой взгляд на лексему дан Ю. Д. Апресяном [1, с. 509], который рассматривает лексему не как означающее знака, а как саму знаковую единицу. С этой позиции, реальной лексической единицей языка является именно лексема, а не слово, потому что в высказывании человек использует слова в каком-то одном, отдельном значении, т.е. выбирает конкретную семему (речь идет о нормативном использовании языка). Например, слово *молния* имеет в своем составе четыре лексемы: *молния 1* – «разряд атмосферного электричества», *молния 2* – «особо срочная телеграмма», *молния 3* – «срочно выпускаемая стенная газета, посвященная особо важному вопросу» и *молния 4* – «быстро задерживающаяся скользящая застежка» [Там же]. Лексема – это, таким образом, слово в одном из его значений, но со всей совокупностью присущих этому значению свойств, или же, другими словами, это совокупность всех форм одного и того же слова, объединенная общностью семемы.

Компонентный анализ направлен на выявление сем, семантических компонентов, которые представляют собой структуру значения языкового знака, и их состав, порядок и иерархия определяют, какая именно семена заложена в то или иное слово в высказывании и, следовательно, какая именно лексема многозначного слова была употреблена. Однако лексемы многозначного слова почти всегда обнаруживают явные общие компоненты, процент содержания которых в лексемах порой достаточно велик, что говорит о семантической связанности разных значений одного слова. Совокупность всех значений слова, или же совокупность всех вариантов планов содержания слова, или же совокупность семем тех лексем, которые принадлежат к одному слову, называется семантемой [7, с. 136].

Именно семантема считается планом содержания слова в естественном языке и представляет собой совокупность взаимосвязанных значений слова [6, с. 82]. Это понятие наиболее важно для лексикологии и, особенно, для лексикографии, потому что при описании слова исследователь стремится дать максимально полный и подробный список толкований всех лексем данного слова, т.е. представить определенным образом упорядоченную его семантему. Таким образом, компонентный анализ опирается на принцип членения значения на минимальные компоненты зна-

чения, или семы, состав и иерархия которых разграничивают между собой разные значения слова, или семемы, совокупность которых объединяется в семанту – ряд значений одного слова.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2009. 486 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 352 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
6. Попова И. А., Стернин И. А. Общее языкознание. М.: АСТ-Восток-Запад, 2007б. 408 с.
7. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
8. Тондл Д. Проблемы семантики. М., 1975. 280 с.
9. Фаткуллина Ф. Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография. Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. 300 с.
10. Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа: РИЦ БГУ, 2002. 268 с.

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА АНЕКДОТА

Зубова И.И.

доцент кафедры информатики и прикладной лингвистики, доцент,
Минский государственный лингвистический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

В статье рассматриваются структурно-смысловые характеристики текста анекдота. Отмечается, что различие в интерпретации ситуации адресантом и адресатом, формируемая при этом двусмысленность является основой построения комической ситуации. На примере англоязычных анекдотов выделяются основные средства создания комического эффекта в текстах данного типа.

Ключевые слова: анекдот, двусмысленность, интерпретация, комический эффект, ситуация.

Вариантом реализации комического в речевом общении является анекдот – малоформатный текст, представленный, чаще всего, в форме диалога. Как речевой жанр, он непосредственно связан с ситуацией общения и темой разговора. Текст анекдота всегда группируется вокруг ключевой фразы. Однако анекдот не воспроизводится адресантом как готовое речевое произведение, а каждый раз порождается заново [4, с. 137-149]. В ситуации, представленной в анекдоте, участвуют, как минимум, двое. Адресант непреднамеренно произносит двусмысленную фразу. Эта

фраза интерпретируется адресатом по-другому, то есть в нее вкладывается другой смысл. Такая ошибочная интерпретация может быть случайной. Например:

Mother (at the dinner): –Johnny, I wish you'd stop reaching for things. Haven't you a tongue?

Johnny: –Yes, Mother, but my arm's longer [5, с. 15].

Интерпретация может быть также преднамеренной. Например:

A taxi was creeping slowly through the rush-hour traffic and the passenger was in a hurry.

– *Please, – he said to the driver, –can't you go any faster?*

– *Of course I can, –the cabby replied. –But I am not allowed to leave the taxi* [5, с. 16].

И в первом, и во втором случае неправильная или неадекватная интерпретация высказывания адресантом и адресатом явилась причиной создания комичной ситуации ввиду несоответствия вложенных ими смыслов в свои высказывания. Различие или несовместимость двух интерпретаций, лингвистически объединенных в одну ситуацию, и является основой построения комической ситуации. Еще одной важной чертой текста анекдота является то, что двусмысленная ситуация может быть создана только при следующем условии: двусмысленность, заложенная в высказывании адресанта, не должна быть раскрыта или замечена адресатом.

Важной структурной характеристикой текста анекдота является зачин, состоящий из глагола в настоящем времени и действующего лица. Вслед за зачином в анекдоте выделяется развитие темы, которое выражается либо как повествование в настоящем времени, либо как описание, либо как дефиниция. Затем наступает момент кульминации анекдота. Он должен быть в какой-то мере неожиданным и парадоксальным. Кульминация в анекдоте – это его содержательный, а не коммуникативный финал, поскольку предполагается реакция на анекдот адресата (чаще всего, смех) [3, с. 367-368].

В тексте любого анекдота можно выделить лингвистическое ядро или центральную часть. В качестве такого ядра выступает тот компонент (он может быть представлен как одним словом, так и целым предложением), лингвистическая природа которого (полисемия, омонимия и т.д.) позволяют создать юмористический эффект. В приведенном выше примере таким ядром служит предложение *Haven't you a tongue?* Лингвистическое ядро представляет собой обязательную и незаменимую часть текста анекдота. Все остальное может модифицироваться, часто сокращаться до минимума. Иногда вокруг одного ядра создаются различные, схожие по смыслу ситуации. Для примера сравним две шутки с разным предисловием и одним ядром:

1. *A very nice old lady had a few words to say to her granddaughter.*

– *My dear, – said the old lady, –I wish you would do something for me. I wish you would promise me **not to use** two words. One is 'lousy' and the other is 'swell'. Would you promise me that?*

– *Why sure, Granny, – said the girl. –**What are the words?***

2. *Professor Einstein was fascinated by American slang. He listened carefully three times for the story of the employer who told his secretary.*

– *There are two words I must ask you **never to use** in my presence. One of them is 'lousy' and the other is 'swell'.*

– *That's all right by me, – said the secretary. **What are the words?***

When he finally comprehended, the professor threw back his head and roared with laughter [5, с. 17].

Выделенные фрагменты в текстах анекдотов представляют собой лингвистическое ядро, которое является основой построения комической ситуации. Приведенные примеры доказывают значимость лингвистического ядра и второстепенность ситуации.

Для того чтобы полностью понять смысл предложения, недостаточно знать значения всех слов, структурную организацию предложения и его составляющих. Необходимо также учитывать всевозможные варианты смысла, которые оно может иметь. Иначе говоря, для того, чтобы понять смысл предложения, необходимо учитывать не только то содержание, которое заключено в значениях составляющих его слов, но и контекст, в котором они употреблены. Ситуация, в которой реализуется предложение, включает в себя также ее участников, социальный и культурологический контекст. Поэтому высказывание, имеющее вполне ясный и определенный смысл в одной ситуации или обстановке, может быть не понято или иначе интерпретировано в другой. Возьмем, к примеру, предложение *When did you come home last night?* Данный вопрос в обычной жизненной ситуации предполагает, что человека, к которому обращаются, в определенное время не было дома. Однако в какой-то другой ситуации этот вопрос имеет принципиальное для жизни значение (например, если этот вопрос был задан в суде). Другим феноменом, помогающим правильно понять смысл предложения, является подтекст. И если предпосылка первоначально исходит из смысла самого предложения, то подтекст – это ситуация, общая атмосфера, иногда противоречащая смыслу высказывания. Например:

- *Was it very crowded at the cabaret last night?*
- *Not under my table* [6, с. 44].

В данном случае предпосылка сводится к тому, что несколько человек валялись под столом, а подтекст – они были пьяны.

В тексте анекдота комический эффект часто является следствием неполного распознавания или смешения нескольких значений его компонентов. Отсутствие однозначного соответствия между формой и содержанием текста, а также восприятие значения слова лишь в его первоначальном значении одним коммуникантом и в не первоначальном значении – другим и является причиной смешения значений одного слова. Лингвистические формы, вызывающие такое смешение, вариативны. К ним можно отнести омонимы, лексико-семантические варианты одного слова, слова, используемые в метафорическом или переносном значении, фразеологизмы и т.д. Посредством этих единиц выстраиваются две ситуации: обычная (нормальная, с обычным и распространенным значением) и так называемая «неправильная» (которая строится за счет неоднозначной интерпретации значения ее компонентов). Такая неправильная ситуация в жизни в принципе возможна, но по каким-либо причинам не соответствует ситуации, описываемой в тексте.

Как отмечалось выше, иногда для создания комического эффекта достаточно неоднозначного понимания значения какого-либо слова предложения. Вариантами формирования неоднозначного понимания являются омонимия и полисемия. Среди омонимии часто можно встретить омонимию значений слова. Например:

- She: –Now that we are engaged, dear, you'll give me a ring, won't you?*
- He: –Yes, dear, certainly. What's your phone number, darling?* [6, с. 45].

В этом случае наблюдается омонимия значений слова *ring*: 1) кольцо и 2) телефонный звонок. Возможна и омонимия грамматических форм. Например:

1) *a sleeping dog* и 2) *a sleeping car* [6, с. 46]. Глубинная структура этих двух фраз следующая:

1. *The dog is sleeping* (*sleeping* выступает в роли причастия).
2. *The car is for sleeping* (*sleeping* выступает в роли герундия).

Роль полисемии в создании комического эффекта можно проиллюстрировать следующим примером:

Customer: –I would like a book, please.

Bookseller: –Something light?

Customer: –That doesn't matter. I have my car with me [5, с. 19-20].

В данном случае обыгрывается полисемия значений английского слова *light*:

1) легкий для восприятия, 2) не тяжелый по весу.

Следующая словесная форма – каламбур – определяется как игра слов с целью достижения комического эффекта. При этом отмечают такие разновидности каламбура как каламбур, основанный на полисемии; каламбур, основанный на полной или частичной омонимии; каламбур, основанный на созвучии. В рамках последнего вида каламбура выделяют случаи, когда созвучные слова сопоставляются в одном семантическом контексте; когда возникает замена одного слова, входящего в привычные идиомы, фразеологизмы, пословицы; варианты сознательной (обычно ложной) этимологизации слова; случаи разложения и переосмысливания устойчивого словосочетания; каламбур, основанный на контаминации созвучных слов или частей [1, 2]. В то же время некоторые лингвисты считают, что игра слов – это использование разных значений одинаковых слов, а каламбур – это использование сходства двух слов, различных по происхождению, несмотря на то, что они могут быть омофонами и произносятся совершенно одинаково [1, 2]. Например, игра слов, основанная на различии значений слова *to pay* в выражениях *to pay money* и *to pay attention*: *I am so poor I can't afford to pay attention*. Еще один пример игры слов, основанной на различных значениях слова *revolting*: 1) *disgusting* (отвратительный) и 2) *to rebel* (бунтовать):

A King's counselor: –Your majesty, the peasants are revolting!

The King: –You're telling me!

Рассмотрим еще один пример:

- *What is the difference between a dog and a fox?*
- *About three drinks.*

Чтобы понять эту шутку, необходимо знать, что в американском сленге *fox* означает *красивая девушка*, а *dog* – *некрасивая девушка*.

К комическому эффекту могут приводить различные преобразования внутри предложения, формирующие его неоднозначность. Например, можно знать значения английских слов *he*, *trains*, *seals*, но практически невозможно определить смысл предложения, в которое они входят, пока предложение не составлено. Например: *He trains seals* – *Он тренирует тюленей*. Если поставить слова в другом порядке, то получится другой смысл: *He seals the trains* – *Он опечатывает вагоны*. Слова *trains* и *seals* приобретают различное значение, так как выполняют в предложении разные функции. Таким образом, смысл предложения становится понятным только тогда, когда известна его структура. Рассмотрим пример того, как при перестановке составляющих компонентов благодаря возникшей двусмысливости предложения создается юмористическая ситуация:

- *But you said she sang beautifully!*
- *No, I didn't.*

- *What did you say?*
– *I said she was a beautiful singer* [4, с. 34].

Комическая ситуация в данном анекдоте строится на двусмыслиности последней фразы. *A beautiful singer* может означать: 1) певицу с красивым голосом и 2) певицу с красивой внешностью (красивую певицу). Рассмотрим еще один пример того, как двусмысличество отражается в шутке. Предложение *Never hit a man with glasses* может быть интерпретировано следующим образом:

1. *Never hit (a man with glasses)* = *Never hit a man wearing glasses*.
2. *Never (hit a man) with glasses* = *Never hit a man using glasses* [4, с. 35].

Расположение прилагательного при существительном также может быть источником двусмысличности. Если адресат не связывает нужное определение с нужным именем, то его реакция непредсказуема, начиная от смеха и заканчивая полным непониманием. Необходимо также учитывать тот факт, что если адресат является читателем текста, он не может услышать интонационную интерпретацию текста автором, которой достаточно для разбивки предложения на смысловые фрагменты. Например, *There is a man in the car from Kansas* [4, с. 39-40]. Данное предложение может быть понято по-разному: в машине находится мужчина из Канзаса или его машина с номерами штата Канзас.

Отмеченные выше особенности структурной и смысловой организации текста англоязычного анекдота могут быть использованы при моделировании процесса порождения данного типа малоформатного текста с помощью компьютера.

Список литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка [Текст] / И.Б. Голуб. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карабасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Седов, К.Ф. Анекдот как жанр повседневной коммуникации [Текст] / К.Ф. Седов // Swiat humoru. – Opole: Uniwersytet Opolski; Instytut Filologii Polskiej, 2000. – С. 137-149.
5. Pocheptsov, G.G. Language and Humour. A Collection of Linguistically Based Jokes, Anecdotes, etc. [Text] / G.G. Pocheptsov. – Kiev, 1974. – 318 p.
6. Vovshin, Y.M. The Fun of Handling Tricky Things in English [Text] / Y.M. Vovshin, I.I. Panova. – Minsk: Knowledge, 1988. – 95 p.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМООРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Зуева Е.А.
канд. филол. наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена рассмотрению проблемы профессиональной самоориентации студентов, обучающихся на отделении «Перевод и переводоведение». В статье приведены результаты опроса студентов и предпринята попытка анализа возможных причин неправильной профессиональной ориентации студентов.

Ключевые слова: выбор профессии, профессиональная самоориентация, профессиональная пригодность, производственная практика.

Проблема профессиональной самоориентации студентов в последнее время все чаще обсуждается не только в профессиональной среде педагогов и психологов, но и родителями, чьи дети стоят перед непростым выбором будущей профессии. Под профессиональной самоориентацией личности понимается «избирательное отношение индивида к миру разнообразия профессий как в целом, так и конкретно выбранной профессии» [1, с. 19]. При этом основным элементом самоориентации является осознанный подход к выбору профессии с учетом личностных качеств индивида, а также необходимых требований профессиональной деятельности и социально-экономических условий. Здесь важное место занимает информированность человека о реалиях трудовой деятельности в выбранной им профессии, критериях профессиональной пригодности и условий оплаты труда.

Проблема усугубляется еще и тем, что в современных условиях школа не предоставляет учащимся достаточной информации о наиболее востребованных на сегодняшний день профессиях. В результате, при выборе профессии ученики руководствуются мнением родителей, которые, зачастую, также имеют лишь примерное представление о потребностях современного рынка труда.

Кроме того, именно в выпускных классах школы необходимо проводить различного рода мероприятия, способствующие профессиональной самоориентации будущих абитуриентов: экскурсии на производственные предприятия, беседы с рабочими и служащими, занятыми в различных отраслях производства, прохождение тестов на профессиональное самоопределение личности. На деле же, работа по профессиональной ориентации старших школьников сводится к беседам о разнообразии мира профессий и встречам с представителями различных высших учебных заведений, которые ставят своей целью привлечь как можно больше абитуриентов в свой вуз и мало заботятся о профессиональной самоориентации школьников.

Интересен в этом ключе опыт ФРГ, где проблема профессиональной самоориентации школьников декларирована на государственном уровне тремя основными законами: законом о профессиональном обучении (BBiG), законом о содействии профессиональному обучению (BerBiFG), законом об охране труда молодежи (JArbSchG). На основании данных законов в образовательную программу большинства типов немецких школ введена обязательная производственная практика, в рамках которой ученики знакомятся с особенностями и условиями работы на одном из предприятий по их выбору [2, с. 307].

Кроме того, в Германии существует и эффективно работает разветвленная сеть Центров профориентации (BIZ), организованных Федеральным агентством занятости ФРГ. Данные центры предоставляют информацию о профессиях, их востребованности на рынке труда, условиях труда и средней заработной плате, проводят тестирование на профессиональное самоопределение и профессиональную пригодность, помогают с выбором места учебы, составлением резюме и оформлением документов [3].

По окончании обучения в школе порядка 60 процентов бывших учеников в Германии продолжают обучение в системе дуального профессионального образования и выбирают одну из 350 профессий, среди которых ремесленники, дизайнеры, художники, портные, служащие из сфер промышленности, банковской системы и торговли, а также служащие социальной сферы. Данный список регламентирован государством и отражен в Положение о профессиях (HWO). В дуальной системе обучение делится на производственную и профессионально-теоретическую часть. Последняя занимает одну треть от общего времени обучения. В результате,

ученик уже с первых дней обучения профессии активно включен в процесс получения практических навыков по выбранной профессии и процесс профессиональной самоидентификации происходит быстрее и менее болезненно, чем это происходит у многих российских студентов, впервые сталкивающимися с реалиями избранной ими профессии лишь во время практики на старших курсах.

В результате, в процессе обучения профессии российские студенты проходят три кризисных стадии:

- 1) **1 курс** – кризис самоидентификации;
- 2) **3 курс** – кризис, связанный с сомнением в правильности выбора профессии;
- 3) **5 курс** – кризис, связанный с выходом на рынок труда [1, с. 67].

Работая в течение последних пятнадцати лет со студентами отделения «Перевод и переводоведение» постоянно приходится сталкиваться с проблемой профессиональной самоидентификации студентов. В течение трех лет нами регулярно проводились опросы студентов разных лет обучения, в рамках которого мы пытались выяснить мотивацию студентов при выборе данной профессии, а также их будущие перспективы на рынке труда.

Обучаясь на третьем курсе отделения «Перевод и переводоведение» многие студенты все чаще задаются вопросом, не ошиблись ли мы с выбором будущей профессии.

Проведенный нами опрос показал, что, будучи абитуриентами, будущими студентами, они плохо представляли себе все трудности выбранной ими профессии. Большинство полученных нами ответов говорит о том, что решающую роль в выборе переводческого отделения сыграли во многих случаях родители, которые настояли на том, чтобы их дети выбрали именно профессию переводчика. У большинства родителей выбор был обусловлен «престижностью» данной профессии. Однако они не учли следующий фактор: за последние десятилетия ситуация с переводчиками на рынке труда менялась неоднократно. В начале 1990-х на волне внутренних государственных перемен произошел настоящий бум спроса на этих специалистов. Открытие границ, необходимость установления деловых контактов с зарубежными партнерами, развитие туризма требовали большого количества профессиональных переводчиков. Компетентные специалисты были буквально на вес золота.

Образовательная сфера среагировала молниеносно. Коммерческие вузы, подготавливающие переводчиков, появлялись практически ежегодно, уже действующие учебные заведения в срочном порядке открывали соответствующие отделения и факультеты. В результате, через 10 лет рынок переводчиков столкнулся с перенасыщением. И вместе с утерей высокого спроса на специалистов – пошатнулась и престижность данной профессии [4].

Треть опрошенных нами студентов отметили, что в школе они испытывали значительные трудности с изучением таких дисциплин, как физика, математика или химия, и выбрали профессию, связанную с изучением иностранных языков, полагая, что в это области у них не возникнет особых трудностей с обучением. Однако уже на третьем курсе они столкнулись со сложностями, связанными с переводом текстов в специальных областях. Недостаточность знаний по предметам естественно-научного цикла не позволяет им осуществлять качественный перевод специальных и научных текстов.

Еще треть студентов, выбирая переводческое отделение, представляли себе профессию, связанную с путешествиями по миру и их основной мотивацией было

не изучение языка, а возможность познакомиться с культурой других стран. Жизнь переводчика представлялась им сплошным удовольствием: новые люди, страны, постоянная смена впечатлений. Действительно, у переводчиков, особенно у устных, есть возможность посетить многие страны, встретиться с интересными людьми. Но во время поездок они заняты работой. Любоваться достопримечательностями и вести светские беседы им просто некогда.

И лишь единицы из опрошенных нами студентов, порядка 10-15 процентов, сделали свой выбор осознанно, целенаправленно готовясь к обучению именно на переводческом отделении.

В целом хочется сказать, что у студентов, выбравших профессию переводчика, в начале обучения не сложилось четкого представления о том выбранной ими профессии. Не отдают они себе отчета и в том, что многие из них не готовы стать высококвалифицированными специалистами в силу индивидуальных особенностей их характера.

На вопрос о своих перспективах на рынке труда и том, кем они видят себя в будущем, студенты младших курсов отвечают оптимистично. В будущем они видят себя если не переводчиками, то работающими в профессии, так или иначе связанный с иностранными языками.

Студенты же старших курсов настроены более пессимистично. И изрядной долей иронии они называют в качестве своих возможных будущих профессий профессии кассира или таксиста. Возможно, уже сейчас задумавшись о своих перспективах на рынке труда, многие студенты понимают, что профессия переводчика уже не относится к редким, так сказать «элитным» высокооплачиваемым профессиям.

Именно на старших курсах приходит осознание того, что многое из них ошиблись с выбором профессии, так как не готовы тратить все свое свободное время на самообразование. Но современный рынок переводческих услуг диктует свои правила. Все чаще требуются переводчики-универсалы, способные за короткие сроки выполнить качественный перевод текстов любой тематики и функционального стиля. В условиях жесткой конкуренции успешным будет лишь тот переводчик, который будет обладать не только отличными знаниями иностранного, а лучше нескольких иностранных языков, но и обширными знаниями в различных научных и технических областях.

Процесс профессиональной самоориентации личности не заканчивается с выбором профессии, но осуществляется в течение всей профессиональной жизни человека, так как происходит постоянное переосмысление профессиональных ориентиров и самоутверждение в профессии.

Список литературы

1. Боронова Г.Х., Прусова Н.В. Психология труда. Конспект лекций. Издательство: Эксмо, 2008. 160 с.
2. Фисунова Н.В. производственная практика как форма профессионального самоопределения учащихся в школах Германии. // Вестник ТГУ, выпуск 10 (78), 2009. С. 305-308.
3. Bundesagentur für Arbeit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arbeitsagentur.de/bildung/berufsberatung-biz> (дата обращения 16.06.2017).
4. Переводчик с английского и не только [Электронный ресурс]. URL: <http://www.7ya.ru/article/Perevodchik-s-anglijskogo-i-ne-tolko> (дата обращения 11.04.2017).

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДНЫХ И ОРИГИНАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ВАЛЕНТИН КОЛУМБ И АЛЕКСАНДР СЫЧЁВ)¹

Карпов И.П.

профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, д-р филол. наук,
Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола

Цель исследования – решение некоторых проблем переводоведения в их литературоведческом преломлении, а именно: сопоставимость исследуемых авторов, адекватность идеино-художественных структур оригинала и перевода, парадигматические константы, необходимые для сравнительного анализа разных авторов. Материалом исследования является переведенные на русский язык стихотворения марийского поэта Валентина Колумба и стихотворения русского поэта Александра Сычёва.

Ключевые слова: автор, авторология, парадигма, переводоведение, хронотоп, интенция.

Важная и актуальная проблема переводоведения, тем более для такой многонациональной страны, как Россия, – перевод произведений национальных авторов на русский язык, т. е. введение творчества этих писателей в единое культурное пространство. На фоне огромного количества теоретической литературы по данному вопросу – и научной, и методической, и популярной [см.: 16, 20, 21, 22] – дальнейшие наши рассуждения будут носить чисто практический характер, основанный на методологии авторологического анализа, когда автор рассматривается как субъект литературно-художественной деятельности, а литературно-художественное произведение как словесно-образная форма объективации экзистенциальных сил и свойств писателя [подробнее см.: 4].

Валентин Христофорович Колумб родился в 1935-ом году, умер в 1974-ом (39 лет жизни), издал на марийском языке 7 книг поэзии и одну книгу очерков, 5 книг на русском языке, вышедших в центральных и марийском издательствах, плюс книги переводов на марийский – поэмы Соломона Ройтмана (1969), стихов Сергея Есенина (1970). Итоговое собрание сочинений – в 5 томах (Йошкар-Ола, 2005–2009), общий объём собрания – 3 680 страниц.

Александр Фёдорович Сычёв родился в 1946 году, умер в 1977 (31 год жизни), автор двух небольших сборников стихотворений (1974, 1978) [17, 18].

Валентин Колумб, при жизни о нём было немного публикаций (нет пророка в своём отечестве), но со временем пришло понимание, что в лице Колумба марийская литература имела (имеет – поэзия не умирает) своего гения. Пятый том собрания сочинений поэта открывается статьёй «Марийский гений: взлёты – падения – взлёт» [9, с. 3-12].

В разных аспектах жизнь и творчество Валентина Колумба представлена в книгах и статьях Кима Васина, Александра Александрова, Геннадия Матюковского, Аркадия Васинкина [2], Гельсия Зайниева, Юрия Артамонова, Ксенофонта Са-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 17-14-12004. The reported study was funded by RFBR and Government of the Mari El according to the research project № 17-14-12004.

нукова и многих других. Книга воспоминаний о Валентине Колумбе («Недаром прожил свою жизнь», 1995) [13] включает сорок четыре статьи.

Александр Сычёв в критике – при жизни поэта две статьи о нём Александра Липатова (1975, 1977) [15, с. 250-255], после смерти – статья Б. Воробьёва «Не забывайте борозды!» (1982) [14, с. 69-74], несколько небольших рецензий. В последнее время – моя статья о нём [5] и под моей редакцией публикация его поэмы «Сенокос» [19].

Может быть, я пытаюсь сопоставить несопоставимые величины? Но кроме этих, «арифметических» данных, есть и другие критерии при сопоставлении.

Главное – прирождённый поэтический талант, который и Колумб и Сычёв ценили друг в друге. Валентин Колумб буквально пестовал своего молодого товарища, «выводил в люди». Колумб анализировал раннюю поэзию Сычёва («“Ржаной горизонт” Александра Сычёва окунул взглядом Валентин Колумб», 1966) [8, т. IV, с. 341-345], высоко оценил стихи и буквально требовал от издательства, чтобы они были изданы книгой, потому что «Сычёв – “не один из”, а на сегодня самый талантливый из ребят, пишущих на русском языке» («Кое-что о стихах Александра Сычёва и о нём самом», 1972) [8, т. IV, с. 425-430; с. 436]. Сычёву принадлежат несколько переводов стихов Колумба. Книга Колумба для детей «Где прячется ночь?» начинается одноименным стихотворением в переводе Сычёва (Йошкар-Ола, 1985).

Моркинская земля – одна малая родина и для марийца Колумба (д. Мизенер) и для русского Сычёва (д. Русский Уртем).

В газетах 1970-х годов даже имена их и стихи часто стояли рядом на одной полосе. Например, стихотворение Колумба «Птичья столовая» (детское): «Я устроила кормушку / Для пернатых за окном, / С ними мне совсем не скучно / Непогожим зимним днём» – соседствует со стихотворением Сычёва «Макушка лета»: «...Малиновый свет над опушкой, / Его в туесок я беру. / А сердце кукует кукушкой / В сосново-высотном бору» (Молодой коммунист. 1973. 20 декабря. С. 3).

В одном стихотворении – зима, в другом – лето. Но и там и там – птицы, и там и там – радость от того, что есть вокруг человека такой прекрасный мир.

1960–1970-е годы – время расцвета всех национальных литератур Советского Союза. И в марийской, и в русской местной литературе одновременно работают три поколения писателей. В марийской литературе вместе с Колумбом расцветают таланты прозаика Александра Юзыкайна (роман «Медвежья берлога». М., 1973), поэта Семёна Николаева (сборник стихов «Мой марийский Урал». М., 1974). В русской литературе выходят в свет историческая трилогия «Гусляры» Аркадия Крупнякова, двухтомная «Страда» Алексея Краснопёрова. Русские поэты республики в 1960-е годы выпускают пят сборников, наиболее представительный из которых («Перекличка над Кокшагой», 1967) редактировал Колумб, республиканские и районные газеты заполняются стихами Анатолия Мосунова, Геннадия Калинкина, Владимира Панова, Нины Жибрик, Владимира Новикова. Литературные альманах 1940–1950-х годов сменяются регулярным ежегодником – литературно-художественным сборником «Дружба», в котором публикуются русские и марийские авторы на русском языке.

* * *

Правомерно ли сопоставление русских стихов Александра Сычёва и переводных (с марийского на русский) Валентина Колумба? Что сохраняется, а что теряется при переводе?

Московские известные поэты Владимир Цыбин, Владимир Костров, Николай Старшинов и другие переводили с подстрочниками.

Николай Старшинов писал: «Дорогой Валентин Христофорович!

Издательство “Советский писатель” передало мне подстрочки некоторых Ваших стихов для перевода.

Но там не указано, каковы ритмические рисунки стихов, размеры». И далее: «Напишите, пожалуйста, каковы размеры оригиналов» [9, т. V, с. 535].

Переводчик Олег Богданов руководствовался другими принципами. Он писал Колумбу: «Ты везде указываешь размеры, но я твой дух уловил, а размеры буду давать те, что подскажет душа, чтобы ты, оставаясь самим собою, был хорошо воспринят по-русски. Ты же знаешь, что скрупулёзный перевод по-русски звучит мёртво» [9, т. V, с. 493].

Действительно, Колумб это хорошо знал. «Готовил стихотворения для издания на русском языке в Москве, – писал он в 1971 году, – делал подстрочки. А что такое подстрочки, знают все поэты. Мало того, что это трудно, но обидно видеть, как у себя же на глазах теряется весь аромат оригинала, архитектоника, интонация его и остаётся только какой-то бесформенный, совершенно непоэтичный и немузыкальный голый смысловой скелет от стиха.

Конечно, и переводчику нелегко в свою очередь уловить особенности и нюансы чужого языка. Я даже об этом написал коротенькое стихотворение, что труд переводчика можно сравнить с трудом человека, который из плохого вина, называемого подстрочником, делает снова виноград и заставляет цвести его на почве другого языка» [8, т. IV, с. 403-404]. (Впервые: Колумб Валентин. В моём поэтическом цехе // Молодой коммунист. 1971. 9 февраля. С. 3).

Отметим две мысли Колумба: 1) подстрочник – «смысловой скелет», 2) в переводе стихотворение автора «цветёт» «на почве другого языка», т. е. как бы рождается заново. Так что переводчик должен найти гармонию между точностью передачи смысла и выражением его на новом языке, в новой форме. А значит, прав не только Николай Старшинов (напишите размеры), но и Олег Богданов (переводить так, чтобы автор «был хорошо воспринят по-русски»).

* * *

Обратимся к Валентину Колумбу, к его переводу на марийский язык стихотворения Сергея Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...», для краткости – только к первой строфе: «Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа.../ Не видать конца и края – / Только синь сосёт глаза» [3, с. 45].

Валентин Колумб перевел: «Ой, тый, Русь! Кеч-куш шумеш кай, / Юмонга – шипчат йыма. / Түнг-мучашыже огеш кой – / Канде юж шинчам лума» [8, т. IV, с. 29].

Дословный перевод: «Ой, ты, Русь! Иди (можно: дойди) хоть до чего, / Икона – слепит глаза (надо думать – от красоты, может, солнца). / Стержень (можно: основа) – конец не виден – / Голубой воздух глаза зачаровывает (можно: заколдовывает)». (Перевод Р. А. Кудрявцевой.)

«Ой ты, Русь! Хоть-куда доходя иди, / Образа – глаза ослепляются. / Главный ее край не виден, / Голубой (синий) воздух глаза зачаровывает». (Перевод Л. А. Абукаевой).

Как видим, и «назад» перевести – с марийского на русский – чтобы сохранить все смыслы, также крайне сложно. Древнерусская форма приветствия «Гой» – «Гой еси» – будь здрав (здрав) – Колумб переводит как «ой» – междометие, имеющее оттенок сожаления, печали, испуга (по словарю) [1, с. 217]. Слово «образа»

Колумб переводит как икона, что вовсе не одно и то же: теряется оттенок древнерусского и народного словоупотребления. Сравнение хаты с образами в ризах (окна с наличниками) вообще опущено. Всё это – смыслы, оттенки смыслов – естественно предположить, что теряются при переводе с марийского на русский.

«...Перевести, – писал один из видных представителей теории перевода А. В. Федоров, – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка (В верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или сокращённого изложения, от всякого рода так называемых “адаптаций”») [22, с. 15].

Сычёв, переводя детские стихи Колумба, явно следовал принципам Олега Богданова, делая вольные интерпретации, создавая новое произведение.

* * *

Что же конкретно сохранено в этом «двойном» переводе? Каковы парадигматические константы, которыми можно руководствоваться при сопоставительном анализе переводных и оригинальных текстов, в данном случае – Колумба и Сычёва?

1. Восклицательное приветствие Родины (или обращение к ней), любовь к Родине, даже воздух «очаровывает» – всё это **авторский эмоциональный комплекс**.

Несмотря на разницу в возрасте, Колумба и Сычёва можно отнести к одному писательскому поколению – по типу эмоциональности (светлое оптимистическое восприятие жизни), по их укоренённости в национальной поэтической традиции (соответственно – марийской и русской), по их видению современного человека, главным для которого был созидательный творческий труд.

Беды и победы объединяют народы нашей страны в единое целое, то есть они едины в своей исторической судьбе (как писал исследователь этносов Л. Н. Гумилёв).

Для Колумба и Сычёва (и вообще писателей их поколения) Великая Отечественная война священна.

Только для Колумба война была фактом личной жизни: горестные проводы на войну отца (не возвратившегося) («Лицо моего отца») [11, с. 5-7], память конкретных событий («Помню: ночь пожаром полыхала, / Крики, разбудившие меня: – Немцы под Москвою! Тула пала!») («Думал, я не робкого десятка») [7, с. 22], голодное детство («И только хлеб был, / Хлеб в глазах ребёнка...») («Доброта») [12, с. 30]. Поэтому, вероятно, его лирический герой порой наполнен тяжелыми раздумьями: «Тоска моя по отческому крову!» [6, с. 115].

Для Сычёва война – это судьба матери («Было тяжко родимой матери / В пору войн, лихоты-нужды, / Слёзы скатывались / И на скатерти / Превращались в маки-цветы») («Сказ о скатерти») [17, с. 11], обелиски, сохранившиеся письма фронтовиков (поэма «Полевая почта 82757»), вдовья доля окружающих его женщин («Вдова войны играет на гармони, / Пред ней берёзки преклонила Русь!» («Женщина играет на гармони») [18, с. 21].

Сычёв – поэт солнечного неба: «Словно шар воздушный / Солнышко / Полдень держит над землёй» [17, с. 10]. Молодой тракторист у Сычёва: «Сошёл на пашню. Вольно потянулся, / И – словно поднял солнце над землёй!» [17, с. 8].

2. Предметная сфера: Русь (родина), икона, глаза (взгляд, видение), простор, воздух – то, что мы будем называть **интенциальным содержанием авторского сознания**.

Переводчик, будь то Валентин Колумб, переведивший стихи Сергея Есенина, будь то Александр Казаков, переведивший стихи Валентина Колумба, всегда стремится сохранить образно-предметную основу стихотворения.

Переводчик Александр Казаков писал: «Не упрекали ли Вас в некотором об разном излишестве? В некоторых Ваших вещах прямо какое-то буйство образов. Надо стать чуточку экономнее. Но в общем – не мне Вас учить!!» [9, т. V, с. 509].

При сопоставлении поэзии Колумба и Сычёва нужно иметь в виду, что истоки образности первого – в устно-народном творчестве, а второго – в письменно-народном. В том и другом случае следование традициям проявляется в национальных стереотипах, закреплённых в образах, в самом характере сравнений одних реалий с другими. Этот пласт поэзии Колумба основательно исследован марийскими учёными, например, в монографии А. А. Васинкина (Глава «Традиции марийской поэзии в творчестве В. Колумба») [2, с. 30-58]. Исследований поэзии Сычёва в данном аспекте пока нет, хотя общая характеристика его творчества дана в ряде публикаций [5, с. 15].

3. Предметная сфера в поэзии выражается в *объёмно-картинном, образном видении жизни*.

В стихотворении Колумба женщина выходит провожать мужа, уходящего на войну, машет платком. И вот оказывается, что белые поднебесные птицы происходят от этих белых женских платков, платков прощания-расставания, потому что так трагически складывается история нашего Отечества, что через каждое поколение проходит война. «В поле белый платок её рвётся, / словно птица, / в бездонную высь. / Сколько в мире / птиц белых найдётся – верно, все от него родились» [10, с. 5].

Стихотворение «Письмо сыну» отражает образное мировосприятие простой деревенской женщины-мари. Мать желает сыну, чтобы путь его был «светлее, чем лён». Белые льняные одежды – постоянная деталь марийского быта и марийской поэзии. Мать видит сон, в котором ветер гладит, причёсывает ветви клёна – «Это к здоровью, видать, твоему» [12, с. 16-18], говорит она, выражая одно из народных поверий.

Русская устная народная поэзия уже олитературена, давно письменно зафиксирована и введена в письменную литературу, тогда как относительно недавно возникшая марийская письменная литература только осваивает устную поэзию своего народа первыми поколениями писателей.

Истоки поэзии Сычёва – в былинах, народных песнях, которыми он книжно пропитан. Отсюда его явные заимствования из Сергея Есенина, ориентация на традиции русской классической литературы.

«Лебяжьи, инистые перья / Роняет гибкий краснотал... / Так неужели я не первый / Такой Россию / Увидал!!» [18, с. 36]. Исследователи и просто любители русской поэзии понимают, что так видеть, любить и изображать Россию – давняя традиция русской литературы.

Отсюда его стилизации народных песен, частушек и усвоение всей русской культуры. Стихотворение «На взятие снежного городка» – прямое тому подтверждение: в нём и стилизация народных присловий, и открытое обращение к картине В. И. Сурикова. Живописец при помощи красок, поэт словом сознают праздничную атмосферу народного гуляния: «Разгуляться, что ль, хочу – / Тесен переулочек. / Эй, зима, стели парчу, / Наряжай снегурочек!» [18, с. 41].

4. Далее: видение как бы всей Руси в её горизонтальной и вертикальной бесконечности, т. е. *авторское хронотическое видение*.

В сознании Колумба и Сычёва, следовательно, и в художественном мышлении поэтов, соединились воедино малая родина в её многовековом существовании, современность как великая Родина (СССР), планета и Вселенная.

Малая родина и для Колумба, и для Сычёва – это прежде всего родная деревня и то, что её окружает. Колумб: «Деревня – / Колыбель и песня...». Необходимо отметить, что по частотности употребления у Колумба из природного окружения деревни на первом месте *лес*, а у Сычёва *поле*, что соответствует национальных архетипам.

Лес для мариийских писателей и поэтов – не только вмещающий и кормящий ландшафт, но и объект религиозного поклонения. Отсюда «Роща» (1905) Сергея Чавайна, с проклятием того, кто «крошу рубит». Традиция эта воплотилась и в поэме Колумба «Лес, мой лес!» (1966).

Малая родина для Сычёва – это поля до горизонта, засеянные пшеницей и рожью, над которыми простирается огромное небо. Пространство малой родины дано в свете ярко выраженной авторской эмоциональности: «Полонён-окольцован / Я ржаным горизонтом» [18, с. 5], «Отчий край ненаглядный – / Ржанорусое чудо» [18, с. 6], «Вырос я среди берёз / Матушки-России!» [18, с. 18], «Заря и белые берёзы – / Кровь с молоком моей Руси» [17, с. 9].

Авторское хронотическое видение мира и человека простирается до восприятия всей земли, насыщается планетарным содержанием.

«Ах, какой прекрасный каравай – Земля!» [12, с. 39], – воскликнул Колумб. Ему будто вторил Сычёв: «Я от земного каравая / Не отмежёванный ломоть!» [17, с. 10].

5. Наконец, если взять стихотворение в целом, то в нём должно быть точно передано *идейное содержание* оригинала, т. е. авторские оценки жизни, авторское понимания добра и зла, авторские идеи, провозглашаемые или прямо (в суждении), или вытекающие из всего произведения. С искажением этого – идейного содержания – никакой автор, конечно, не согласится.

Так анализ двойного перевода первой строфы стихотворения Сергея Есенина (на мариийский и обратно: с мариийского на русский) позволил нам определить основные возможные параметры сопоставительного анализа и раскрыть их содержание на примере стихотворений двух поэтов земли мариийской – Валентина Колумба и Александра Сычёва.

Список литературы

1. Васильев В. М., Саваткова А. А. Учаев З. В. МариЙско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991. 512 с.
2. Васинкин А. А. Поэтический мир В. Колумба: Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 224 с.
3. Есенин С. А. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.
4. Карпов И. П. Авторология русской литературы: От авторологии к процессологии: монография / Мар. гос. ун-т; Лаборатория аналитической филологии; И. П. Карпов. Йошкар-Ола, 2017. 404 с. (Авторология русской литературы. Т. 4).
5. Карпов И. П. Александр Сычёв – сегодня, с нами // Литера: Литературно-художественный журнал Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2014. № 3 (11). С. 101-114.
6. Колумб В. Х. А журавли всё в небе / Пер. с мариийского. М.: Советская Россия, 1972. 160 с.
7. Колумб В. Х. Горячий след: Стихи и поэмы // Пер. с мариийского. М.: Современник, 1975. 174 с.
8. Колумб В. Х. Ойырен чумырымо ойпого [Собрание сочинений]. Т. IV: Критике, сылнымут ой-кангаш, доклад, публицистика. (Критика, рецензии, доклады, публицистика). Йошкар-Ола: Валентин Колумб лүмеш финн-угор калык-влакын историй да сылнымут тоштер, 2008. 736 с.
9. Колумб В. Х. Ойырен чумырымо ойпого [Собрание сочинений]. Т. V: Савыкталтдыме. Возен пытарыдыме. Серыш-влак. (Неопубликованные и незавершённые произ-

ведения. Письма). Йошкар-Ола: Валентин Колумб лүмеш финн-угор калык-влакын историй да сылнымут тоштер, 2009. 736 с.

10. Колумб В. Х. Стихи / Авторизованный перевод с марийского В. Кострова. М.: Молодая гвардия, 1971. 56 с.

11. Колумб В. Х. Травы целуют солнце: Стихи / Авторизованный перевод с марийского Александра Казакова. М.: Советский писатель, 1968. 96 с.

12. Колумб В. Х. Хлеб на ладони: Стихи. Поэмы / Перевод с марийского. М.: Советская Россия, 1977. 160 с.

13. Колумб Валентин: «Үмырэмым арам шым эртаре»: Шарнымаш-влак / Лайд Шемйэр (Владимир Николаевич Козлов) чумырен. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1996. 352 с. (Валентин Колумб: «Недаром прожил свою жизнь»: Воспоминания).

14. Лауреаты премии имени Олыка Ипая. 1968–1980 гг. / Сост. Л. С. Ерошкина. Йошкар-Ола, Марийское кн. изд-во, 1982. 116 с.

15. Липатов А. Т. Радужное многоцветье поэзии и театра / Сост. М. А. Липатова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. 387 с.

16. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. 306 с. URL: <https://studfiles.net/preview/5640806> (дата обращения: 03.10.2017).

17. Сычев А. Ф. Паруса тополей: Стихи и поэмы / Ред. А. М. Смоликов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1978. 64 с.

18. Сычёв А. Ф. Ржаной горизонт: Стихи и поэмы / Ред. А. Ф. Смоликов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1974. 96 с.

19. Сычёв Александр. Сенокос: Поэма / Подгот. текста, послесл. Игоря Карпова // Литера: Литературно-художественный журнал Республики Марий Эл. 2017. № 1. С. 142-147.

20. Тюленева С. В. Теория перевода: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 336 с. URL: <https://studfiles.net/preview/4246559> (дата обращения: 15.10.2017).

21. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. писатель, 1983. 352 с.

22. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические аспекты): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учебное пособие. 5-е изд. СПб.: ООО «Издательский дом “Филология три”», 2002. 416 с. URL: <https://studfiles.net/preview/1197094> (дата обращения: 03.10.2017).

ГЕШТАЛЬТНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ УСТОЙЧИВЫМ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Краковская К.А.

магистрант, Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

Предлагаемая статья посвящена изучению сущности образно-метафорических структур, отражаемых коллокациами, и возможностям их использования в преподавании русского языка как иностранного. Совокупности упомянутых выше структур являются собой гештальты, которые глубже раскрывают те или иные концепты, существующие в языке и культуре народа. Умение выявлять скрытые смыслы коллокаций и видеть связи между ними и определенными концептами поможет учащимся запоминать и эффективно использовать такие сочетания слов в речи, а также способствует формированию представлений о русской языковой картине мира.

Ключевые слова: коллокация, сочетание, метафора, ассоциат, гештальт, концепт, когнитивная картина мира, языковая картина мира.

Роль устойчивых словосочетаний или коллокаций в обучении языку нельзя недооценивать. Их количество высоко как в нейтральной и книжной лексике, так и в разговорной, что связано с частотностью их употребления в различных сферах жизни. Е.Г. Борисова отмечала, что обучение иностранных учащихся коллокациям представляется особенно важным для активного владения языком, ведь коллокации, в отличие от других типов фразеологических единиц, встречаются в речи гораздо чаще [3, с. 15].

Сам термин “коллокация” впервые был использован в работе У. Фаулера под названием “English Grammar” в 1857 году [8, с. 57].

В отечественную лингвистику его ввела О.С. Ахманова в 1966 году, дав ему определение в своей работе «Словарь лингвистических терминов», после чего он стал употребляться в разных научных трудах. Одним из самых подробных исследований такого рода явилась монография Е.Г. Борисовой «Коллокации. Что это такое и как их изучать?» (1995), которая определяет коллокацию как несвободное, устойчивое словосочетание, состоящее из свободного компонента, значение которого не отличается от словарного, и несвободного компонента, меняющего свой смысл в зависимости от постоянного по значению элемента. Такое словосочетание, по мнению Борисовой, обладает меньшей или крайне низкой степенью образности, чем идиома [3, с. 14].

Похожую точку зрения на коллокации можно найти у А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, которые понимают под ними «слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, где семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении» [1, с. 66-67]. Выбор же вспомогательного компонента (коллокатора) для сочетаемости предопределен узусом.

Обратим внимание на такое качество коллокаций, присутствующее в данных определениях, как степень их идиоматичности. Так, академик В.В. Виноградов называл такой признак мотивированностью фразеологической единицы, уровень которой зависит от возможности извлечения значения фразеологического оборота из семантики компонентов, входящих в ее состав. Эта особенность легла в основу его классификации, в которой выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Если первые два типа фразеологизмов являются немотивированными и частично мотивированными, то фразеологические сочетания, по мнению В.В. Виноградова, обладают наивысшей степенью мотивированности [4, с. 140-161].

Е.Г. Борисова, отмечая, что коллокации действительно характеризуются меньшей образностью, объясняет, что данная особенность связана с их компонентным составом, где только одно слово в сочетании меняется и приобретает дополнительное переносное значение [3, с. 41]. Например, в устойчивом словосочетании «отравить жизнь» глагол сохраняет свой основной смысл «убить, дав яд», одновременно принимая еще одно значение – «испортить».

Расширение семантики одного из слов в сочетании сказывается и на основном компоненте, так называемой «базе», которая употребляется в прямом смысле, но при взаимодействии со вспомогательным компонентом начинает отражать глубокие семантические связи с коллокатором. Такое влияние одной единицы на другую рождает набор ассоциатов, то есть «словесных (понятийно-образных) реакций, ассоциированных с речевым стимулом» [6, с. 170].

В работе «Коллокации. Что это такое и как их изучать?» Е.Г. Борисова приводит следующие сочетания с абстрактным существительным «авторитет»: подни-

матъ, ронять авторитет, авторитет лопнул, блестящий авторитет, дутый авторитет. Комбинации, образуемые этими словами, создают определенные ассоциаты: «Например, авторитет по сочетаемости похож на мяч, который можно поднимать, ронять, он может лопнуть и т.д.». Но в то же время коллокации «блестящий авторитет», «дутый авторитет» обнаруживают связь авторитета с золотым украшением или стеклом, добавляя значение хрупкости [3, с. 41-42].

Таким образом, если «база» коллокации сочетается с разными дополнительными компонентами, то количество ассоциатов, обнаруживающихся в этих связях, растет и позволяет создавать целые метафорические структуры, о которых говорит в своей работе Е.Г. Борисова, называя их гештальтами: «Метафора (образуемая компонентами сочетания) не сводится к одной коллокации, а образует некоторую структуру – гештальт, который, как можно надеяться, отражает структуру нашего мышления» [3, с. 41-42].

Что касается понятия «гештальт», то стоит сказать, что не все ученые, работающие в области когнитивной лингвистики, признают его существование.

Данный термин, зародившийся в области искусства, получивший широкое распространение в психологии и обозначающий цельную форму или структуру, в настоящее время используется во многих научных направлениях. Тем не менее, некоторые исследователи данного явления понимают гештальт как один из типов концептов. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют «концепт-гештальт», представляющий собой комплексную мыслительную структуру, которая организует разнообразные явления человеческой жизни внутри сознания [9, с. 83].

Н.Н. Болдырев под гештальтом понимает концептуальную структуру, которая включает в себя чувственные и рациональные компоненты, образующие единое целое. Такая структура представляет высший уровень абстракции, который можно рассматривать в качестве самых общих знаний о явлении или как сложную систему типов концептов, включающих представления, схемы, понятия, прототипы, фреймы и сценарии [2, с. 36-38].

О.В. Четверикова со ссылкой на Л.О. Чернейко говорит, что гештальт равняется образу, а их совокупность выражает целостный концепт. Эти образы соотносятся в сознании человека с названием некого абстрактного понятия и выражают собой скрытые значения сочетаний слов [11, с. 157].

Итак, связь гештальта с концептом отчетливо прослеживается во многих определениях этого термина. В целом гештальт представляет собой подсистему разнообразных совокупностей значений внутри концептуальной системы, что говорит о глобальности концепта, который можно анализировать с точки зрения лингвокогнитивистики, психолингвистики, лингвокогнитологии и других позиций.

Рассмотрим некоторые взгляды на концепт как на лингвокогнитивное явление.

З.Д. Попова и И.А. Стернин под концептом понимают «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [9, с. 24].

Н.Н. Болдырев определяет концепты как «идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления». По его мнению, приобретенные людьми опыт и знания включаются в концепты в виде

определенных «квантов» знания [2, с. 23-24]. В роли таких единиц знания, репрезентирующих концепты, могут выступать разные типы фразеологизмов (фразеологические сращения, единства, сочетания), свободные словосочетания, однокоренные слова, контекстуальные синонимы, индивидуально-авторские номинации, паремии (пословицы, поговорки, афоризмы), словарные статьи, тексты и их совокупности, структурные и позиционные схемы предложений, представляющие типовые пропозиции [9, с. 49-50].

Учитывая, что концепт может объективироваться в языке через фразеологические сочетания, изучим некоторые основные образы, составляющие гештальт концепта «время». Для этого возьмем сочетания с заявлением абстрактным существительным из «Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» О.Л. Бирюка, В.Ю. Гусева и Е.Ю. Калинина, а также из книги «Устойчивые словосочетания русского языка» К.В. Регининой, Г.П. Тюриной и Л.И. Широковой.

Итак, время чаще всего ассоциируется с такими живыми существами, как человек или животное. В таких сочетаниях подчеркивается способность или неспособность субъекта к движению – *время идёт, стоит, бежит, возвращается, уходит, выходит, приходит, ползет, летит*. Это существо, способное умереть, поэтому можно *убить время*. Время выступает и в роли властителя, господина в сочетаниях *время позволяет, время требует, считаться со временем*. Время может *поджимать*, тесня кого-либо, заставляя его что-то делать, или же *терпеть*. В коллокациях *время покажет и время рассудит* проявляется образ времени-судьи. Время – это нечто дорогое, *драгоценное*, и люди дорожат им. В других сочетаниях время можно сравнить с деньгами – *занимать время, тратить время, считать время, экономить время*. Еще одной метафорой является сравнение времени с призом, который можно *выиграть* или *проиграть*. И, наконец, время выступает в роли врача и *лечит*.

Приведенный нами краткий гештальтный анализ концепта *время* может быть также представлен в виде ассоциативной карты, где от главного концепта отходят стрелки к основным образам (человек, судья, господин и т.д.), которые связаны линиями с совокупностями коллокаций.

Возвращаясь к определению концепта, стоит сказать, что индивидуальный опыт и накопленные поколениями знания могут варьироваться в зависимости от рассматриваемой исследователем культуры. Такая идея отражается в лингвокультурологическом подходе к термину «концепт».

К примеру, В.А. Маслова приводит следующие размышления М. Хайдеггера: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства “дома бытия”» [7, с. 47].

Ю.С. Степанов, в свою очередь, представляет концепт как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [10, с. 43].

Таким образом, концепт и все, что включено в это понятие, входит в когнитивную картину мира, состоящую из ментальных образов, приобретенных благодаря эмпирическому и сознательному отражению действительности, а также в языковую картину мира, выражющуюся в средствах, которые представляют концепт в языке. Так, Н.Н. Гончарова пишет: «Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты» [5, с. 398].

Несомненно, выявление скрытых образов, связей, гештальтных структур между концептами и репрезентирующими их в языке коллокациями может быть полезно в сфере преподавания русского языка как иностранного на стадиях введения, семантизации, отработки и закрепления таких лексических единиц. Обсуждение самых частых ассоциаций на уроках и составление схем или интеллект-карт, включающих устойчивые словосочетания и метафоры, будут помогать учащимся структурировать и запоминать новые коллокации. Сравнение русских несвободных сочетаний с такими же лексическими единицами родного языка учащегося, а также их скрытых значений способствует снижению ошибок, вызываемых интерференцией.

В дальнейшем возможно использование ассоциативных карт в лексических играх, когда преподаватель записывает на доске некоторые ассоциаты, метафоры определенных концептов, а студенты, работающие в командах, должны подобрать наилучшие изученные коллокации, отражающие эти образы.

При таком анализе совокупностей несвободных сочетаний иностранные учащиеся могут обучаться пользованию русскими ассоциативными словарями, словарями устойчивых сочетаний, толковыми словарями русского языка. В своей работе преподаватель может отталкиваться от набора концептов, к которым учащиеся должны самостоятельно или с его помощью найти выражающие их сочетания, или от текстов, содержащих коллокации, сгруппированные по темам. На этапе выхода лексической единицы в речевую деятельность рекомендуется написание рассказов, сочинений с изученными коллокациями. Работа по обнаружению взаимосвязей между коллокациями и концептами помогает знакомить учащихся с русской языковой и когнитивной картинами мира.

Итак, изучение компонентов устойчивых словосочетаний, их связей и смыслов представляется важным элементом работы с лексическими единицами в рамках преподавания русского языка как иностранного, несмотря на существование разных взглядов на сущность коллокаций, гештальта и концепта.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2001. 123 с.
3. Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать? М., 1995. 49 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.
5. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya (дата обращения: 27.11.17).
6. Краснова Т.И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
8. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2016. URL: www.elibrary.ru/download/elibrary_26028779_97062203.pdf (дата обращения: 27.11.17).
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007, 250 с.

10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
11. Четверикова О.В. Образно-метафорические структуры концепта «жизнь» в поэзии М. Цветаевой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. URL: www.cyberleninka.ru/article/v/obrazno-metaphoricheskie-struktury-kontsepta-zhizn-v-poezii-m-tsvetaevoy (дата обращения: 27.11.17).

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ (IX–XVIII вв.)

Куралесина Е.Н.

старший преподаватель кафедры романской филологии, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрена языковая ситуация на территории Франции в IX–XVIII вв., первые документы, относящиеся к языковому законодательству, первые шаги королевской власти на пути распространения французского языка как единого и единой языковой нормы. В данный период установление сильной центральной власти осуществлялось в том числе и через проведение политики языковой централизации, игравшей крайне важную роль во Франции как многонациональном государстве. Языковая политика, носила, однако, нерегулярный и фрагментарный характер, что не позволило достигнуть поставленных целей в полном объеме.

Ключевые слова: языковая политика Франции, ордонанс Вилле-Коттрэ, распространение французского языка, патуа.

На протяжении всей своей истории Франция проводила политику языковой централизации – распространения по всей территории страны единого языка и единой языковой нормы. Проводниками этой политики были правительственные и правовые учреждения, церковь и школа. Вместе с тем, рассмотрение языковой политики по оси диахронии свидетельствует о неоднородном характере ее проведения и позволяет выделить два периода, обусловленных кардинальным изменением политической ситуации в стране, – до и после Французской революции. Данные периоды существенно различаются по целому ряду параметров: интенсивности и способам реализации языковой политики, ключевой направленности, пониманию роли французского языка в масштабах государства.

Французское языковое законодательство имеет давнюю историю. Первое в Европе лингвистическое постановление было принято на территории Франции в 813 году. Церковный Собор в городе Тур постановил, что проповеди в церквях должны читаться не на латыни, непонятной для простого народа, а на романском языке (*lingua romana rustica*). Использование (прото)французского языка как языка письменного общения относится к 842 году. «Страсбургские клятвы», закрепившие политический союз между внуками Карла Великого, считаются первым дошедшим до нас официальным документом, составленным на французском языке. Использование французского языка в письменной форме относится к XII в. – королевская администрация использовала французский язык параллельно с латынью. Первое литературное произведение на французском языке («Секвенция о св. Евлалии») появилось в IX в. В рассматриваемый период 90% населения Франции говорило на патуа (местных диалектах). Французский был распространен только в регионе Иль-де-Франс (как первый язык) и в аристократической среде северной Франции (как

второй язык). Именно патуа являлись языком общения между народом и церковью. К концу царствования Филиппа VI (первая половина XIV в.) только три четверти королевских указов составлялись на французском языке.

Свообразие языковой политики Франции непосредственно связано с ее историей. Франция рано стала формироваться как многонациональное государство с сильной центральной властью. В XII–XIII вв. на территории бывшей Галлии отчетливо прослеживались две разновидности романской речи: французский язык на севере и провансальский на юге. В XIII в. значительная часть южной Франции попала под власть французского короля, что положило начало распространению северофранцузского языка, постепенно вытеснявшего провансальский из сферы публичного общения.

Таким образом, уже в XIII в. встал вопрос о едином языке для всего государства, а следовательно, и об определенной языковой политике властей по распространению одного языка на всей территории страны. В XIV–XVI вв. данный вопрос приобрел особую актуальность в контексте возникновения капиталистических отношений и образования единого французского национального государства.

Вторым важным этапом на пути распространения французского языка с законодательной точки зрения стал ордонанс Вилле-Котtre от 1539 г. в правление Франциска I. В ст.111 король осудил использование непонятных латинских слов и заявлял, что все официальные документы в деловой переписке и судопроизводстве должны быть составлены и озвучены сторонам «*en langage maternel françois et non autrement*» («на родном французском языке и никак иначе») [3]. Французский язык становится, таким образом, официальным административным языком. Принятие ордонанса Вилле-Котtre обусловлено политическими целями – стремлением ограничить власть духовенства и расширить власть монарха. Хотя этот ордонанс был направлен прежде всего против латыни, нельзя отрицать, что он наносил одновременно удар и по региональным языкам и местным диалектам.

Ордонансу Вилле-Котtre предшествовал целый ряд документов, подготовивших почву для вытеснения латыни из правовой сферы [2]:

- ордонанс Монтиль-ле-Тур (1454 г., Карл VII) предписывал составлять сборники обычного права на вульгарных языках;
- ордонанс Мулен (1490 г., Карл VIII) уточнял, что во время допроса и при составлении протокола должны быть использованы родные языки, а не латынь;
- указ Людовика XII от 1510 г. провозгласил юридическим языком всех правовых документов родные языки.

Таким образом, к моменту издания ордонанса Вилле-Котtre право стало функциональной сферой народных языков, существовавших в ту эпоху.

Распространению французского языка способствует в значительной степени открытие Франциском I в 1543 г. королевской книгопечатни, публикавшей книги на латинском, греческом, древнееврейском и французском языках. В 1575 г. количество книг, выходящих на латинском языке, сократилось до 50%.

В XVII–XVIII вв. французский язык активно внедрялся в судебный и административный обиход, однако жесткая языковая политика не проводилась.

В XVII в. ограниченный характер употребления французского языка сохранился: французский по-прежнему остается языком определенной социальной прослойки – языком аристократии, буржуазии, академических и литературных кругов. По мере удаленности от Парижа владение французским языком носит все более пассивный характер: городское население продолжает говорить на патуа, которых

насчитывается в XVII в. порядка 636, однако понимает так называемый народный французский, в значительной степени отличающийся от языка короля. Сельское население народным французским не владеет. На юге страны владение французским языком даже у образованных слоев населения носитrudimentary характер. Для сельских жителей юга французский язык по-прежнему остается иностранным. 99% населения неграмотны, обучение, носящее в основном религиозный характер, ведется на местных диалектах, а порой и на латыни. В данный период из 20 млн. населения Франции только менее миллиона говорит на французском языке. Присоединяемые новые иноязычные провинции нередко освобождаются от обязанности выполнять ордонанс Вилле-Коттре, жесткая политика языкового вмешательства не проводится, Людовик XIV, путешествуя по стране, часто обращается к народу на пикардском, аквитанском, эльзасском, фламандском и других диалектах. Французскому языку, таким образом, не удается преодолеть административные границы. Распространение французского языка происходит естественным путем, благодаря общему экономическому сплочению страны, усилию обмена между провинциями, распространению печатных изданий. Внедрению французского языка среди населения способствуют приезд в столицу на службу провинциального дворянства, отправка чиновников из Парижа в провинцию.

Вместе с тем, в XVII в. французское правительство занялось «внутренним обустройством» языка, предполагавшим выработку нормы, формирование различных функциональных стилей. Таким образом, официальные власти обратились к новому для данной ситуации типу – корпусной языковой политике. В 1635 г. по инициативе кардинала Ришелье была основана Французская академия, в задачу которой входило создание словаря, грамматики, риторики и поэтики. Первый словарь Академии вышел в свет в 1694 г.

Деятели Французской академии стали родоначальниками нового направления в языковой политике Франции – языкового пуританства, приведшего в данный период к обеднению словаря французского языка. Обогащение словарного состава осуществлялось благодаря небольшому количеству заимствований из европейских языков – итальянского (188), нидерландского (52) и немецкого (27) [1].

В начале и середине XVIII в. государство не предпринимало активных действий по распространению французского языка. Французский язык по-прежнему оставался языком власти – короля, двора, юристов, офицеров, чиновников и писателей. Аристократия и буржуазия юга Франции зачастую использовали французский язык как парадный, в торжественных гражданских и религиозных церемониях, продолжая в повседневной жизни общение на региональных языках. Церковь, не желая уступать свои позиции, настаивала на использовании латыни в колледжах и университетах. Как следствие, само образование являлось источником незнания французского языка и одним из наиболее серьезных препятствий на пути его распространения. Церковь и государство считали образование не только бесполезным, но и опасным для народа: «Крестьянин, умеющий читать и писать, оставляет сельское хозяйство, не овладев никаким ремеслом ... что является большой бедой» [1]. Духовенство в своей погоне за человеческими душами также не нуждалось во французском языке, не понятном для народа и явившимся, таким образом, барьераом на пути религиозной пропаганды. Обучение на французском языке было невозможено и ввиду практически полного отсутствия соответствующих учителей и учебников. На практике обучение грамматике, письму и чтению на французском языке было введено только в 1738 г. Таким образом, в 60-х гг. XVIII в. обучение

мальчиков в городах стало носить более прогрессивный характер. В 1780 г. в Париже 40% слуг имели книги на французском языке, 90% мужчин и 80% женщин в городской местности могли подписать завещание на французском языке.

Таким образом, на протяжении девяти веков с момента возникновения и до Французской революции языковая политика монолингвистического характера во Франции носила фрагментарный, нерегулярный характер и была подчинена политическим целям. Основным направлением стала статусная политика – вытеснение латинского языка из административной и правовой сфер. Французский язык занимал обособленную позицию языка определенной социальной прослойки, представлявшей абсолютное меньшинство, только небольшая часть населения использовала или понимала народный французский. В целом, языковая ситуация может быть охарактеризована как полилингвистическая с тенденцией к монолингвизму на определенных территориях и в определенных функциональных сферах. Узкое понимание роли французского языка в рамках страны определило отсутствие законодательных документов сугубо лингвистического свойства и практически полное отсутствие специальных мер со стороны государства по распространению языка среди широких масс населения. Распространение французского языка на данном этапе проходило медленно и территориально неравномерно.

Список литературы

1. Leclerc J. Histoire de la langue française // [сайт Ж. Леклерка] L'aménagement linguistique dans le monde. Québec, TLFQ, Université Laval. Дата обновления: 24.09.2009. URL: www.tlfq.ulaval.ca/axl/francophonie/histlngfrn.htm (дата обращения: 18.11.2017).
2. Maradi K. L'héritage classique dans le langage juridique français // URL: http://cief.elte.hu/sites/default/files/maradi_0.pdf (дата обращения: 19.11.2017).
3. Ordonnance d'août 1539 (ou «ordonnance de Villers-Cotterêts») // [сайт] Assemblée Nationale. URL: www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/Edit_Villers-Cotterets-complt.htm (дата обращения: 18.11.2017).

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В СБОРНИКЕ В. НАБОКОВА «ГРОЗДЬ»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лебедева В.Ю.

доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания,
канд. филол. наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец

В статье рассматривается специфика лирических посвящений умершим в раннем стихотворном сборнике В. В. Набокова. Они адресованы Ф. М. Достоевскому, А. А. Блоку, отцу писателя В. Д. Набокову. Особое внимание уделяется оппозиции «витальность vs мортальность», теме бессмертия и интертекстуальным связям.

Ключевые слова: аллюзия, библейский код, набоковедение, оппозиция, танатология.

Проблема смерти всегда волновала В. Набокова – его даже однажды определили как «метафизика небытия» [6, с. 173]. Будучи известным как писатель, он, вместе с тем, оставил и поэтическое наследие, изучение которого позволяет ознакомиться с генезисом и эволюцией его творчества. Представляется продуктивным рассмотрение лирических посвящений умершим в раннем сборнике Набокова

«Гроздь» (1922). Их несколько – Ф. Достоевскому (что может показаться неожиданным с учетом демонстративного неприятия его Набоковым впоследствии), А. Блоку, собственному отцу Владимиру Дмитриевичу, убитому в том же 1922 году. Не все они являются эпитафиями в чистом виде.

Первое из них, по справедливому утверждению А. В. Мазур, представляет собой одно из свидетельств «интереса поэта к образу Христа и даже сострадания к нему, что гораздо значительнее простой стилизации» [3, с. 524]. В этом стихотворении Христос с учениками проходят мимо разлагающегося «песьюго трупа». В финале один апостол говорит другому: «”Злой был пес, и смерть его нага, / мерзостна...” Христос же молвил просто: / “Зубы у него – как жемчуга...”» [5, с. 448]. В произведении легко усматривается аллюзия на «Падаль» Ш. Бодлера, где подробно описывается «дохлая лошадь» на солнцепеке, а лирический герой напоминает присутствующей там же любимой, что ее ожидает схожая участь. В finale утверждается идея иммortalности: «Скажите же червям, когда начнут, целуя, / Вас пожирать во тьме сырой, / Что тленной красоты – навеки сберегу я / И форму, и бессмертный строй» [2]. Таким образом, в обоих произведениях смерти как физическому распаду, изображеному предельно натуралистично, противостоят бессмертный замысел Творца и память. В бодлеровском стихотворении эксплицирован и образ пса – это падальщик, жаждущий подобраться к добыче. Не исключено, что Набоков, описывая уже собачий труп, выводит его связующим звеном как в аспекте литературной преемственности, так и в аспекте непрерывности «мортальной цепи».

В стихотворении на годовщину смерти Достоевского пес является также элементом библейского кода. В Книге книг это животное символизирует, как правило, разного рода нечестивцев и язычников. В набоковском дискурсе данный зооморфный образ часто имеет подобную семантику. Например, в романе «Защита Лужина» (1929) жена главного героя, сопровождая его в картинной галерее, «обращала его внимание на двух собак, по-домашнему ищущих крошек под узким, бедно убранным столом «Тайной Вечери» [4, с. 423]. Полотно из романа содержит аллюзию на евангельский эпизод, где язычница просит у Христа, чтобы Он изгнал беса из ее дочери: «27 Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. 28 Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей» (Мк. 7: 27-28). Следом за «Тайной Вечерей» автор обращает внимание и героя, и читателей на картину, изображающую ад, намекая (не в первый и не в последний раз) на участь четы Лужиных, чьими аллегорическими прототипами (в числе прочих) являются собаки.

Можно предположить, что Набоков, создавая означеный лирический текст, учитывал и процитированный библейский отрывок. Такие евангельские аллюзии существенно усиливают гуманистическое звучание стихотворения.

Следующее посвящение умершему в сборнике «Гроздь» – цикл из двух стихотворений «На смерть А. Блока». Первое из них написано в жанровых координатах лирической эпитафии, с соответствующей скорбно-торжественной, мадrigальной тональностью и описанием характерных черт личности усопшего, должны, по замыслу автора, остаться в памяти потомков.

В этом тексте представлен портрет Блока-творца, «сплетенный» из соответствующих аллюзий и реминисценций. В конце автор приводит собственную трактовку смерти поэта: «Он любил ее [Прекрасную Даму, которую «узнавал», в том числе, «в метелях, смятенье, молчанье / Чародейной отчизны своей» – В.Л.] гордо и нежно, / к ней тянулся он, строен и строг, – / но ладони ее белоснежной / бледный

рыцарь коснуться не мог... // Слишком сумрачна, слишком коварна / одичалая стала земля, / и, склонившись на щит лучезарный, / оглянулся он пустые поля. // И обманут мечтой несказанной / и холодною мглой окружен, / он растаял, как месяц туманный, / как далекий молитвенный звон» [5, с. 448-449]. Можно заметить, что автор рассматривает блоковскую трагедию через призму собственной – утраты Родины. В этом отрывке актуализированы и некоторые аспекты набоковской танатологии, восходящей, в том числе, к сюжету грехопадения: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей» (Быт. 3: 17). Превращение земли в «одичалую», «сумрачную», «коварную», таким образом, можно рассматривать как в масштабах России второго десятилетия XX века, так и в масштабах общечеловеческой истории и «библейской вертикали». Предсмертное состояния лирического героя – окружность «холодной мглы» после обмана мечты – станет типичным для персонажей набоковской прозы. Такова одна из реализаций вышеизначенного сюжета с двумя его этапами – соблазна и расплаты-смерти. Набоков – рационалист (даже в иррациональном, насколько это возможно) и демифологизатор, тема мечтательности часто имеет у него танатологическую тень. Образ круга в его дискурсе знаменует замкнутость внутри Земли-тюрьмы, дурную бесконечность и, разумеется, восходит к первой части «Божественной комедии» – «Аду». Набоковский мортальный код включает и такие упомянутые выше элементы, как холод и мгла (выступающая в субоппозиции «зрячесть / видимость vs слепота / невидимость» в рамках оппозиции «жизнь vs смерть»).

Нестандартная презентированная танатологическая ситуация – лирический герой «растаял» подобно ночному светилу и звуку (что характерно, молитвенному – такой акустический образ усиливает семантику десакрализации окружающего мира). Похожий финал ожидает главного героя набоковского рассказа «Василий Шишков» (1940) – молодой талантливый поэт, переживающий глобальное разочарование, решает раствориться (речь не о суициде) и, действительно, куда-то исчезает – возможно, в свое творчество.

Второе стихотворение цикла имеет мажорное звучание – в нем описывается посмертная встреча души Блока с душами собратьев-поэтов (Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета) в раю: «Выйдет он из спутанных цветов, / из ладьи, на белые ступени... / Подойдут божественных певцов / взволновавшиеся тени» [5, с. 449]. В произведении выражается идея сохранности личности, ее особенностей и интенций после смерти: «И о солнце Пушкин запоет, / Лермонтов – о звездах над горами, / Тютчев – о сверканьи звонких вод, / Фет – о розах в вечном храме» [5, с. 450]. Во втором стихотворении цикла Блок выведен победителем, «перешедшим выюги и трясины» и попавшим «в мягкую цветную полуьму / вечно дышащего мая», в сад, полный зелени [5, с. 449]. Здесь снова наблюдаются субоппозиции в рамках базовой – «витальность vs мортальность», – на этот раз хронотические: «временная земная зима (выюги) vs вечная весна», «болото (трясины) vs сад», «земной ад vs небесный рай». Они глубоко традиционны и более, чем характерны для набоковского творчества с его опорой на многовековую европейскую культуру.

Автор предполагает, что Блок там «запоет о сбывшихся святых / сновиденьях и надеждах» [5, с. 450]. Второе стихотворение семантически дополняет первое не только в рамках продолжения сюжета – оно позволяет взглянуть на лирического героя под новым углом: он не столько бесплодный мечтатель и жертва миражей (такие, по Набокову, обречены на ад), сколько визионер, которому тесно на про-

клятой земле. В финале автор проводит трансцендентный мост из Той реальности в Эту: «И мы, / в эти годы горестей и гнева, / может быть, услышим из тюрьмы / отзвук тайный их напева» [5, с. 450]. Тюрьмой, как уже говорилось, Набоков полагает земную жизнь.

Стихотворение «Пасха» из того же сборника содержит особое посвящение – «На смерть отца». В первой его части происходит осмысление потери, трагичность которой, как и трудность ее принятия, подчеркнуты тройным повторением: «Так как же нет тебя? Ты умер, а сегодня / сияет влажный мир, грядет весна Господня, / растет, зовет... Тебя же нет» [5, с. 458]. Во второй же части, как и в приведенном цикле «На смерть А. Блока» происходит переход от мортальной тематики к иммортальной: «Но если перезвон и золото капели – / не ослепительная ложь, / а трепетный призыв, сладчайшее “воскресни”, / великое “цвети”, – тогда ты в этой песне, / ты в этом блеске, ты живешь!..» [5, с. 458]. Набокову была близка идея о человеке-микрокосме, отражающем мир и vice versa (лат. – наоборот), и здесь она оказывается в тесной взаимосвязи с христианской идеей воскрешения как победы над смертью.

Список литературы

1. Библия; Российское Библейское общество. М., 2003. 928 с.
2. Бодлер Ш. Падаль. URL: <https://rustih.ru/sharl-bodler-padal/> (дата обращения: 29.11.2017).
3. Мазур А.В. Религиозные мотивы в поэзии В. В. Набокова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-motivy-v-poezii-v-v-nabokova4> (дата обращения: 29.11.2017).
4. Набоков В.В. Защита Лужина / Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. СПб., 2004. С. 443-467.
5. Набоков В.В. Сборник «Гроздь» / Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. СПб., 2009. С. 306-465.
6. Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 317 с.

РОЛЬ ТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ляпина А.А.

магистрант, Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В статье лингвокультурологическая компетенция рассматривается как важная составляющая современного языкового образования. В рамках компетентностного подхода овладение лингвокультурологическими знаниями позволит студентам быть полноценными участниками коммуникации в поликультурной среде. При работе с текстом, преподаватель должен стремиться создать все условия для осознания студентами культурной специфики языка и национальных особенностей культуры.

Ключевые слова: культура, текст, лингвокультурологическая компетенция, концептосфера русского языка, национальная специфика языка, русский язык как иностранный.

В настоящее время как в методике преподавания русского языка как иностранного, так и в методике преподавания иностранных языков в целом, наблюда-

ются значительные изменения – появление компетентностного подхода как новой образовательной парадигмы предоставило преподавателям новые ориентиры и задачи. В эпоху глобализации и значительных социальных изменений передача только языковой информации в отрыве от практического культурно-языкового опыта теперь не удовлетворяют потребности общества.

Перед преподавателями ставятся новые дополнительные цели в рамках компетентностного подхода – организовать процесс обучения, способствующий формированию умений разрешать профессиональные, этические и коммуникативные проблемы. Именно способность учащихся успешно справляться с различными коммуникативными задачами и оперировать приобретенными знаниями должна стать неотделимым свойством личности по результатам обучения. Такая способность формирует понятие «компетенция».

В настоящее время в научно-методической литературе уделяется особое внимание понятию «лингвокультурологическая компетенция». Это связано с тем, что из-за непрерывного процесса глобализации и смешению культур, медленного угасания культурной идентичности народов проблема формирования терпимого отношения к чужим культурам, интереса и уважения приобрела важный и значимый характер. В иноязычном образовании все чаще поднимается вопрос о включении в обучение ряда дисциплин, развивающих культурную осведомленность и языковую грамотность студентов.

В текст Федерального государственного стандарта высшего образования также включено требование об овладении лингвокультурологическими и лингвострановедческими знаниями – информации об истории, культуре и литературном наследии страны изучаемого языка.

Анализируя работы методистов и языковедов (В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В. В. Воробьев), можно сделать вывод, что лингвокультурологическая компетенция – многоаспектное понятие и может быть рассмотрено в рамках разных подходов. В целом, лингвокультурологическую компетентность можно определить как систему знаний о культуре, которая отражается в национальном языке и совокупность специальных умений по оперированию этими знаниями в практической деятельности.

Именно культура как система ценностей формирует наши поведенческие установки, образ мышления и отражается в языке, а язык отражает культурно-национальную ментальность носителей. О тесной взаимосвязи языка, культуры и мышления писал в 18 веке немецкий философ и языковед, Вильгельм фон Гумбольдт. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» он отметил, что «изучение иностранного языка можно уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании». Действительно, чем глубже мы погружаемся в новую культурную среду, тем чаще мы сталкиваемся с новой «точкой зрения», поэтому в реальной языковой практике высказывания собеседника не всегда интерпретируются нами верно.

Культура похожа на айсберг: «На поверхности культуры находятся памятники архитектуры, языки, обряды, обычаи и другие реальные знаки, а сущность духовной культуры скрывается под этой внешней оболочкой и является невидимой» [4, с. 176-177].

Невидимая сторона духовной культуры стоит за языковыми явлениями и образует культурный фон, который несет в себе специфические черты народа. При

изучении русского языка как иностранного освоение духовной составляющей культуры способствует формированию лингвокультурологической компетенции.

Методист Н.Л. Мишатиной определяет лингвокультурологическую компетенцию как «осознание русской языковой картины мира, овладение культурой межнационального общения» [7, с. 3]. В процессе обучения личность учащегося знакомится с «новой точкой зрения», которая формирует понятие «языковая картина мира». Языковая картина мира представляет собой суждения народа о действительности, которые отражаются в единицах языка. Языковую картину миру в когнитивной лингвистике относят к типу опосредованных картин мира, поскольку она материализуется в знаковой системе, является внешней оболочкой сознания и мышления народа.

Непосредственная же картина мира – это отражение мира в мышлении представителя лингвокультурного сообщества, результат познания и изучения мира общественным или индивидуальным сознанием. Такая картина мира называется когнитивной, так как представляет собой результат познания действительности, который составляет ряд упорядоченных знаний – концептосферы.

Академик Д. С. Лихачев определяет концептосферу как совокупность концептов нации. Концепты и концептосфера это мыслительные составляющие, они составляют наш образ мышления, национально окрашивая характер мышления и речевое поведение, посредством языка человек называет предметы и явления действительности. Связь культуры, языка и мышления подчеркивает и Ю.С. Степанов в своей книге «Константы. Словарь русской культуры» – «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека». Концепты, как отмечает автор, «представляют собой коллективное состояние русской духовной жизни и всего русского и российского общества» [8, с. 45].

В процессе обучения русскому языку как иностранному студенты часто обращаются к культуре страны изучаемого языка через тексты разного характера – учебные, аутентичные, к текстам письменной и устной речи. Текст, являясь вербальным воплощением человеческой мысли, несет в себе и внутренние смыслы. М. М. Бахтин считал, что текст является первичной данностью всего гуманитарно-филологического мышления. Тексты воплощают в себе индивидуальный и общественный образ мысли. Создавая текст, автор как представитель определенной лингвокультуры, наполняет содержание не только словами, но и своим мировоззрением и мироощущением. Тексты являются подлинными хранителями культуры, поэтому играют большую роль в процессе овладения иностранным языком.

Работа с текстами способствует осознанию иностранными студентами ценностей русской культуры. О.Н. Левушкина в своей статье указывает на роль и ценность текста в формировании компетенций при обучении иностранному языку: «...Невозможно, работая с текстом, формировать коммуникативную и языковедческую компетенции в отрыве от культуроведческой. Только комплексное формирование всех предметных компетенций позволит учащимся воспринимать текст как целостную единицу не только языка и речи, но и культуры» [5, с. 15]. Важно представить текст как выражение национального менталитета. Знакомство с новым культурным кодом даст возможность студентам сформировать лингвокультурологическую компетенцию в полной мере. Они дают представление о важных явле-

ях русской культуры как способу восприятия действительности и самобытности мышления.

Таким образом, текст помогает проникнуть в мир иноязычной культуры, создает новое поликультурное пространство, которое способствует личностному развитию учащегося и его коммуникативных способностей. С учетом культурной интеграции и стремления к международным контактам и сотрудничеству в России, язык выступает незаменимым инструментом в процессе межнационального общения, он позволяет индивидам обмениваться идеями и опытом, добиваться поставленных задач и желаемых интенций. Знакомство с новыми культурными ценностями страны изучаемого языка и оперирование языковыми и страноведческими знаниями при работе с текстами являются необходимым условием формирования лингвокультурологической компетенции.

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-279.
2. Болотнова Н. С. Текст как явление культуры и его лингвокультурологические коды // Русская речевая культура и текст: материалы Международ. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2010. С. 65-72.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
4. Григорьев Б.В., Чумакова В.И. Intercultural Communication. Межкультурные коммуникации. – Санкт-Петербург: ИД "Петрополис", 2008. – 404 с.
5. Левушкина О. Н. Обучение работе с текстом как с целостной единицей языка, речи и культуры; под ред. О.Н. Левушкиной / О. Н. Левушкина // Многоликая Россия, в слове явленная: научно-практическое методическое пособие. – М.: МИОО, 2015. – С. 7-63.
6. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР.1993. Т 52, –№ 1. С. 3-9.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: "Академия", 2001. – 208 с.
8. Мишатина Н. Л. Современная методика: инновационный путь развития // Русский язык в школе. 2009. – № 2. С. 3-6.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.562 с.
10. Черничкина Е. К. Иноязычный учебный текст как депозитарий лингвокультурных моделей // Известия ВГПУ. 2012. – №4. С. 90-93.
11. Яценко И.И. Лингвокультурологическая среда как стимул в обучении русскому языку как иностранному. Тезисы XX международной научно-практической конференции 2-3 июля 2016 года. – Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2016. – 172 с.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ И СОЗДАНИИ НОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК¹

Макеева М.Н.

заведующая кафедрой «Иностранные языки», д-р филол. наук, профессор,
Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов

Бородулина Н.Ю.

профессор кафедры «Иностранные языки», д-р филол. наук,
Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов

Гуляева Е.А.

доцент кафедры «Иностранные языки», канд. пед. наук,
Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов

В статье обсуждается роль социальных сетей в развитии существующих и созданиях новых дискурсивных практик. Отмечается успех коммуникационных платформ Web 2.0 в поддержании стремления к самовыражению, оригинальности, увеличению личной и профессиональной коммуникации в виртуальном мире. Подчеркивается сближение различных дискурсивных практик с формулами дружественного общения, ослабление границы между традиционной публичной и обычной повседневной коммуникацией.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, общение в социальных сетях, дискурсивные практики, коммуникационная платформа Web 2.0.

Понятие «социальные сети» за несколько лет применений Интернете завоевало одно из центральных мест в многочисленных лингвистических исследованиях [1; 2; 3]. Филологические работы, с одной стороны, приобрели богатый иллюстративный материал сетевого общения, с другой стороны, они обогатили такие определения, как «дискурс» «дискурсивные практики» и «коммуникация». Цель настоящей статьи – продемонстрировать роль социальных сетей в развитии дискурсивных практик и современной коммуникации. В задачи статьи входит описание некоторых формальных характеристик дискурса применительно к дискурсу социальных сетей. Новизна и актуальность исследования усматриваются в обращении к перспективной на сегодняшний день теме «лингвистики новых медиа» [2].

В 2008 году в связи с развитием таких платформ, как YouTube, Facebook, Wikipédia и др. в социальных сетях произошел переворот, который получил характеристику «Web 2.0», и был связан с увеличением участия пользователей в производстве контентов и их обменами между собой. В 2010 году уже насчитывалось в мире 500 миллионов активных пользователей в Facebook во всем мире, здесь же было размещено 2,5 миллиардов новых фотографий, все они сопровождались комментариями. Можно сказать, что к этому времени в социальных сетях обменивались сообщениями гораздо больше, чем СМС в телефонах [6, р. 141].

Учитывая успех в развитии сетевой коммуникации, лингвисты заговорили о новых практиках дискурсивного общения, в которых преобладают такие черты, как стремление к самовыражению, демократичности, эмоциональности, креолизован-

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ 17-46-680391 «Разработка методов управления региональной контекстной видео рекламой и оценка ее эффективности на основе контент анализа».

ности. Главным инструментом навигации в Интернете становится так называемый список друзей (Контакты / Друзья), который осуществляет поисковые запросы у многочисленных пользователей. Информация прокладывает себе путь от друзей к друзьям друзей, создавая новый облик сетевого пространства (и соответственно сетевой коммуникации), схожего с семейным кругом общения. Действительно, успех коммуникационных платформ Web 2.0 во многом обязан тому, что пользователи сети представляют на них различными способами свои личностные характеристики и преференции. В стремлении к самовыражению они получили возможности продемонстрировать всему миру себя, свои вкусы и предпочтения, а благодаря различным знакам они смогли примерить и различные роли, выражющие не реальные, а виртуальные (а может быть, в тайне желаемые) пристрастия: статус, фото и видео, список друзей, приверженность к той или иной политической партии, организации, псевдонимы, аватарки. Скрываясь под всеми этими личинами, пользователи Интернета могут демонстрировать в дискурсивных практиках отличие от других пользователей, увеличивать шансы на узнавание и знакомства в виртуальном мире [5]. Дискурсивные практики приближаются к формулам дружественного общения (*friendshipdriven*) и обмена контентами с лицами, имеющими одинаковые интересы (*interest-oriented*).

В своем стремлении к самовыражению пользователи готовы выкладывать в сеть даже очень личные моменты из своей повседневной жизни, обращаясь к близкому кругу друзей. На таких платформах, как YouTube, а позже Instagram, где прочно установилось аудиовизуальное общение, участники не только получили большую аудиторию виртуальных собеседников, но и во многом приблизили свою речь к формам дистанционного диалогового общения, в связи с чем, тон общения стал менее серьезным, а скорее шутливым, неформальным, фамильярным, ребяческим, как это бывает среди близких и друзей. Но участники социальных сетей Интернета передают также сообщения, предназначенные для распространения в более широких и далеких от круга друзей группах. Так формируются контактные группы, очень тесно связанные между собой. На таких платформах, как, например, MySpace, Wikipedia, пользователи не рассказывают о своей личной жизни, а представляют любительские практики и интересы. Расширение зоны видимости индивидуумов связано с гибридизацией социальной сети (друзья) и тематической сети (группы, теги, друзья в закладках и т.д.), что придает коммуникационному пространству глубоко гетерогенный характер и дает возможности новых, гораздо более разнообразных способов навигации. Открытость социальных сетей, с одной стороны, к аморфной массе друзей, а с другой, к незнакомцам, имеющим схожие интересы, способствует развитию новых дискурсивных практик.

Одним из главных эффектов новых дискурсивных практик можно считать ослабление границы между традиционной публичной коммуникацией и обычным повседневным общением [4]. Отныне не только медиа и культурная индустрия являются единственными векторами распространения информации, последняя передается через беседы в сети, обмен мнениями, комментарии и рекомендации. Стирается граница между коммуникацией профессиональной и коммуникацией дилетантов [8]. Последние выносят в сеть свои суждения о культуре, политике, экономике, качестве продуктов и т.п. В широкое употребление вошло слово «*empowerment*», в основе значения которого лежит идея обретения самостоятельной роли или содействия в достижении самостоятельности [7]. Демократичный характер Интернета дает возможность пользователям приобретать опыт критических выступлений [11].

Новости культуры, экономики и общественно-политической жизни мотивируют их к диалогу, побуждают к выражению чувств и отношения к происходящему, к проявлению субъективности в высказываниях. Вырабатывается новая форма воздействия на собеседника, в которую втягиваются собственные вкусы и предпочтения, а также беседы с друзьями в сфере обсуждения расчетов и коммерческих сделок [10]. Отныне каждый пользователь Интернета может стать предпринимателем, заниматься работой «на общественных началах», сотрудничать, что превращает общение в сетях в «неолиберальный проект», нацеленный на обсуждение гибких, мотивированных и эффективных тем [9]. Пользователи сети сотрудничают, используя «коллективный разум», предлагая товары, которые не свойственны государственным предприятиям и рынку, появляются новые формы обмена, создаются новые экономические отношения, диктуемые правилами сетевого общения. Они отражают желание к индивидуализации и выделению своих особых черт, а также их признание друзьями и группами в соцсетях.

Таким образом, Интернет через общение социальных сетях способствует упорядочиванию способов самопрезентации, самовыражения и активной коммуникации, что оказывает влияние на развитие традиционных и создание новых дискурсивных практик.

Список литературы

1. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: новая парадигма описания языка Интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 8-14.
2. Горошко Е. И. Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы III международной научно-практической конференции / Поволжская государственная социально-гуманитарная академия; отв. ред.: С. А. Стройков. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2013. С. 27-42.
3. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск: Знание, 2008. 528 с.
4. Cardon D. La Démocratie Internet. Promesses et limites. Paris. Seuil / La République des idées. 2010. 102 p.
5. Cardon D. Le design de la visibilité. Un essai de cartographie du web 2.0. Réseaux. № 152. 2008. P. 93-137.
6. Cardon D. Réseaux sociaux de l'Internet // Communications. 2011. P. 141-148.
7. <https://translate.academic.ru/empowerment/en/ru/> (дата обращения 21.11.17).
8. Keen A. Le Culte de l'amateur. Comment l'Internet tue notre culture, Paris, Scali, 2008. 302 p.
9. Kevin M. Marketing en ligne // Communications. 2011. Volume. 88. № 1. P. 103-111
10. Pasquinelli M. Animal Spirits: A Bestiary of the Commons. Rotterdam. NAI Publishers / Institute of Network Cultures. 2008. 240 p.
11. Vanbremeersch N. De la démocratie numérique, Paris. Seuil. 2009. 106 p.

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ РОЖДЕНИЯ, ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Маслова А.М.

магистрант, Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

Фразеологизмы обладают национально-культурной спецификой. Усвоение данных языковых средств общения способствует формированию социокультурной компетенции, входящей в состав иноязычной коммуникативной компетенции. В статье рассматриваются особенности фразеосемантического макрополей рождения, жизни и смерти человека и обосновывается необходимость изучения фразеологических единиц, входящих в их состав.

Ключевые слова: фразеология, русский язык как иностранный, фразеосемантика, социокультурная компетенция, методика обучения иностранным языкам, лингвистика.

Фразеологические средства выполняют очень важную стилистическую функцию в процессе коммуникации, эмоционально и экспрессивно характеризуя многие явления и факторы действительности. Таким образом, полноценное общение на русском языке, понимание его устной и письменной речи невозможно без освоения фразеологизмов. Фразеологические обороты представляют собой обязательную часть лексического и культурного минимума, который необходим для коммуникации как носителям русского языка, так и инофонам, изучающим русский язык как иностранный.

В процессе изучения русского языка как иностранного обучающиеся овладевают социокультурными средствами общения, на основе которых происходит формирование социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция является составной частью коммуникативной компетенции и отражает социокультурные условия использование языка. Она также подразумевает знакомство обучающихся с национально-культурной спецификой русского речевого поведения и элементами русского языка, которые необходимы для полноценного понимания и порождения иноязычной речи [4, с. 182]. В содержание социокультурной компетенции выделяются пять компонентов:

1. Лингвистический компонент (безэквивалентная, эквивалентная, фоновая лексика, слова с национально-культурной семантикой, иноязычные слова, пословицы, афоризмы, фразеологизмы и т.д.);
2. Прагматический компонент (нормы и правила поведения носителей языка в конкретной ситуации общения);
3. Эстетический компонент (сведения о приемлемом и неприемлемом с точки зрения восприятия красоты);
4. Этический компонент (представления о нормах морали, принятых в среде носителей языка);
5. Страноведческий компонент (знания о стране изучаемого языка, культуре, а также образе жизни носителей языка).

Таким образом, формирование данной компетенции связано не только с ознакомлением учащихся со страной изучаемого языка и приобретением страноведческих знаний, усвоением норм поведения, принятыми в данном сообществе.

Она также связана с освоением наиболее употребительных языковых единиц, которые обладают национально-культурной семантикой.

При обучении социокультурным средствам общения объектами обучения выступают фоновые знания и языковые средства межкультурного общения. Усвоение фоновых знаний способствует формированию прагматического, эстетического, этического и страноведческого компонентов социокультурной компетенции. Усвоение же языковых средств общения участвует в формировании лингвистического компонента. В данной статье мы бы хотели уделить внимание именно лингвистическому компоненту социокультурной компетенции.

В состав языковых средств межкультурного общения входят вербальные средства общения. Вербальные средства представляет собой лексические единицы с культурным компонентом содержания. Нам бы хотелось подробнее остановиться на устойчивых образных словосочетаниях, воспроизводимых в виде готовых речевых единиц – фразеологических единицах. Специфика фразеологических единиц заключается в том, что дословно перевести их на иностранный язык зачастую не представляется возможным. Именно этот фактор и вызывает затруднение в понимании их смысла и использовании в речи у инофонов.

Лексика русского языка насыщена устойчивыми словосочетаниями, так или иначе связанными с существованием человека. Ввиду того, что в сознании носителей разных языков и культур формируются разные концепты рождения, жизни и смерти человека, фразеологические единицы из данных макрополей могут представлять особую трудность в усвоении иностранными обучающимися. На использовании некоторых фразеологических единиц, относящихся к исследуемым нами макрополям, могут накладываться определенные ограничения, которые связаны с культурными традициями русского народа. В большинстве случаев данные ограничения можно объяснить табуированностью той или иной темы. Например, в русском языке прослеживается тенденция не говорить прямо о смерти человека, что сказывается на употреблении фразеологических единиц соответствующего фразеосемантического поля и способствует появлению новых фразеологических единиц [2, с. 26]. В связи с этим мы хотели бы более подробно рассмотреть устойчивые словосочетания, принадлежащие семантическим полям рождения, жизни и смерти.

Структура данных семантических полей имеет иерархический характер. Прежде всего выделяются архисемы "жить", "умереть", "родиться", которые являются родовой интегрирующей семой, свойственной всем единицам своего макрополя и отражающей их общее категориальные свойства и признаки [2, с. 44]. Именно эти архисемы формирует ядро фразеосемантических макрополей. На периферии полей представленные дифференциальные семантические компоненты, конкретизирующие и дополняющие значение архисем.

В своем исследовании фразеосемантических полей английского языка Озеров А.Н. выделил микрополя внутри макрополей рождения, жизни и смерти. Опираясь на данное исследование, нам представляется возможным выделение аналогичных микрополей в русском языке. Говоря о приведенных нами примерах устойчивых словосочетаний, следует отметить, что указанные фразеологические единицы могут одновременно относиться к нескольким микрополям [3].

Итак, в макрополе рождения можно выделить следующие микрополя:

1. Микрополе физического рождения (*быть на сносях, быть в интересном положении, появиться на свет, произвести на свет, разрешиться от бремени, дать жизнь, счастье материнства и т.д.*);

2. Микрополе духовного рождения (*как заново родиться, вдохнуть новую жизнь, возвратить к жизни и т.д.*);

3. Микрополе наследственности (*в крови, в жилах, из рода в род и т.д.*);

4. Микрополе условий рождения (*родиться под счастливой звездой, вне-брачный ребенок, дитя любви, родиться вне брака, родиться в рубашке и т.д.*).

Фразеосемантическое макрополе жизни характеризует разнообразные аспекты жизненного пути человека. Фразеологические единицы данного поля связаны с физическим состоянием человека, его образом жизни, а также взаимоотношениями с другими людьми. Внутри макрополя можно выделить следующие микрополя:

1. Микрополе биологического аспекта жизни (*потерять аппетит, испытывать недомогание, переходный возраст, прекрасный пол, испытывать жажду и т.д.*);

2. Микрополе социального аспекта жизни (*спутник жизни, найти свое место в жизни, найти общий язык, плечом к плечу, держать на коротком поводке, соединить узами брака, выйти замуж/жениться по расчету и т.д.*);

3. Микрополе духовного аспекта жизни (*низко пасть, влечь жалкое жизнь, вести разгульную жизнь, занять свое место в жизни, искать легкой жизни, в поте лица и т.д.*).

Переходя к макрополе смерти, следует отметить, что именно в этом фразеосемантическом поле, на наш взгляд, наблюдается наибольшее количество устойчивых словосочетаний, выполняющих эвфемистическую функцию. Здесь можно выделить пять микрополей:

1. Микрополе видов смерти (*быть убитым, пасть в бою, пролить кровь, умереть своей смертью, пустить себе пулю в лоб, умереть под ножом, пасть смертью храбрых, кормить рыб, свести в могилу, уморить, вздернуть на виселице, наложить на себя руки, свести счеты с жизнью, отнимать жизнь и т.д.*);

2. Микрополе околосмертного опыта (*смертельная опасность, на грани жизни и смерти, быть на волоске, при смерти, цепляться за жизнь, на пороге смерти, на краю гибели, у края могилы, одной ногой в могиле, верная гибель, схватка со смертью, смотреть смерти в глаза, перед лицом смерти и т.д.*);

3. Микрополе загробного мира (*предстать перед Богом, тот свет, по ту сторону, царство небесное, загробная жизнь, мир иной и т.д.*);

4. Микрополе похорон (*предать земле, проводить в последний путь и т.д.*);

5. Микрополе характеристики смерти по времени умирания (*умирать медленной смертью, скоропостижно скончаться и т.д.*).

Приведенные примеры фразеологических единиц встречаются не только в художественной литературе, но и достаточно активно используются носителями русского языка в разговорной речи (особенно часто употребляются фразеологизмы из макрополя «жизнь»). Ввиду частотности их употребления данные устойчивые словосочетания обладают чрезвычайно высоким социокультурным потенциалом. Таким образом, формирование фразеологического словаря обучающегося следует начинать уже на начальном этапе обучения, но следует учитывать, что отбор устойчивых словосочетаний должен проводиться с учетом целей обучения, возрастных особенностей учащихся и многих других факторов.

Говоря о введении фразеологических единиц в процесс обучения, следует отметить следующее: прежде чем перейти к конкретному материалу, необходимо объяснить учащимся, что такое фразеологическая единица и чем она отличается от свободных сочетаний. Что касается процесса введения новой лексики, то он проис-

ходит в два этапа: 1) предъявление лексической единицы, 2) объяснение лексической единицы. Причем первичная презентация учащимся нового слова или слово сочетания должно происходить не изолированно, а в предложении, в контексте. Данный приём помогает обратить внимание обучающихся на употребление слова, его формы и сочетаемость.

На этапе объяснения лексической единицы (в нашем случае – фразеологизма) объяснение значение слова может происходить с помощью семантизации. Семантизация представляет собой систему действий или приемов, связанных с раскрытием значения лексической единицы. Выбор способа семантизации зависит от возрастных особенностей учащихся, этапа обучения, специфики самой предъявляемые лексической единицы, средств обучения и многих других факторов [1, с. 234]. В первую очередь различают переводной и беспереводной способы семантизации. Они реализуются разнообразными приемами, а именно: перевод на родной язык учащихся, использование синонимов и антонимов, словообразовательный анализ, толкование слова, использование контекста, опора на предметную наглядность, этимологический комментарий, использование описания [4, с. 200]. Выделить конкретный прием как наиболее эффективный не представляется возможным, поскольку каждый из них может быть реализован в разных ситуациях в зависимости от степени трудности фразеологической единицы, родного языка обучающихся и т.д. Во время занятий по практике языка важно, чтобы преподаватель не разграничивает работу над словосочетанием или словом и лингвострановедческую работу с лексическими единицами языка. Лингвострановедческая работа должна не подменять первую, а дополнять и расширять ее, тем самым обеспечивая знакомство учащихся со средствами языка и формирование лингвистического компонента социокультурной компетенции [4, с. 200].

В заключение хотелось бы отметить, что в качестве контроля сформированности данной компетенции предлагается использование специальных тестов. В ходе контроля проверяется уровень усвоения учащимися фоновых знаний из области русской цивилизации и культуры носителей языка, а также умение использовать языковые средствами с национально-культурной семантикой в разных ситуациях общения [4, с. 217]. Однако следует отметить, что тестовый формат контроля ввиду своей специфики не представляет возможности с точностью измерить уровень сформированности всех компонентов социокультурной компетенции. В связи с этим необходимо привлекать также и другие виды контроля.

Список литературы

1. Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. Обнинск: Титул, 2012. – 464 с.
2. Озеров А.Н. Фразеосемантическое поле рождения, жизни и смерти человека. Диссертация. М., 2006. – 155 с.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
4. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / А.Н. Щукин. – 2 изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2015. – 784 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИМЕНОВАНИЯ

Мелихова Ю.Р.

доцент кафедры английской филологии, канд. филол. наук,
Курский государственный университет, Россия, г. Курск

В статье представлено теоретическое обоснование изучения проблемы именования объектов с позиций психолингвистического подхода. Термин “именование” определяется как процесс поиска имени объекта в ситуации эксперимента. Делается вывод о том, что доступ к слову происходит благодаря различным стратегиям и опорным элементам.

Ключевые слова: именование, узнавание, идентификация, опора, признак, стратегия.

Проблеме языковой номинации в современной отечественной и зарубежной психолингвистике уделяется большое внимание. Проводится широкий спектр исследований, посвященных изучению репрезентации знаний, их организации и особенностям хранения в памяти человека. При отражении отдельного фрагмента окружающего мира актуализируется не вся информация, а только то, что связано с данной ситуацией. Все это предполагает знание связей и отношений между объектами окружающего мира, опыт владения операциями, используемыми при взаимодействии с другими явлениями, и обобщение этого опыта в сознании.

Изучить различные опорные элементы и стратегии, благодаря которым происходит доступ к знаниям в памяти человека можно при помощи процесса именования объектов. В психологических исследованиях называние предмета связывается с механизмом его узнавания, который является избирательным. Так, Р.И. Кругликов [4, с. 123], рассматривая механизм узнавания как основу детерминирующего активного отражения, отмечает, что узнается не все подряд, а лишь то, что может стать действующей причиной определенной формы активности. Следовательно, узнавание – это сложнейший феномен, а не сличение новой информации с ранее полученной. Аналогичную мысль об активной творческой природе механизма узнавания высказывает А.Г. Асмолов. По мнению ученого, опознание индивидом чего-то нового или решение проблем, неизбежно возникающих на его пути, объясняется тем, что память определяется не как хранилище индивидуального опыта, дублирующего фрагменты окружающей действительности, а как созидательный процесс конструирования явлений, основанный на принципе “повторения без повторения” [2, с. 75]. При этом субъект не изобретает абсолютно новые варианты действий, а использует уже имеющиеся схемы знаний, согласовывая их с вариантами разных ситуаций. С учетом вышесказанного процесс опознания картинки-стимула представляет собой не сравнение визуального стимула с ранее заложенными знаниями, это целый комплекс процессов, преломляющихся через мотивы и потребности носителя языка и реализующихся на определенном эмоционально-оценочном фоне. Установление опознавательных свойств объекта с целью его узнавания связано с именованием этого объекта. Термин “именование” определяется нами как процесс поиска имени объекта в ситуации эксперимента. Результатом выступает имя объекта. Выполняя функцию обозначения, слово выступает в качестве основного номинативного знака, связывая человека с окружающей действительностью. Идеализация реального мира, процесс снятия чувственно-сенсорного происходит при помощи слова, которое является второй сигнальной системой действительности. Благодаря человеческому мышлению происходит пе-

реход от образных форм к словесно-речевым и наоборот от слова к образу-представлению.

Процесс перехода от визуального стимула к его наименованию закономерен. Успешность этого процесса обеспечивают чувственные, эмоциональные и смысловые ассоциации с тем или иным фрагментом действительности. Слияние в сознании человека знакового обозначения предмета с его ментальной репрезентацией служит основой наименования. Человек может называть предмет, благодаря тому, что у него формируются ассоциации между зрительными, акустическими и тактильными образами. В реальном когнитивном процессе постоянно происходит переход от слова к образу и наоборот. Слово является опосредующим звеном в процессе перехода от ощущения к мысли, от конкретного к абстрактному, от образного отражения к понятийному.

В психолингвистической традиции проблема актуализации механизмов доступа к значению слова изучается через обращение к пользователю языка. Реализуемая нами задача предполагает использование теории ментального лексикона, которая была разработана А.А. Залевской [3]. Благодаря ментальному лексикону происходит переработка информации об окружающем мире. Интерпретация полученных нами экспериментальных данных осуществляется с учетом разнообразных знаний, которые связаны со словом. Именно благодаря совокупности практических, теоретических и культурных знаний, а также благодаря индивидуальному опыту субъект именования способен идентифицировать предъявляемые предметные изображения, даже если на них обозначены неизвестные испытуемому объекты. В реальном процессе опознания объект восприятия мысленно включается во всевозможные системы связей.

На основе установления сходства изображенного на картинке объекта со знаниями и впечатлениями, хранящимися в памяти человека, происходит идентификация предъявляемого стимула, представляющая собой результат сопоставления разного знания как прямого, так и опосредованного [1, с. 11].

Анализ публикаций по проблеме изучения явления идентификации показывает, что этот термин понимается как механизм распознавания стимула. Полагают, что доступ к значению слова происходит в том случае, если стимул опознан полностью. Под идентификацией предметного изображения следует понимать процесс сопоставления зрительного стимула с индивидуальной информацией об окружающем мире, которая обеспечивает доступ к значению слова. Механизм доступа к слову состоит из нескольких этапов и предполагает переработку информации разных уровней. Перцептивная обработка происходит благодаря сенсорной информации и семантической памяти. Важная роль отводится психическому состоянию говорящего, его желаниям, интересам, отношению к предметам и событиям. Психическое состояние говорящего – это набор всех оценочных и экспрессивных ассоциаций, представляющих индивидуальную и коллективную информацию о явлениях и предметах, об их отношениях и свойствах. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что именование происходит благодаря разнообразным опорным элементам, а также благодаря мысленному образу, который является основой узнавания предметного изображения.

Признаки и характеристики предметов и явлений служат опорными элементами механизма идентификации, включающего распознавание, обобщение, классификацию, анализ. Опорой, обеспечивающей опознание и именование картинки, является носитель какого-либо признака или свойства объекта.

При опознании объектов, изображенных на картинках, признаки играют особую роль, потому что узнавание непосредственно зависит от выделяемых признаков предмета, благодаря которым субъект именования определяет его к той или иной категории. На основании этого ученые выделяют обобщенное и дифференцированное узнавание. Первое характеризуется выделением общих признаков объекта, его контуров, позволяющих отнести предмет к какой-нибудь категории. Второй тип заключается в отнесении объекта к определенной категории в результате выделения характерных только для этого предмета признаков, его специфических свойств. В качестве примеров первого типа узнавания можно привести следующие слова: птица, животное, насекомое, инструмент. Ко второму типу относятся: воробей, ласточка, белка, кролик, жук, комар и т.д. Скорость узнавания знакомых предметов гораздо быстрее, поскольку человеку для того, чтобы узнать стимул достаточно определить один-два признака. Узнавание новых предметов требует гораздо больше времени, протекает сложнее, оно является результатом непростого аналитико-синтетического процесса, в ходе которого различные виды признаков объединяются в определенный образ. Формирование общего впечатления об объекте и дальнейший последующий его анализ говорит о том, что обработка информации при опознании визуального стимула протекает от общего к частному.

Целью нашего экспериментального исследования является определение стратегий именования предметных изображений. Обзор публикаций по проблемам изучения понятия “стратегия” показывает, что универсального определения этого феномена не существует. Учеными выделяются различные виды стратегий в зависимости от исследуемого материала. Акцентируется внимание на важнейшей роли стратегических моделей для овладения и пользования языком, для установления значения слова [5]. Доказано, что любая обработка информации представляет собой стратегический процесс, позволяющий интерпретировать какое-то событие путем конструирования в памяти его презентации с инкорпорированием предыдущего опыта, событий, действий и связанных с ним ситуаций.

Большинство исследователей стратегиями называют определенную последовательность мыслительных операций, которые направлены на достижение конкретной цели. Это закономерности в принятии решений, обеспечивающие успешность познавательной деятельности. Стратегией мы называем способ поиска имени объекта, изображенного на картинке.

Последующий анализ экспериментального материала позволит нам объяснить некоторые опорные элементы и стратегии, используемые человеком в процессе именования предметных изображений.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: “Языки русск. культуры”, 1998. 896 с.
2. Асмолов А.Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. М.: МГУ, 1985. 103 с.
3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: Монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 204 с.
4. Кругликов Р.И. Принцип детерминизма и деятельность мозга. М.: Наука, 1988. 224 с.
5. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 134 с.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОМПОЗИТОВ В ОСЕТИНКОМ ЯЗЫКЕ

Моргоева Л.Б.

старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания,
канд. филол. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
и Правительства РСО-Алания, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются особенности изменения семантики сложных слов, вызванные их различным грамматическим оформлением. В основе образования большинства сложных слов в осетинском языке лежит соединение слов с четкой синтаксической связью, которая в фоновом режиме неизменно присутствует в композитах благодаря особенностям словосложения в осетинском языке. При этом раздельное написание формантов сложного слова расширяет стилистические возможности восстановленного сочетания, активизируя коннотативные смыслы лежащего в основе образа.

Ключевые слова: семантика, словообразования, коннотация, стилистика, осетинский язык.

Лексический фонд любого языка самобытен и уникален в том смысле, что, наравне с другими языковыми единицами, отражает национальную картину мира. Особенно наглядно это находит подтверждение при поиске адекватных эквивалентов одного и того же значения в двух и более языках. В частности, своеобразие лексики осетинского языка заключается в насыщенности большим количеством сложных слов, емких понятий и обозначений, передающих семантику слова посредством описательных образов, подчас трудно перекладываемых на другой язык без развернутого пояснения.

Особенности национального мировоззрения формируют образы, передаваемые посредством соединения сложных понятий, поэтому в осетинском языке наиболее распространенным и продуктивным способом образования новых слов был и остается способ словосложения. Отличительным признаком словосложения в осетинском является отсутствие соединительной гласной, которая, к примеру, присутствует в русском языке. Вместо этого возможно естественное усечение грамматического окончания первой, а иногда и второй части.

Сложные слова (композиты) в осетинском языке чаще всего состоят из двух компонентов, реже – из трех компонентов, в качестве которых могут выступать как имена, так и другие части речи [1, с. 173].

Возникновение новых слов при помощи словосложения в осетинском языке имеет два основных фактора: 1) прямой калькированный перевод «сложного» слова с другого языка (*самолет – хæдтæхæг, многоэтажный – бирауæладзыгон, языкознание – æвзагзонынад*); 2) грамматическое слияние компонентов словосочетания.

Наибольший интерес с точки зрения варьирования семантических оттенков в зависимости от слитного или раздельного написания компонентов сочетания вызывает вторая группа слов.

Нами выделено несколько понятийных групп, подверженных неустойчивому грамматическому написанию, при котором возможно как слитное, так и раздельное написание. Следовательно, возможно их восприятие и как словосочетания, и как целостной лексической единицы.

Очевидно, что в большинстве случаев форма словосочетания является первоначальной, а форма единой лексической единицы – результат закрепленного понятийного смысла всего сочетания как единого целого, часто продиктованного стремлением к адекватному соответству грамматической формы с идентичным понятием в других языках.

Обозначим несколько семантических групп наиболее подверженных подобной вариации в написании, среди которых слова, указывающие:

- 1) на родственные отношения (*фыдымад* – *фыды мад* «бабушка – мать отца», *мадыхо* – *мады хо* «тетя – сестра матери»);
- 2) культурно-маркованные понятия (*сәрыхиңау* – *сәры хиңау* «хозяин – хозяин головы»; *цардәмбал* – *царды әмбал* «супруг – спутник, друг жизни»; *цәрәнбон* – *цәрән бон* «всю жизнь – день жизни»);
- 3) анатомические термины (*цәстыгагуы* – *цәсты гагуы* «зрачок – зеница ока», *цәстырухс* – *цәсты рухс* «зрение – свет глаз, очей», *фадхъул* – *фады хъул* «щиковотка – сустав, костяшка стопы»);
- 4) биологические термины (*мыдыбындз* – *мыды бындз* «пчела – муха меда (медовая муха)», *дугъысыф* – *дугъы сыф* «подорожник – лист бега»);
- 5) абстрактные понятия (*сәрызонд* – *сәры зонд* «сознание – знания в голове», *зондахаст* – *зонды ахаст* «мнение, взгляд – склад ума, знания»);
- 6) временные понятия (*әндәрахсәв* – *әндәр әхсәв* «позавчера – другая ночь», *иннаебон* – *иннае бон* «послезавтра – в другой день», *әмбисбон* – *әмбис бон* «полдень – половина дня»).

В основной своей массе гибкая вариативность написания сложных слов рассматриваемых групп объясняется «определительной» природой их образования, когда один формант определяется через другой. При этом части сложного слова могут находиться в падежном отношении друг к другу или первая часть определяет вторую. [см. 2, с. 116].

Понятия, относящиеся к первой группе предложененной классификации, передают особо значимые в социуме родственные отношения, тесно связанные между собой и строго регламентирующие этнокультурные стереотипы поведения во взаимоотношениях.

Так, к примеру, слитное написание *фыдымад*, *мадымад*, *стрымад* будет иметь значение «бабушка» и иметь синонимы *нана*, *дзыңца*, заимствованное *бабу*, диалектное *джиччи*, тогда как при раздельном написании сочетание приобретает особо важное значение в том смысле, с чьей стороны эта бабушка – *фыды мад* «отца мать» или *мады мад*, *стыр мад* «мать матери». Или, скажем, *мадыхо* «тетя» – *мады хо* «сестра матери». Наглядно эти этнокультурные различия можно проиллюстрировать приведенным ниже текстом загадки:

Цыдысты фәндагыл: сиахс йæ усы мадимæ, лæг әемæ ус, стымад йæ чызджы чызгимæ, мад йæ чызгимæ, чызг йæ фыдимæ. Цалай уыдысты? (уыци-уыци). – «Шли по дороге: зять с матерью жены (тещей), муж с женой, большая мать (бабушка) с дочерью дочери (внучкой), мать с дочкой, дочь с отцом. Сколько их было всего? (Загадка); Мадыхойæ (мады хойæ), дам, мады ад фәңæуы (Әмбисонд). – «От тети (сестры матери) исходит тепло, подобное материнскому. (Посл.).

Тенденцией к слитному написанию, на наш взгляд, лишены сочетания, со значением статуса внутри семьи, не характерного для стереотипа восприятия традиционной осетинской семьи как, скажем, *мады лæг* – «отчим», «муж матери»: *Мæ мады лæг у дыккаг фыд, дыккаг фыд та фыдыусæй әвзæрдæр у, йæ ахастытæ*

дәрзәгдәр. – «Муж моей матери – отчим, а отчим хуже мачехи в обращении, грубее».

Что касается культурно-маркированных слов, то они образованы по типу словосложения и в основной своей массе представляют собой образования с определенной степенью эвфемизации, в основе которых лежат образы, находящиеся в тесном соприкосновении с нормами традиционной культуры. Так, образования типа *цардәмбал* – *царды әмбал* «спутник по жизни», *сәрыхиңау* – *сәрү хиңау* «хозяин головы» синонимичны, с той разницей, что в первом случае слово *цардәмбал* может относиться как к мужу, так и к жене, а во втором случае *сәрыхиңау* относится исключительно к мужу. Иносказательная природа, лежащая в основе лексических единиц этой группы, имеет очень глубокие этнокультурные смыслы и широта охвата сфер применения такого стилистического приема, как эвфемизация, достаточно велика. [5, с. 225-227].

Группа слов, образованных для обозначения анатомических понятий и терминов, несколько отличается от других рассматриваемых групп, главным образом, тем, что при слитном написании такие слова воспринимаются исключительно в качестве терминологического обозначения, лишенные всякой дополнительной смысловой нагрузки. Так в качестве номинатива *цәстығагуы* имеет значение «зрачок» [3; 4], но при раздельном написании является образным выражением. Сравним:

Йә цард, йә намыс ын хъахъәнның цәсты ғагыйай. (Джыккайты Ш.) – «Его жизнь, его честь берегут словно зеницу ока»; *Әвиптайды бәстә фәстар әмә уәлиаәй сәрттывтой уызы қәлмыты цәстыта:* *сәнтсау ғагыйы алыварс урсурсид тымбыл зиллакк.* (Хәблиаты С.) – «Внезапно все вокруг потемнело и сверху засверкали эти змеиные глаза: вокруг черных зрачков ярко-белый круглый обод».

Те же различия в семантических оттенках, связанные со слитным и раздельным написанием, наблюдаются и в других словах этой группы. При этом, форма раздельного написания придает заметную поэтичность даже прозаическому тексту:

Йә қауын әедәмә нал хъуст, фәлә цәсты сыгтә сә 'кәенон кодтой. (Бязырты Д.) – «Ее плач уже не слышен был, но ручейки с глаз делали свое дело»; *Уызы фәстаг цыд куы акодта ңуаны, уәдәй фәстәмә йә уарzon ус Госама тарзәрдә әмә цәсты сыгимә әрвыста* *йә царды 'бонтә.* (Бязырты Д.) – «С тех пор, как ушел он в последний раз на охоту, его любимая Госама проводила свои дни печальным сердцем и слезой (каплей глаза)»; *Цыма ныртәккә цәсты хаутә базмәлдзысты, арф ныууләфдән әмә ңонғанңайтты рабаддән...* (Хаблиаты С.) – «Будто сейчас ресницы (бахрома глаз) затрепещут, глубоко вздохнет и привстанет, опираясь на руки...».

Странно отметить, что зачастую при наличии закрепленной формы слитного написания отдельных слов, в литературных текстах предпочтение отдается раздельному написанию, несмотря на их очевидную терминологическую природу. Тончайшие семантические оттенки, вызванные различиями в написании, более ощущимы в языке-источнике и трудно передаются в переводе на другой язык, при необходимости сохранения художественного благозвучия. Сравним:

Хитъамә афтә зынд, ңыма уый ныхасы үынаффәмә нал хъусы, фәлә мыды бындзыты гуыз-гуыз қәнинц йә алыварс. (Бязырты Д.) – «Хита казалось, будто он не наставления слушает, а это пчелы (медовые мухи) жужжат вокруг него»; *Әмә гъеуырдыгәй мыдыбындзыты дыв-дывау сә үынаэр хъуст.* (Сечынаты Л.) – «И оттуда слышен был их шорох подобно жужжанию пчел» и др.

В аспекте нашего исследования особый интерес представляют слова с пространственно-временной семантикой. В отличие от лексических образований дру-

гих групп, слова данного блока в основной своей массе имеют преимущественно слитную форму написания, однако переложение их семантики на другой язык (скажем, русский) осуществляется посредством описательного способа. Так, семантика лексемы *абондэрѓы* образовано при помощи стяжения трех слов ‘*ацы боны дарѓы*’ и объясняется как «в течение всего этого дня», *фæсæмбисæхсæв* – ‘*æмбис æхсæвы фæстæ*’ объясняется как «после половины ночи, после полуночи», *фæсæхсæвæр* – ‘*æхсæвæры фæстæ*’ «время после ужина», *адыууæбоны* – ‘*ацы дыууæ боны*’ соответствует русскому «в эти два дня»:

Цынæ æрлæууыд абонсарæй йæ зæрдыл, кæдæмыты нæ ахæццæ (Хæблиаты С.) – «Что только не вспомнилось ей за целый день, куда только не зашли ее мысли»; *Æмæ абондэрѓы сау ингæны уыдтæ, цæмæн дæ фeroх дон схæссын?!*(Бязырты Д.) – «А в течении всего дня ты в черной могиле был, почему забыл воду принести?!”; *Тагъд куы кæнин, уæд абонсарæй уæ уæлхъус лæуун?* (Хуыгаты С.) – «Если бы спешил, стоял бы весь день над его душой?» и др.

Присутствие в рассматриваемых композитах экспрессивных оттенков становится очевидным при сопоставлении с нейтральных переводными вариантами. Между тем, разложение лексических образований раскрывает всю полноту смыслового содержания, как, скажем, *абонсарæй* с нейтральным значением «целый день» в полном своем значении передает смысл ‘этот день с самого начала’. В результате словообразовательных процессов данные понятия семантически нейтрализуются, но сохраняют потенциальную возможность активизировать внутри текста скрытые исходные образы и смыслы.

Как видим на примере нескольких групп композитов, словосложение в осетинском языке является не только наиболее продуктивным способом словообразования, но весьма значимой формой отображения особенностей этновосприятия реалий. Отношения формантов внутри слова сохраняют все признаки исходной синтаксической связи, что и становится причиной их стремления к раздельному написанию.

С позиций стилистики форма синтаксического словосочетания в рассматриваемых сложных словах, как правило, наделена *большим* набором коннотативных смыслов, базирующихся на глубинных образах и формах мировосприятия этноса. При слитном написании слова имеют тенденцию к стилистической нейтральности и стиранию коннотативных смыслов, тогда как при раздельном написании компоненты сочетания восстанавливают свое самостоятельное значение и активизируется создаваемый ими образ, за счет чего возникает концептуальный план осмысливания всего сочетания.

На современном этапе развития языка оба варианта написания остаются актуальными, и, что примечательно, при любом варианте грамматического оформления семантико-стилистический план восприятия, присущий второму написанию, сохраняется как фоновый.

Список литература

1. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Часть 1. (Фонетика и морфология). – Орджоникидзе, 1965.
2. Ирон æвзаджы грамматика (Грамматика осетинского языка: Фонетика и морфология) Том I / Под.ред. проф. Г.С. Ахвледиани. – Орджоникидзе, 1963.
3. Ирон-уырыссаг дзырдуат (Осетинско-русский словарь). Владикавказ, «Алания», 2004.
4. Русско-осетинский словарь. – М.: Наука, 2000.
5. Хадикова А.Х., Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. – Владикавказ: ИПЦСОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015.

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Охотникова М.А.

магистрант, Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются проблемы распространения молодёжного сленга в современном публицистическом и художественном дискурсе, широкое распространение сленговых явлений в массовой культуре, пути проникновения сленговых единиц в корпус общеупотребительной лексики и проблемы, возникающие в процессе идентификации и понимания сленговых единиц при изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык, молодёжный сленг, методика преподавания, РКИ.

Интерес к молодёжи, к молодёжной культуре, к её языку очень высок со стороны общества. В настоящее время «молодёжь» – понятие, которое имеет не только гендерную семантику, но приобретает черты лингвокультурного концепта, который в различных культурах имеет свои особенности. Во все времена молодёжная культура стремилась к идентификации, маркировкой которой является уникальное коммуникативное поле, свой язык.

Постепенно сложился устойчивый термин «язык молодёжи», который в разные времена характеризовал различные языковые явления, объединённые тем, что его носители предположительно были людьми молодого возраста.

Довольно часто этот термин носит негативную семантику, вместо него употребляют обозначения «жаргон» или «сленг». Однако эти термины давно получили научное обоснование. Лингвистический энциклопедический словарь даёт такие определения: «Жаргон – разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста» [3, с. 151].

В отечественной литературе, характеризующей англоязычный дискурс, термин «сленг» употребляется в том же значении, что и жаргон.

Кроме того, сленгом называют «совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [3, с. 461].

Из этих определений можно сделать вывод о разграничении понятий «жаргон», «сленг» и «язык». Языком лингвистический феномен становится тогда, когда выходит за границы группы. Кроме того, жаргон и сленг – явления сугубо лексические, язык же должен обладать и другими особенностями – фонетическими, морфологическими, словообразовательными, синтаксическими. И, наконец, жаргон и сленг – явления, относящиеся исключительно к области разговорной речи. В литературный язык эти явления проникают со специальной маркировкой.

То, что средством коммуникативной молодёжной культуры является особый язык, перешагнувший границы сленга и жаргона, давно отмечают исследователи современной русской речи [2, с. 121-122].

Жаргонная и сленговая лексика понятна членам определённого сообщества, ограниченной группы. Лексика молодёжного языка воспринимается самыми широкими слоями населения, хотя может и не входить в их активный словарный запас.

Основываясь на мнениях, высказанных в научной литературе, молодёжный сленг следует рассматривать как стилистически маркированные языковые явления, функционирующие в разговорной речи. Современная действительность, однако, не позволяет чётко разграничить публичный дискурс и дискурс разговорной речи. Явления разговорной речи активно функционируют в медиасфере, в художественной литературе, кинематографе. Средством повседневного общения давно стал Интернет, где сленговые явления имеют самое широкое распространение.

Нужно отметить, что в настоящее время происходит размывание границ социального понятия «молодёжь». К этой возрастной группе относят не только школьников и студентов, и даже не ограничивают это понятие возрастными рамками. Как представители молодёжи самоидентифицируют и позиционируют себя и те, кто уже перешёл тридцатилетний рубеж. Всё это свидетельствует о том, что понятие «молодёжный сленг» применяется достаточно широко.

В этом широком понимании молодёжный сленг функционирует как вторичный вариант основного языка. Первичный язык, так же как и первичную социализацию, личность не выбирает, она рождается в среде первичной социализации и в среде первичного языка. Вторичная вариативность языка отличается от первичной в социолингвистическом плане.

Вторичная вариативность языка связана с социализацией личности в рамках новой группы. Но как отмечает Т. Б. Щепанская, существует так называемая «унификация сленга и символьических кодов различных тусовок: формируется общий культурный код, позволяющий им общаться друг с другом, делающий возможными взаимные контакты, переходы, слияния» [6, с. 49].

Молодёжный сленг существовал всегда, так же, как и сленг различных социальных групп. В период социальных преобразований в язык проникло множество различных жаргонизмов вместе с новыми языковыми реалиями. В то же время активизировался процесс заимствования из английского языка. Язык молодёжи во второй половине двадцатого века во многом строился на англицизмах, и эта его особенность совпала в конце века с общеязыковой тенденцией. Технический прогресс также способствовал внедрению в язык компьютерного сленга. Являясь одним из источников пополнения молодёжного жаргона, в то же время сам компьютерный сленг испытывает влияние со стороны жаргонов, в результате чего компьютерный язык начинает выступать как новая разновидность молодежного жаргона.

Несмотря на столь долгую историю лингвистического феномена, до сих пор в науке не выработано однозначное мнение по поводу молодёжного сленга и способов его идентификации. Особенно остро эта проблема стоит в области межкультурной коммуникации и межъязыковых контактов. Представителю другой языковой культуры сложно идентифицировать и понять единицы, относящиеся к сленгу.

Между тем реальность требует разработки навыков узнавания и понимания лексем, маркирующих молодёжный сленг вследствие широкого проникновения этого явления в область общеупотребительной лексики. При этом сам факт существования молодёжного сленга не является для представителей иных языковых культур чем-то неведомым, то есть это явление знакомо им в качестве лингвокультурного феномена. Причины появления и распространения молодёжного сленга не только лингвистические, но и социальные. Об этом говорит тот факт, что язык молодёжи возникает в разных языковых культурах – в обществах, характеризующихся достаточно высоким уровнем развития.

Но в зарубежном научном дискурсе молодёжный сленг рассматривается как «язык студентов колледжей и университетов» [4, с. 184].

В отечественной лингвистике проводятся более глубокие и плодотворные исследования молодёжного сленга, которые позволили выявить специфические функции этого явления: функция возрастной идентификации; функция социальной идентификации; экспрессивная функция; коммуникативная функция.

Поскольку молодёжный сленг возникает в разговорной речи, очевидно, что он отражает её лингвистические особенности: стремление к редукции безударных гласных; упрощение групп согласных; описательная и сокращённая номинация; расчленение синтаксической целостности; существование прерванных синтаксических конструкций. Речь идёт не только о лексике, но явлениях, существующих на разных уровнях языка.

Всё вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что для изучающих русский язык проблема распознавания молодёжного сленга и использование его элементов в качестве коммуникативного средства представляет достаточно сложную проблему.

Очевидно, что в сфере преподавания РКИ необходимо воспринимать молодёжный сленг как стилистически маркированную лексику, обладающую социокультурным потенциалом. Разумно начинать знакомство с явлениями молодёжного сленга с лексических единиц, используя методику повышения лингвострановедческой компетенции.

Изучающие РКИ могут познакомиться с примерами молодёжного сленга тремя путями: на основании личного опыта (в процессе общения); при знакомстве с художественной литературой; в результате педагогической деятельности преподавателя.

В этом случае от педагога требуется наличие определённых навыков и умений, поскольку ведущая роль отводится коммуникативно-обучающей функции педагогической деятельности, в которой выделяются следующие компоненты: информационно-ориентирующий; мотивационно-стимулирующий; контрольно-корrigирующий.

Реализацию информационно-ориентирующего компонента обеспечивают следующие умения: ориентировать учащихся в системе связей языка и культуры; ориентировать учащихся относительно черт сходства и различия в культурах родной страны и страны изучаемого языка

Каждое занятие РКИ должно становиться коммуникативным событием, что предполагает особый подход к подбору материала для занятия, «который обеспечивал бы возможность сопоставления различных точек зрения» [5, с. 53].

Как отмечают исследователи, при изучении лексики русского языка как иностранного основной целью является формирование лексических навыков «включающих понимание слова и особенностей его сочетаемости в речи, безошибочное использование слова в речи в соответствии с темой и ситуацией общения, умение использовать лексику для осуществления как продуктивной речи (говорения, письма), так и рецептивной (чтения, аудирования); принято разграничивать продуктивные и рецептивные лексические навыки» [1, с. 268].

К изучению сленговой лексики следует приступать лишь тогда, когда обучающиеся достигли достаточного уровня владения языком. Основным средством обогащения словаря в процессе изучения РКИ является работа с текстом. Но в случае молодёжного сленга дискурс текстов довольно ограничен, что представляет определённую трудность. В этом случае преподавателю приходится обращаться к

медиа-дискурсу, и основную проблему представляет отбор текстов, содержащих необходимый лексический материал.

Это могут быть аудио- и видео-материалы или контент молодёжных сайтов. Анализ текстов предполагает выделение сленговых слов, знакомство с которыми также представляет определённую методическую трудность, поскольку единицы молодёжного сленга не имеют лексикографического описания. Следовательно, знакомство с молодёжной лексикой требует от преподавателя высокого уровня лингвистической компетенции, поскольку в процессе подготовки к занятию необходимо провести лексическое и грамматическое описание сленгового слова. Подробное описание позволяет в процессе занятия изучать сленговую лексику, опираясь на традиционные методические приёмы: закрепление новых единиц в составлении словосочетаний, предложений и вариантах употребления этих слов.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости разработки методов и приёмов знакомства с лексикой молодёжного сленга в процессе преподавания РКИ. Но пока эта задача ложится на плечи педагога, который в процессе педагогической деятельности разрабатывает действенные подходы к преподаванию. Накопление и анализ результатов работы преподавателей РКИ позволяют обогатить педагогическую науку и содействовать укреплению межкультурных связей.

Список литературы

1. Иванова Т.М. К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного (на примере русской лексики) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение, 2012. – С. 266-271.
2. Касьянова В.М. Практическая грамотность школьников – пути и способы её формирования // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2004. – №2. – С.120-128.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Полехина Е.А. Молодёжный жаргон как объект лингвистического исследования // Вестник ВолГУ: Языкознание, 2012, № 1 (15). – С. 180-184.
5. Стрелец Л.И. Коммуникативная основа читательской рецепции // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2013, № 6 (134). – С. 50-53.
6. Щепанская Т.Б. Символика молодёжной субкультуры. – Л.: Наука, 1993. – 340 с.

СПЕЦИФИКА ЯВЛЕНИЯ АЛЛЮЗИИ В БРИТАНСКОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Павленко Е.А.

ст. преподаватель кафедры английской филологии и перевода, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается функционирование аллюзии в качестве одной из характеристик рекламного текста. Развитие и распространение рекламы в современном обществе делает необходимым изучение механизмов, позволяющих повысить эффективность рекламного сообщения в целом. Распознавание интертекстуальных маркеров со стороны потребителя гарантирует запоминаемость и потенциально повышает продаваемость рекламируемого товара.

Ключевые слова: аллюзия, рекламное сообщение, маркер, интертекстуальность, аллюзивное имя собственное.

Реклама является неотъемлемым аспектом жизни современного общества. Огромное количество предлагаемых потребителю товаров и услуг обуславливает стремление рекламодателей и копирайтеров повысить степень восприятия рекламы потребителем, а также сделать так, чтобы рекламное сообщение выделялось и запоминалось. Составители рекламных текстов используют многочисленные приемы для создания эффективного рекламного сообщения. Существует несколько лингвистических средств, которые способны помочь при составлении рекламного текста – как минимум потому, что обращаются к подсознанию человека, вызывают в памяти устойчивые ассоциации, воспоминания, работают с архетипами. Одним из этих средств является аллюзия.

Аллюзия – это лингвистический механизм, создающий связь между двумя текстовыми планами – планом имеющегося текста и планом прецедентного текста, функции которого может выполнять и фоновое знание в целом. Маркером аллюзии, в случае его наличия, является некоторое нарушение, чаще всего смысловое. Факт несоответствия в отношении означаемого к означающему представляет собой имплицитность. Таким образом, имплицитная информация является собой несоответствие между所说的 / написанным и услышанным / прочитанным, т.е. понятым, извлеченным. Согласно постулатам Грайса, деятельность слушающего включает не только расшифровку знаков (т.е. понимание значений слов, граммем, т.д.), но и многочисленные выводы, делаемые слушателем на основании текста, контекста, фоновых знаний [2, с. 221].

Использование имплицитной информации особенно характерно для рекламы и является отличительной особенностью правильно составленного рекламного текста. Дело в том, что призыв "купи", выраженный напрямую, т.е. эксплицитно, будет интерпретирован реципиентом (потенциальным покупателем) как попытка навязать ему чужую волю и будет отвергнут. Если же призыв будет выражен имплицитно, то он не будет подвергаться прямой оценке, следовательно, может быть интерпретирован реципиентом как его собственный вывод, что значительно повышает эффективность рекламного сообщения. Использование имплицитной информации для создания эффекта сопоставления в рекламном тексте также имеет ярко выраженный pragматический смысл: явные сравнения зачастую запрещены рекламными кодексами, а кроме того, способны вызвать антагонизм как у конкурентов, так и у реципиента сообщения.

Аллюзия очень часто встречается в рекламных текстах. Почему – понять не трудно. Это средство позволяет создать хорошее мнение о компании или товаре благодаря ассоциациям, которые возникают у читателя: просматривая текст, потребитель подсознательно улавливает знакомую фразу и переносит восприятие оригинальной цитаты на новый объект. Аллюзия – один из эффективных приемов рекламы, заключающийся в использовании известных аудитории фрагментов культуры с определенной коннотацией, ассоциированных с определенной эмоцией. Это, как правило, названия кинофильмов, произведений искусства, строки из популярных песен, стихов, анекдотов, афоризмов, географические названия. В качестве отдельного приема успешно применяется недосказанность мысли, возможность неоднозначного толкования сказанного, что создает особый подтекст и указывает на скрытый смысл текста, используя при этом воображение читателя.

Популярность использования аллюзии в рекламе объясняется феноменом цитатности сознания, который заключается в невозможности создать текст, который не имел бы аллюзий по отношению к уже существующим дискурсам. Цитат-

ное мышление избирает в качестве прецедентного текста устойчивые выражения, фразы из всем известных сказок, художественных и мультиликационных фильмов, исторические эпизоды и даже рекламные слоганы, уже существующие в рекламном пространстве. В последнем случае можно говорить о том, что поиск креативной идеи происходит на "вторичном рынке". Причем, прецедентные тексты могут быть трансформированы или воспроизведены в своем первоначальном облике. Трансформация текстов идет за счет наполнения начальной формы новым деструктурированным содержанием с использованием цитат, героев, ситуаций и так называемых "украденных" объектов из известных канонических произведений.

Такой текст, согласно теоретику постмодернизма Р. Барту, "представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем..." [1, с. 78].

Возможностью нести аллюзивный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического, метрического уровней организации текста. Целям выражения этого смысла могут служить также орфография и пунктуация, а также выбор графического оформления текста – шрифтов, способа расположения текста на плоскости. Способностью нести аллюзивный смысл обладают и даты, введенные в художественный текст. Иногда основой аллюзивного отношения оказывается сама техника построения фразы, строфы или целостной композиции. Таким образом, как маркером, так и денотатом аллюзии становится непосредственно языковая структура текста, причем нередко происходит взаимодействие различных уровней текстовой организации.

Отличительной особенностью стилистического приема аллюзии является временная соотнесенность. В некоторых определениях аллюзия ограничена ссылками на факты прошлого, в других же подобное сужение временных рамок отсутствует. В этом случае к тематическим источникам аллюзии причисляются факты современной жизни общества.

Наиболее экспрессивными и эмоциональными являются библейские и мифологические аллюзии. Для положительной характеристики героя авторы используют библейские аллюзии. Для передачи яркой, сенсационной информации автор использует мифологические аллюзии, в меньшей степени, библейские и литературные.

Каждый человек, знакомый с легендами и мифами Древней Греции, в состоянии определить их смысл, несмотря на свою национальную принадлежность. А это особенно важно для рекламного текста.

В некоторых случаях само наименование торговой марки является аллюзивным ИС и несет прямую смысловую нагрузку: название мюзик-холла в Нью-Йорке – Apollo Theater. Некоторые торговые марки используют возникающую связь с прецедентным ИС в рекламных роликах или логотипах (так, Pegasus Transportation использует в качестве логотипа образ крылатого коня).

В других случаях в рекламном сообщении используются индикаторы аллюзии, которые отсылают читателя к литературному источнику или феномену фоновых знаний.

Нельзя не начать с библейских аллюзий. Библия – очень «выгодный» текст с точки зрения рекламы, в силу ее широкой известности и того факта, что в англоязычном мире ее начинают изучать в детстве, а то, что прочитано в детстве, хорошо закрепляется в сознании человека.

“Farewell to the ugly cigarette. Smoke pretty Eve. Hello to Eve. The first truly feminine cigarette – it's almost as pretty as you are. With pretty filter tip. Pretty pack.

Rich, yet gentle flavor. Women have been feminine since Eve. Now cigarettes are feminine. Since Eve. Also with menthol".

Говоря о детстве, нельзя не упомянуть и общеизвестные сказки, также зачастую используемые в рекламе:

Рассмотрим пример: "Your client is a poor, rejected stepchild, whose best friends are dwarfs. Can you insure her against poisoned apples?" – Continental Insurance Co.

Название произведения не указывается, но очевидно, что сюжет известен в том числе и за пределами языковой общности.

Часто встречаются аллюзии на известные крылатые выражения, пословицы и поговорки. Их большое количество легко объяснимо: реклама направлена на самые разные социальные слои и должна быть понятна всем.

"Just what the doctor ordered." – L&M Cigarettes – аллюзия на известную крылатую фразу «То, что доктор прописал».

"While in Europe, pick up an ugly European." – Volkswagen. Здесь представлена аллюзия на пословицу While in Rome do as the Romans do.

"All that glitters is not Pabst." – Pabst Beer – "All that glitters is not gold" (Не все золото, что блестит).

Отдельно можно отметить аллюзии на устойчивые выражения:

"Prouder, Stronger, Better" (Morning in America), Ronald Reagan, 1984 – из выступления Рональда Рейгана. здесь мы видим отсылку на девиз Олимпийских игр.

Также встречаются отсылки на современное песенное творчество, преимущественно в сфере популярной музыки:

"Don't Worry – Be Huggies" рекламный слоган производителя подгузников Huggies, являющийся отсылкой на знаменитую песню Боба Марли.

Отдельно следует отметить аллюзии на другие товары в рекламе "Heineken. Refreshes the parts other beers cannot reach." – Heineken Brewery.

Здесь обыгрывается реклама зубных щеток, и за счет распознавания аллюзии возникает комический эффект.

Отдельного исследования заслуживает употребление в рекламе аллюзивных ИС. К сожалению, в рамках настоящего доклада представляется возможным привести лишь несколько примеров:

"Each Record a Masterpiece" – Van Dyke Records. Принцип механизма аллюзивного ИС такой же, как и у аллюзии, только отсылка происходит не на текстовый план, а на весь комплекс знаний потребителя о конкретном лице.

И еще один пример:

"Einstein's Theory of Relativity: give strangers the same price you give relatives" – Einstein-Moomju Carpets.

Представляется возможным выделить несколько функций использования аллюзии в рекламном тексте: добавление нового смысла, создание комического эффекта, и орнаментальная функция, служащая исключительно для создания «броского», красивого и запоминающегося наименования бренда (Hermes – название мыла, вебхостинговая компания Juno, Odyssey Records – звукозаписывающая компания).

При использовании в рекламном сообщении аллюзии, воздействие на потенциального потребителя начинается с процесса распознавания маркера. Если аллюзия замаскирована или она незначительна (она не появляется в цитатах, имеет привлекательную не аллюзивную интерпретацию и т.д.), потребитель может не понимать, что она присутствует.

Некоторые рекламисты могут использовать прием аллюзии для того, чтобы удовлетворить некоторых потребителей, которым доставляет удовольствие сам процесс распознавания аллюзий. Тем не менее, это вызывает риск того, что аллюзия может быть потеряна и настоящее значение будет хоть и правдоподобным, но слабым. Можно надеяться только на то, что аллюзия будет опознана позже, или ее поймет только определенный круг потенциальных потребителей. К тому же разнообразное количество источников для аллюзии затрудняет мгновенное распознавание используемых рекламистами маркеров. Это уже ведет к снижению эффективности рекламного сообщения. Поэтому чаще всего рекомендуется в качестве источников для аллюзии в рекламных текстах использовать общеизвестные литературные произведения, заслуженные шедевры искусства и т.д.

После распознавания маркеров аллюзии, в сознании потребителя происходит изменение первоначального понимания текста, активируются смежные с содержание рекламного текста идеи. После этого сообщение закрепляется в кратковременной памяти. Чем профессиональней была использована аллюзия, тем больше отпечаток в сознании, оставленный ей.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 413-423
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. – с. 217-238.
3. The Courier News [режим доступа: http://wcfcourier.com/special_sections/pulse/sloganomics/article_9066a435-6992-5ebe-ab2b-53d836fed093.html дата последнего обращения: 15.03.2017]

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ

Пестова В.В.

аспирант кафедры английской филологии
и современных средств обучения иностранным языкам,
Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Россия, г. Самара

Статья посвящена роли межкультурной коммуникации в переговорном процессе, изучение которой необходимо для дальнейшего использования при проводимом исследовании лингвокультурных особенностей языковых средств и речевых приемов в текстах выступлений участников международных переговоров в сфере аудита государственных финансов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультура, контекст, международный переговорный процесс.

По утверждению М.М. Бахтина, «соприкосновение с любым предметом культуры становится спрашиванием, т.е. диалогом». Он же отмечал, что диалог является способом взаимодействия сознания [2, с. 150]. Переговорный процесс на международном уровне – это диалог не только деловых людей определенной про-

фессиональной сферы или руководителей государств, это, прежде всего, диалог культур.

В основе международной коммуникации лежит информация, сформированная, исходя из культурно обусловленной картины мира индивидуума в соответствии с контекстом. При контакте культур существует опасность как недооценки, так и переоценки роли контекста в коммуникации [4, с. 52]. Э.Холл в своих работах различал внутренний контекст, который включает в себя прошлый опыт коммуниканта, запрограммированный в его сознании и нервной системе, и внешний, подразумевающий физическое окружение, социальные обстоятельства общения [7, с. 20].

Следует уделять особое внимание особенностям контекста при ведении деловых переговоров, так как даже незначительное искажение при переводе, неверная трактовка интонаций могут привести к нежелательным последствиям, поскольку результатами переговоров являются совместные решения, которые могут иметь большое экономическое и политическое значение.

В качестве яркого примера из истории переговоров можно привести встречу министра иностранных дел Ирака Тарика Азиза и государственного секретаря США Джеймса Бейкера в 1991 году. Попытка достичь компромисса и избежать войны закончилась полным провалом, так как слова госсекретаря США не были правильно расценены. Бейкер в ходе переговоров, используя исключительно вербальный канал коммуникации, ясно дал понять, что Соединенные Штаты атакуют Ирак, если он не выведет свои войска из Кувейта. Однако иракцы обратили основное внимание на спокойную интонацию Бейкера, а не на то, что он сказал. Речь идет об особенности людей на Среднем или Дальнем Востоке больше обращать внимание на невербальные параметры поведения. Кроме того, в арабской культуре принято выражаться прямо, т.е. акцентируя свои истинные намерения. Если бы госсекретарь США Бейкер учел культурные особенности общения, типичные для иракцев, то использовал бы для выражения своих мыслей более жесткий язык и некоторые невербальные приемы (выражение лица, жесты). Бейкер не выразил нужную степень решительности при передаче намерений Соединенных Штатов, и возможность мирного разрешения проблемы была упущена, поскольку ни одна из сторон не учла в достаточной степени кросс-культурные особенности взаимодействия. Присутствовавший на встрече брат Саддама Хусейна сообщил в Багдад, что «Американцы не будут нападать... Они спокойны. Они только говорят об этом». Шесть дней спустя Соединенные Штаты начали операцию «Буря в пустыне».

В художественном произведении Джеймса Олдриджа «Дипломат» подробно освещены трудности международного взаимодействия времен «холодной войны». Вот один из описанных моментов переговоров с советским лидером Сталиным: «...Эссекс забыл об интересах миссии, сейчас ему хотелось только одного: произвести впечатление на Сталина. Я буду вполне откровенен, – Наши переговоры с советским представителем относительно политических затруднений в Иране потерпели неудачу из-за расхождений в понимании одних и тех же терминов. Мы, к сожалению, не последовали завету Вольтера о том, что прежде надо условиться о терминологии, а потом уже спорить. И в результате нам не удалось договориться ни по одному пункту. У нас оказались совершенно различные представления о том, что такое суверенитет, пакт, оккупация, законные права, национальные интересы, самоопределение... И мы об этом чрезвычайно сожалеем, так как ситуация в Иране таит в себе угрозу дружественным отношениям между Советским Союзом и Великобританией» [6, с. 257]. В данный исторический период вопрос межкультурной

коммуникации стоял как никогда остро, так как существовало сформированное за долгие годы стереотипное представление о советской модели ведения переговоров, которая сама по себе вызывала сложности восприятия со стороны западных политиков и дипломатов.

Можно сделать вывод, что среди основных трудностей, возникающих в условиях межкультурной коммуникации, – неудачные попытки осмыслить чужую культуру через собственную концептосферу. Это происходит по причине того, что у представителей разных лингвокультур существует определенная специфика мышления и характер восприятия действительности [4, с. 50].

Очевидно, что процесс ведения переговоров в каждой стране отличают некоторые характерные черты, пренебрегать которыми нецелесообразно, учитывая задачи переговорного процесса в целом. В большинстве культур переговоры рассматривают как пролог долговременного сотрудничества, и обязательным является предварительный этап установления взаимопонимания, не преследующий конкретной переговорной цели. Следовательно, изучению подлежат не только лексические единицы конкретной профессиональной области, но и культурные особенности другой стороны переговоров.

В широком смысле в основе успешного международного взаимодействия лежит осознанная межкультурная коммуникация, которая, с одной стороны, требует неукоснительного соблюдения правил и норм, необходимых для успешного общения представителей разных лингвокультур, а с другой стороны, носит динамический характер и реагирует на процессы, происходящие вследствие всестороннего развития общества. Как говорил герой произведений Агаты Кристи Эркюль Пуаро: «В дипломатии не употребляют слово «нет», – вместо этого обычно говорят: этому вопросу будет уделено пристальное внимание...» [3, с. 140].

Можно предположить, что при ведении дискуссий собеседники, обладающие опытом межкультурного общения, грамотно и тщательно подходят к выбору коммуникативных средств, избегают частого использования культурно-специфических выражений, сленга, усеченных синтаксических конструкций. Однако слишком высокий уровень владения языком может ввести в заблуждение носителя лингвокультуры и спровоцировать обратный эффект.

Для обеспечения бесконфликтного речевого взаимодействия, которое и является основой дипломатических переговоров, необходимо учитывать не только специфику профессиональной сферы, ее лексикон, но и культурные особенности стран-участников, специфику межкультурного взаимодействия.

Во время Петербургского международного экономического форума 2017 года ведущая американского телеканала NBC Мегин Келли задала премьер-министру Индии Нарендру Моди вопрос, верит ли он словам Путина о том, что Москва не вмешивается на государственном уровне во внутренние дела других стран, на что премьер-министр ответил: «Вы говорите об Америке, Германии, России, Трампе, Хиллари Клинтон, канцлере Меркель. Вы говорите о таких лицах, мне кажется, что здесь не нужен такой судья или юрист, как я». Реакция российского президента последовала незамедлительно: «Не тут-то было, с индусами непросто. Древняя философия. Это мы люди простые, прямо отвечаем то, что думаем». Ответ с подчеркнутой иронией, однако, также затрагивает культурные особенности и манеру вести переговоры в разных странах.

Изучение коммуникативного поведения представителей других лингвокультур, их лингвосоциологических и культурологических особенностей способствует

приобщению к их картине мира, концептуальной системе, ценностным ориентирам, а также постепенному сокращению межкультурной дистанции с целью выработки оптимальной стратегии сотрудничества при общении на иностранном языке. Межкультурное взаимопонимание в условиях глобализации – безусловный фактор продуктивной коммуникации. Языковой барьер уже не представляется камнем преткновения межкультурного взаимодействия, так как границы мирового общения расширены, возможности по изучению иностранных языков и культур также почти безграничны.

В связи с вышеуказанным на сегодняшний день очень важно в процессе обучения иностранным языкам (особенно в рамках преподавания специальностей дипломатической направленности) необходимо уделять внимание основным лингвокультурологическим понятиям.

Межкультурное взаимопонимание может осложняться не только внешними факторами, но и внутренними, более глубинными, различиями. Столкновение культур – это, прежде всего, несовпадение устойчивых способов бытия, присущих любой культуре. Р. П. Мильруд отмечал, что даже при относительно высоком уровне владения языком, коммуникативные барьеры могут серьезно осложнить общение. Исходя из разнообразной природы коммуникативных барьеров, можно сделать вывод, что основанием коммуникативных неудач является не только язык [5, с. 127].

Успешное межкультурное взаимодействие предполагает сведение к минимуму воздействие таких факторов, как конфликт или столкновение культур, в ходе переговорного процесса. При решении стратегических задач в ходе переговоров важно достижение баланса между деловым общением и необходимым уровнем проникновения в чужую культуру, который позволит построить уже эффективное межкультурное взаимодействие.

В динамично развивающихся сферах бизнеса, финансов, экономики межкультурная коммуникация представляется особенно важной, так как на сегодняшний совместные дискуссии между государствами и международными организациями в данных областях деятельности общества уже вошли в прочную традицию.

Список литературы

1. Баранов А.В. Сражения, изменившие ход истории 1945-2004 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. URL: http://www.tinlib.ru/istorija/srazhenija_izmenivshie_hod_istorii_1945_2004/index.php (дата обращения: 26.05.2017).
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: 1979. С.150-152.
3. Кристи А. Кошка на голубятне. М.: Арт, 1992. С.176.
4. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. С. 50-60.
5. Мильруд Р. П. Символизация культуры в языке / Р. П. Мильруд // Научный диалог. – 2012. – № 10 : Педагогика. С. 127-151.
6. Олдридж Д. Дипломат. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1954. С. 257.
7. Hall Edward T. The Silent Language. New York: Doubleday, 1959.
8. Новостной портал «РИА Новости» [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/society/20170602/1495719337.html> (дата обращения: 20.06.2017).

ОСОБЕННОСТИ КОЛЯДНЫХ ПЕСЕН ПИНЧУКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА Д.Г. БУЛГАКОВСКОГО «ПИНЧУКИ»)¹

Седова О.В.

доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания,
канд. филол. наук, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Россия, г. Елец

В статье рассматриваются особенности колядных песен пинчуков на материале этнографического сборника священника, писателя и просветителя Д.Г. Булгаковского «Пинчуки», в который вошли народные песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья и суеверия жителей пинского Полесья. Д.Г. Булгаковский представил разные типы колядных песен пинчуков, среди которых особую группу составляют колядные песни, связанные с христианской тематикой праздника Рождества Христова.

Ключевые слова: Д.Г. Булгаковский, этнографический сборник «Пинчуки», колядные песни.

Колядные песни – это календарные обрядовые песни славян, исполняемые преимущественно в святочный период, во время колядования. В изучении этого фольклорного жанра внес большой вклад священник, писатель и просветитель Д.Г. Булгаковский, опубликовавший в 1890 г. этнографический сборник «Пинчуки», в который вошли народные песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья и суеверия обитателей пинского Полесья, сохранивших уникальный мир славянской старины.

По мнению Д.Г. Булгаковского, народные песни пинчуков служат выражением народного духа. Песня – это не просто «сочиненное словесное произведение, а как бы междометие, внезапно вырвавшееся из груди; это зеркало народной жизни, в котором отражаются понятия и чувствования народа при разных обстоятельствах жизни его» [1, с. 3]. Сравнение песни с междометием – очень выразительно. «Песня, – пишет Д.Г. Булгаковский, – самое безобидное и свободное словесное произведение для выражения того, что накипает на душе и что рвется наружу из груди» [1, с. 3]. Надежды девушки на замужество, невысказанная любовь, печаль и тоска замужней женщины, столкнувшейся с грубостью и непониманием мужа, жалобы невестки на свекровь и свекра, – все эти чувства выражаются в песне безбоязненно и свободно, «потому что поющий, давая волю своим чувствам, под покровом песни скрывает самого себя» [1, с. 3]. Песня, по мысли Д.Г. Булгаковского, является также важным свидетельством о «религиозном состоянии народа со всеми светлыми и мрачными обрядностями, о его умственном и всестороннем образовании, сохраняя даже образы одежды и жилища его» [1, с. 4].

Свой экскурс в мир народной песни Д.Г. Булгаковский начинает с колядных песен, распеваемых накануне праздника Рождества Христова. «При значительном жанровом многообразии текстов, включенных в колядный репертуар, общим для всех колядных песен является приуроченность к святочному периоду или конкретно – к обряду колядования, а по формальным признакам – наличие постоянного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Липецкой области в рамках проекта № 17-14-48001.

рефrena (коляды)» [2, с. 576]. Объясняя значение слова «Коляда», Д.Г. Булгаковский, прежде всего, информирует о том, какие мнения по данному вопросу существуют в науке. Одни исследователи утверждают, что «Коляда есть название языческого божества, другие производят от римских календ» [1, с. 4]. Сам же Д.Г. Булгаковский считает иначе: «Коляда – название праздника в честь Даждь-бога (бог солнца), потому что во 1) Коляду народ празднует в конце декабря, т. е. в то время, когда бывает поворот солнца от зимы к лету и во 2) в песнях, распеваемых в честь Коляды, предметом служат преимущественно засеянные поля, для которых прежде всего потребна теплота всеоживляющего солнца» [1, с. 4]. Д.Г. Булгаковский согласен с тем, что под именем Коляды подразумевается также вознаграждение, выдаваемое колядникам.

Д.Г. Булгаковский подробно описывает, каким образом происходит колядование у пинчуков. Для колядования собираются молодые люди с запевалой и скрипачом, шествующие в течение ночи от дома к дому. Возле каждого дома они останавливаются, просят позволения петь Коляду и в случае положительного ответа интересуются, какую песню желают услышать хозяева. Хозяин дома заказывает песню, исполняемую колядующими под окнами. В основном просят спеть одну песню, поскольку за каждую песню требуется большое вознаграждение: за одну песню – пирог, за две – два пирога, в богатых домах колядующие получают кроме пирогов, деньги, сало, колбасу, водку. Если в каком-нибудь доме хозяева спят, их будят громкими криками. В редких случаях колядующим не разрешают петь, ссылаясь на то, что Коляда уже здесь была, или, указывая другую причину отказа. Подобное поведение оставшимися без вознаграждения колядующими воспринимается как оскорбление, и они высмеивают такие дома.

Колядные песни пинчуков можно сгруппировать в зависимости от того, кому они обращены: Богу, хозяину дома, парням, девицам, бабе, волу.

В песнях, посвященных Богу, вспоминаются события из жизни Иисуса Христа и Божьей Матери, щедро раскрашенные богатой народной фантазией. В библейский сюжет искусно вплетаются наивные представления пинчуков. Очень трогательной представляется колядная песня, повествующая, как от горящей свечи падает искра и образуется криница, в которой Мать Божия купает Иисуса Христа. Во время купания приходят люди Ирода, чтобы забрать младенца. Но, хотя Дева Мария не успела его спрятать, они не видят Христа, и ищут Его в темных лесах, густых травах, великих скалах, синем море. Вымышенный сюжет, не находящий никакого подтверждения в Священном Писании, не мешает пинчукам по-детски верить в его истинность.

Столь же фантастичным является сюжет другой колядной песни, повествующей о том, при рождении имя Иисусу Христу было дано «по определению духовного собора, бывшего в Киеве». Из трех имен – святой Илия, святой Зосима и Иисус Христос, Сын Божий, предложенных иерархами, Богородице понравилось последнее. Анализируя этот поразительный сюжет, Д.Г. Булгаковский писал: «В этом народном веровании важно то, что Киев, как мать городов русских, пользуется в глазах народа преимуществом перед другими городами, а также видно, что название владыки, усвоенное православным иерархам, известно народу вместо польского имени бискуп; видно также, что ему известен сан архимандрита, которого совсем нет в католической церкви. Верование, что имя Христу было наречено православным собором, говорит о том, что народ считает православие старее и до-

стойнее других вероисповеданий, а знакомство его с названиями владыка, архимандрит проливает свет на то, что вера православная с ее духовной иерархией была издавна близка сердцу и языку полешука или пинчука, несмотря на страшный гнет, испытанный от католичества» [1, с. 10-11].

Главным предметом колядных песен, посвященных хозяину дома, являются хлебные поля. В этих песнях также проявляется наивное мировоззрение пинчуков, в котором причудливо переплелись христианские сюжеты с языческой образностью. То сам Бог с апостолами Петром и Павлом навещают пинчука, то св. Илья ходит по полям и лесам, способствуя урожайности и плодородию, то св. Николай, Петр и Павел сидят за накрытым столом во дворе, то хозяин дома встречает солнце, дождь и месяц в виде трех ангелов. Песни хозяину дома призваны принести благополучие и благосостояние тому, кому они предназначены. Примечательно, что хозяин дома во время колядования не забывает о своем главном помощнике – воле, в честь которого он заказывает поздравительную песню, в которой с большой любовью описывается и сам вол и предметы пахоты, и выражается надежда на хороший урожай.

В колядных песнях, посвященных парню, поэтически представлены важнейшие события, составляющие жизнь молодого человека: рекрутство, ратное дело, славное поведение на войне, возможный плен, томление в неволе, тоска по матери, по жене и по родине, охота, проявление храбрости молодецкой, завоевание невесты.

Основной предмет колядных песен, посвященных девице, – замужество, наряды и украшения. Девушка либо вьет себе венок из павлиньих перьев, либо в жемчужном венке и с золотым перстнем водит хоровод, либо хвалится своим умением рукодельничать, либо собирает золотую кору, из которой делает три золотых подарка к свадьбе. Среди колядных песен встречались и песни, посвященные бабе, их главная тема – воспитание внуков: «Тамъ стара бабка хлібъ разчиняла, своего внутика да колыхала» [1, с. 43-44].

Таким образом, Д.Г. Булгаковский в этнографическом сборнике «Пинчуки» представил и систематизировал разные виды колядных песен. При этом в колядном репертуаре пинчуков особую группу составляют колядные песни, связанные с христианской тематикой праздника Рождества Христова, что свидетельствует об огромной важности религии в жизни обитателей Пинского полесья.

Список литературы

1. Булгаковский Д., священник. Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. – 201 с.
2. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 2009. – 687 с.

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Сороченко Е.Н.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются сложные прилагательные в творчестве Ф.И.Тютчева, выявляются основные тематические группы лексем, с которыми сочетаются анализируемые единицы. Проводится анализ сложных прилагательных с точки зрения процесса восприятия.

Ключевые слова: сложные прилагательные, лексема, тематическая группа, значение, поэтический текст.

Важной приметой идиостиля Ф.И. Тютчева является большое количество сложных слов, в первую очередь прилагательных и наречий. Этот факт отмечали многие исследователи творчества поэта (А.Л. Волынский, Ю.Н. Тынянов, Л.В. Пумпянский и др.). И.И. Ковтунова называет обилие сложных слов «индивидуальной особенностью языка Тютчева» [2, с. 71]. В то же время исследователи отмечают, что в использовании сложных прилагательных на Тютчева оказала влияние поэтическая практика Державина и «такие прилагательные уже укоренились в русском языке и русской поэзии ко времени становления Тютчева как поэта» [1, с. 19].

Объектом нашего рассмотрения являются сложные прилагательные поэтических текстов Ф.И. Тютчева, пишущиеся через дефис: *бессмысленно-немой, царственно-прекрасный, младенчески-живой* и под.

Наличие дефиса в таких словах свидетельствует в ряде случаев о равноправии частей, которые их образуют. Например, *таинственно-волшебных дум* (тайных и волшебных), в то же время среди анализируемых прилагательных много таких, которые связаны с обозначением цветовых оттенков (*темно-брежущим (коврам); темно-лазурной (волной); тускло-рдяным (освещеньем); мглисто-золотою (волшебной былью)*) и др. Многие из рассматриваемых прилагательных построены на семантическом контрасте (*гордо-боязлив, лукаво-смирный взор, пророчески-слепой*) или, наоборот, содержат ассоциативно близкие слова (*тайственно-волшебных, болезненно-греховная (душа), неопытно-младые, грозно-боевые, младенчески-беспечный, кроваво-роковой, усыпительно-безмолвный, родственно-знакомый*).

Анализируемые прилагательные чаще всего используются как поэтические определения при словах таких тематических групп, как «части человеческого тела», «воздух и воздушные потоки», «небо и небесные объекты», «водные объекты», «времена года», «временные отрезки», «поэт и поэзия», «состояния и чувства человека», «живые существа». Рассмотрим примеры прилагательных, представленных в каждой группе:

1. Части человеческого тела:

- глаза («Люблю глаза твои, мой друг/ С игрой их пламенно-чудесной» [3, с. 231]);
 - вежды («На веждах томно-озаренных...» [3, с. 228]);
 - лицо («И из умильно-бледного лица...» [3, с. 137]);
 - члены («Неопытно-младые члены» [3, с. 215]).

2. Воздух и воздушные потоки:

- воздух («И легче и пустынно-чище/ Струя воздушная течет» [3, с. 243]);
- «голос» ветра («Что значит странный голос твой, /То глухо-жалобный, то шумно?» [3, с. 221]).

3. Небо и небесные объекты:

- небо («А небо так нетленно-чисто» [3, с. 223]);
- солнце («О черно-пламенное солнце» [3, с. 137]);
- созвездия («Как солнца пламенно-живые, / Они сияют нам в ночи» [4, с. 118]).

4. Водные объекты:

- Рейн («Грозоносящий вечно-юный Реин» [3, с. 144]);
- море («Как хорошо ты, о море ночное –/ Здесь лучезарно – там сизо-темно...» [4, с. 151]);
- волна («Дивно-пышная волна» [4, с. 40]; «Над волной темно-лазурной» [4, с. 41]).

5. Времена года:

- весна («Светла, блаженно-равнодушна / Как подобает божествам» [3, с. 258]);
- земля осенью («Над грустно-сиротеющей землею» [3, с. 189]).

6. Временные отрезки:

- вечер («Вечер пасмурно-багровый» [4, с. 41]);
- жизнь («И жизни божеско-всемирной...» [3, с. 259]);
- день («Из пышно-золотого дня...» [4, с. 21]; «С того блаженно-рокового дня...» [4, с. 162]; «В те дни кроваво-роковые» [4, с. 200]).

7. Поэт и поэзия:

- о поэте («смущен и гордо-боязлив» [3, с. 264]; «то своеенравно-весел, то угрюм» [3, с. 153]);
- о слове (Байрон) («...наделенный даром/ Неугасимо-пламенного слова» [3, с. 140]);
- дух (о Жуковском) («Но веял в нем дух чисто-голубиный» [4, с. 78]).

8. Состояния и чувства человека:

- любовь («Так мило-благодатна...» [4, с. 111]);
- сон («младенчески-беспечный» [3, с. 263]; «Болезненно-яркий, волшебно-немой» [3, с. 178]; «Твой сон – пророчески-неясный...» [4, с. 97]);
- сны и видения («Былые сны, потухшие виденья, / Мучительно-отрадные встают!» [3, с. 136]).

9. Живые существа:

- о голосе жаворонка («Гибкий, резвый, звучно-ясный...» [3, с. 225]);
- мотылек («Притворно-беспечный, он начал порхать» [3, с. 129]);
- морской конь («С бледно-зеленою гривой, / То смиренный, ласково-ручной, /То бешено-игривый!» [3, с. 199]).

Основная масса рассматриваемых слов представляет собой прилагательные, являющиеся результатом индивидуально-авторского восприятия мира и отражением такого восприятия в языке. По мнению И.И. Ковтуновой, в использовании таких определений проявляется «процесс в развитии поэзии, который исследователи литературы называют индивидуализацией лирики, то есть изображением конкретных, единичных и неповторимо-индивидуальных восприятий» [2, с. 71].

С точки зрения процесса восприятия, рассматриваемые прилагательные можно разделить на 2 группы:

1. Воспринимаемые органами зрения.

Пламенно-чудесная игра (о глазах), томно-озаренные (вежды), умильно-бледное (лицо), темно-брезжущие (ковры), пасмурно-багровый (вечер), пышно-золотой (день); черно-пламенное (солнце); с бледно-зеленою гривой (морской конь); темно-лазурной (волной); тускло-рдяное (освещенье) и др.

2. Воспринимаемые органами слуха.

Младенчески-живой (смех); глухо-жалобный (голос ветра); звучно-ясный (голос жаворонка); безумно-дикий (гвалт) и др.

И.И. Ковтунова считает, что «сложные слова в поэзии Тютчева (качественные прилагательные и наречия) чаще всего обозначают не привычный, традиционный и постоянный признак предмета или действия, но признак мгновенный и преходящий, увиденный в определенный момент времени» [2, с. 71].

Таким образом, сложные прилагательные, широко использующиеся в поэтических текстах Ф.И. Тютчева, позволяют создать новый, неожиданный, яркий поэтический образ. Являясь в большинстве своем эпитетами, они сочетаются с лексемами, входящими в такие тематические группы лексики, как «части человеческого тела», «воздух и воздушные потоки», «небо и небесные объекты», «водные объекты», «времена года», «временные отрезки», «поэт и поэзия», «состояния и чувства человека», «живые существа». С точки зрения процесса восприятия, рассматриваемые прилагательные можно разделить на две основные группы: 1) воспринимаемые органами зрения; 2) воспринимаемые органами слуха.

Список литературы

1. Галян С.В. Державинская традиция в лирике Ф.И. Тютчева Автореф. дисс... кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2014. 21 с.
2. Ковтунова И.И. Федор Тютчев // Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. М.: Азбуковник, 2003. С. 61-75.
3. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т.1. М.: ТЕРРА, 1994. 416 с.
4. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т.2. М.: ТЕРРА, 1994. 544 с.
5. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 38-51.

КАЗАХСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА С СЕМНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ «БОГАТСТВО»

Taутаева Г.Б.

заведующая кафедрой педагогики и методики начального обучения, канд. пед. наук,
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Казахстан, г. Шымкент

Ниетбайтеги К.А.

доцент кафедры педагогики и методики начального обучения, к.ф.н., доцент,
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Казахстан, г. Шымкент

В статье рассматриваются казахские личные имена, ономастическое значение которых связано с понятием богатство. Уделено внимание семантическим преобразованиям

содержания лексем при использовании их в качестве антропонима и связи этих языковых явлений с национально-самобытными представлениями народа.

Ключевые слова: семантика, система ценностей, антропоним, когнитивный опыт, интерпретация, переносно-расширительный смысл, лексикализация.

Проблема взаимосвязи языка и мышления, языка и «духа» народа, которую выдвинули немецкие филологи два столетия тому назад, остается актуальной и в наши дни. Уже ни у кого не вызывает сомнения утверждение о том, что язык не просто средство общения, но и выражатель народного мировосприятия, системы ценностей, обычая, традиций, менталитета. Семантика языковых единиц «формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры» [4, с. 30]. Интеллектуально-духовная и социальная жизнь этноса находит свое выражение в языке. Свообразие жизни общества составляет своеобразие его языка, «с помощью языковых средств происходит репрезентация человеком своих мыслей как результат познавательной деятельности, как отражения реальных предметов и явлений в сознании» [2, с. 196]. Когнитивный опыт человека, по Д.С. Лихачеву, соотносится со всем историческим опытом этноса и представляет собой совокупность концептов [3, с. 5]. Концептосфера казахского общества опирается прежде всего на номадизм, господствовавший в течение четырех тысячелетий. Основу жизнедеятельности в нем составляло скотоводство. Для кочевых казахов скот был мерилом всего. Тот, кто имел скот, жил в достатке. «Господство кочевого скотоводства как основной сферы материального производства народа, в которую вкладывался труд, находило свое отражение в его сознании. Одним из главных проявлений того, как отражался в сознании людей процесс их жизни, был культ скота» [5, с. 193]. В понятии казахов скот и богатство были неразделимы. Наличие скота свидетельствовало об обеспеченной жизни. В личных именах Малдыбай, Малдыкул, Койлыбай аффиксы –ды, –лы, имеющие значение ‘обладающий чем-либо’, усиливают ономастическое значение ‘быть богатым’: скотом (мал), овцами (кой). Это же значение содержится в ряде имен-композита (Туйебай (түйе ‘верблюд’), Сагыrbай (сагыр – древнетюркское ‘крупный рогатый скот’), Жылкыбай (жылкы – общее наименование лошади), в которых компонент бай ‘богат’ выступает в собственном значении.

Следует отметить, что этимология слова бай и онтогенез его семантики в лексике, в частности в антропонимии казахского языка, представляет интерес и заслуживает отдельного исследования. Мы остановимся лишь на кратком обзоре. В дореволюционное время слово бай использовался как социальный термин, им называли состоятельного человека. Позже бай как социальный термин перешел в историзм, а в антропонимах он десемантизировался и стал в одних случаях использоваться наряду с компонентами -бек, -хан в качестве элемента мужского имени (Заманбек, Айдарбек, Исламхан, Батырхан, Кобдабай, Жумабай), в других – сохранил смысл ‘богатый’, но не в значении ‘состоятельный человек’, а в контексте ‘богат чем-либо’ (Ақылбай (акыл ‘ум’), Дарынбай (дарын ‘талант’)). В казахской антропонимии немало имен с компонентом бай, выступающим в значении прилагательного ‘богатый’, и объем семантики этого компонента является преобладающим: Байбала (бала ‘дитя’), Байказак, Байжигит (жигит ‘джигит’), Байжомарт (жомарт ‘щедрый’), Байузак (узак ‘долгий’ – пожелание долголетия), Байторе (торе ‘господин’), Байкожа (кожа ‘хозяин’), Байгара (кара – в антропонимии ‘сильный человек’), Байбек, Байбатыр.

Пасты скот приучали с детства. В десятилетнем возрасте мальчикам доверяли выгонять на пастбища ягнят, козлят, в подростковом – овец, жеребят, в юноше-

ском – лошадей. Пасет скот тот, кто его имеет. Личные имена, включающие в свой состав причастную форму глагола пасти (багар, его синоним айдар) и форму повелительного наклонения (бак) подразумевают состоятельную жизнь: Малбагар (да будет пасти скот), Койбагар (да будет пасти овец), Тайбагар (да будет пасти жеребят), Жылкыайдар (да будет пасти лошадей), Козыбак (паси ягнят). Ту же ономастическую семантику имеют имена по деятельности: Койшыбай (койшы ‘пастух’), Жылкышы (жылкышы ‘табунщик’).

Символом благополучия, материального достатка являются также продукты животноводства: мясо и молочное. Их наименования в сочетании с компонентом бай ‘богат’ послужили мотивацией имен: Агыбай, Агымбай (ак ‘молочные продукты’), Суттибай (сүт ‘молоко’), Кымызбай (кымыз ‘кумыс’), Айранбай (айран ‘напиток из кислого молока’), Казыбай (казы – национальное блюдо из реберной части конины), Картабай (карта ‘деликатес из конины’), Согымбай (согым ‘запасы мяса на зимний период’).

Лексемы в основах ряда антропонимов понятия «богатство», «изобилие», «благо» передают непосредственно: Бай (богач), Байбол (будь богатым), Байболат (будет богатым), Байтұрсын (пусть будет состоятельный), Байтұр (будь состоятельный), Барлыбай (аффикс –лы выражает наличие того, что названо основой бар ‘имеется’ – переносное ‘состоятельный’), Байшылық (богатство), Баймиш (миш – древнетюркский аффикс наличия), Байтуган (рожден быть богатым), Байман (богатый человек), Байжан (богатая личность), Береке (благо). Антропонимы с компонентами ток, тойган ‘сытый’, табыс ‘доход’, ‘заработка’ содержат семантику ‘зажиточная жизнь’: Токмырза, Токжан, Токбике, Токбай, Токберген, Токмагамбет, Тойган, Тойганбай, Табысхан.

Основы некоторых антропонимов содержат лексикализированные выражения: Тугелбай <түгел бай болсын ‘пусть будет богатство дано сполна’, Байтас < байлығы тассын ‘пусть богатство льется через край’, Байкадам < кадам ‘шаг’ – переносное ‘пусть жизненный путь будет счастливым’, Байжол < жол ‘дорога’ – переносное ‘пусть жизнь будет обеспеченной’.

Вышеприведенные примеры антропонимов показывают, что семантика одних и тех же лексем в общей языковой картине мира и в антропонимии может быть интерпретирована по-разному.

Таким образом, казахские личные имена с семенным компонентом «богатство» включают наименования животных, продуктов животноводства, лексемы, которые непосредственно передают понятие богатство. Анализ их ономастического значения показывает, что имятворчество у казахов опирается на ментальность носителей языка. Чтобы понять мотивацию таких имен как Жылкыайдар, Агыбай, Байкадам, надо иметь представление о культурном компоненте семантики лексемы, на базе которого сформировался антропоним.

Как отметили исследователи, слово – носитель не только актуальной информации, передаваемой в повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую, экспрессивно-эмоциональную, оценочную информацию национального характера [1, с. 67]. Такая информация и составляет культурный компонент структуры семантики антропонимов.

В ряде рассмотренных антропонимов прослеживается ассоциативная связь с укладом жизни в прошлом, когда жизнедеятельность общества опиралась на скотоводство. В основе таких ассоциаций лежат традиционные, социально-исторически обусловленные осмысления реалий, представлений, понятий как национально-

самобытных, присущих только носителям данного языка. Мотивация имен, связанных со скотоводством, носителями казахского языка осознается имплицитно и связана с исторической памятью. Существенным в них является культурно-этнический компонент, определяющий их специфику. В современной антропонимии в большинстве случаев они встречаются в основах фамилий (Жылкышев, Ко-зыбаков, Тайбагаров).

Особенность лексико-семантического употребления слов в именах типа Байкадам в том, что они употребляются в переносно-расширительном смысле: слово кадам ‘шаг’ в личном имени используется в переносном значении ‘жизненный путь’.

Анализ рассмотренных примеров позволяет глубже раскрыть семантические ресурсы языковых единиц. При рассмотрении концепта, по Р.М.Фрумкиной, различают ядро и периферию [6, с. 4]. Ядро – это лексемы с закрепленными за ними в языке значениями, периферия – коннотации, ассоциации. Ономастическая семантика, тесно связанная с ядром концепта, вбирает в себя периферийное значение и актуализирует его. Для раскрытия ономастического значения антропонима надо владеть «культурно-языковой компетенцией» говорящего на данном языке.

Итак, личные имена с семным компонентом «богатство» казахской антропонимии включает онимы, представляющие собой вместилище знаний о менталитете, мировосприятии народа. Они национально-специфичны и национально-универсальны.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980. – 217 с.
2. Задорина В.Г. Человек и концептуальная картина мира // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ. – Казань, 2002. – С.195-197.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка// Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993, № 1, с.3-9.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 204 с.
5. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1971. – 634 с.
6. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. -1992. Серия 2. – № 3.- С. 3-29.

ПОЭТИКА ЖАНРА НОВЕЛЛЫ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)

Toшпулатов A.X.

преподаватель, Самаркандский государственный университет,
Узбекистан, г. Самарканд

В литературоведении очень часто путаются и не к месту употребляются термины «новелла» и «рассказ». Как писатели, так и критики используют их, не вникая в сущность этих понятий. Даже, порой, говоря о «Теленовелле», больше интересуются звучностью этого слова нежели его содержанием. На самом же деле, термин «теленовелла тележурналисты» целесообразно применить в отношении драматических произведений богатой на конфликты и сцены с усиленными драматическими действиями.

Ключевые слова: теленовелла, жанр, специфика, рассказы, термин, повести, драматизм.

Так, в предисловии к повести узбекского прозаика Уткира Хашимова «Дела мирские» читаем: «Это повесть состоит из маленьких новелл» [1, с. 7]. Примечательны также рассуждения литературоведа У.Норматова о цикле рассказов Абдулла Каххора «Сказки древности». Учёный оперирует термином новелла, говоря кратких рассказах: «...почти каждая озаглавленная глава повести представляет собой законченный рассказ, точнее, новеллу в духе трагедии» [2, с. 14]. В учебнике «Литературные роды и жанры» автор, анализируя произведения Абдуллы Кадыри «О чём говорит вспыльчивый Тошпулат?», «Из мемуаров Калвака Махсума», пишет: «...хотя они названы рассказами, на самом деле, состоят из цепи новелл; поэтому по принципам объективного изображения действительности они близки к жанру повести» [3, с. 61].

Применение термина «новелла» писателем У.Хашимовым в повести «Дела мирские» относится к завершённым, озаглавленным главам повести. По определению М.Кушжанова, под новеллой следует понимать произведение, построенное на основе ёмкого сюжета и имеющее неожиданную развязку. Например, в данной повести глава «Утешение» состоит всего лишь из одной страницы. Рассказ ведётся от имени повествователя. Изображение кладбища. Молитва могильщика, затем старец хвалит усопшую, чтобы как-то утешить убитого горем сына. Повествователь предаётся думам. Приводит мудрые изречения про матерей. Вспоминает пришедших на поминки друзей.

«Раньше знал одну истину. Для матери нет взрослых или маленьких детей. Сейчас осознал другую истину. Для ребёнка также не существует возраста матери. Мать – это мать. Другие характеристики неуместны». Этим произведение заканчивается.

В главе «Сон» ситуация повторяется. В этих двух «новеллах» мы не видим резких поворотов в сюжетной линии, неожиданные действия, драматизм. Как видно, автор называет их новеллами только из-за малого объёма.

Определению писателя вторит своим высказыванием критик О.Шарафиддинов: «Мать выступает в качестве главного персонажа, который объединяет с виду разрозненные новеллы и придаёт повести целостность» [4, с. 334].

Исходя из приведенного текста, можно заключить, что критик не является сторонником идентификации жанра новеллы по малому объёму, он употребляет этот термин во избежание повторов.

Таким образом, определение повести У.Хашимова как цепи новелл неправильно по содержанию и сущности этих понятий. Оно не соответствует канонам жанра новеллы выдвинутым литературоведением очень давно.

Взгляды У.Норматова о повести А. Каххора «Сказки древности» представляются здравыми и соответствуют теории структуры новеллы. Да, и в этом произведении озаглавленные главы имеют небольшой объём, но в них можно увидеть сарказм, чрезвычайно неожиданные концовки, трагические ноты, сильный драматизм, что очень близко к жанровой природе новеллы. Как отмечает А. Штейн: «В основе новеллы, так же как и в основе анекдота лежит момент случайности, внезапного и неожиданного поворота сюжета. Но это неожиданность, случайность играет различную роль в анекдоте» [5, с. 18]. Леонид Ленч будто даёт обоснование нашим мыслям в своей статье «Умелый новеллист»: «Трудно писать о смерти смешно, это может лишь Чехов и французы. У нас мало кто справится с этим.

А.Каххор же смог это» [6, с. 40]. Литературовед А.Аъзам дополняет мысли, переведённые выше: «Известно, что произведение «Сказки древности» написано в новеллистическом духе. Каждая новелла, являясь самостоятельной, в тоже время, дополняет, логически продолжает другую, вносит свою ленту в композиционную целостность всего произведение» [7, с. 20]. Такой подход можно применить ко всем озаглавленным главам.

В повести «Сказки древности» есть новелла «Кожура ломтика арбуза». Новелла выражает относительно законченную мысль. Заглавие продумано великолепно. «Эффект неожиданности» встречается часто. В ходы нормальной работы происходит несчастье «В результате рассеянности хозяина, которому следовало завязать хвостом задние ноги лошади во время ковки, лошадь лягнула и нанеслаувечье руке моего отца. Отец мой сорок дней не был в состоянии работать». Неожиданность. После этого сталкиваемся с «развитием неслыханных действий...», «интересными ситуациями».

Завтра придут вполне взрослые ребята. «Взяв ключ от висевшего замка, поставил на доску точильного аппарата, прочитав про себя заклинание, выдохнул на ключ. Ключ оживился, начал шевелиться. Все сказали: Ух! Кулала выдохнул снова. Ключ переместилось с поверхности доски на длину ладони, после этого он перемешался туда, куда указывал Кулала, приыхая: «Суф!». Слух об этом чуде разнёсся на всю махаллю, даже на соседнюю. Перемещение ключа Кулалой стали называть «открыванием замка с помощью заклинания».

«Если ученик такой, какой же наставник! Кулала остался в стороне, все начали взахлеб хвалить моего отца. Как бы ни пытался отвергнуть этот слух мой отец, люди всё больше верили в его святость». Неожиданность. «Невеста трёхлетней давности ещё ни разу не получила пощёчины от мужа». Выражение интересного обстоятельства.

Как видно из примеров, У.Норматов пошёл по правильному пути при определении жанра новеллы на примере повести А.Каххора «Сказки древности» их можно смело называть новеллами и другие главы повести.

В целом, будет ли логичным называть повестью или романом цикл рассказов, новелл? Куда денутся в таком случае особенности рассказа, новеллы, как «одно эпизодного, малого по объёму произведения», «законченный сюжет», «поднятие общечеловеческих идей в коротких эпизодах?» В повестях «Дела мирские», «Сказки древности», «О чём говорит вспыльчивый Тошпулат» есть моменты, когда переход на другой рассказ осуществляется без раскрытия характеров героев. События же не связаны между собой. Именно поэтому каноны отдельного жанра новеллы теряют свою значимость при таком подходе. Может не следует применять эти каноны, в тех случаях, когда слова «новелла» и «рассказ» употребляются не в литературоведческим, а бытовом контексте? Думается при использовании понятий роман, повесть, новелла следует исходить из теории названных жанров.

Список литературы

1. Хошимов У. «Дела мирские». Ташкент, 1993. – С. 7.
2. Норматов У. «Сказки древности». ЎзАС, 2000. – С. 14.
3. Литературные роды и жанры. Учебник. Т.: «Наука», 1991. – С. 61.
4. Шарафиддинов О. «Верность честности». Ташкент, 1989. – С. 334.
5. Штейн А., Бокаччо Д. «Декамерон». Художественной литературы. Москва, 1955. – С. 18.
6. Каххор А. «Умелый новеллист». Ташкент, 1987. – С. 40.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЖАРГОННЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Трубина О.Б.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Россия, г. Москва

В статье рассматриваются жаргонные языковые единицы как прецедентные для литературного дискурса. Процесс взаимодействия литературного и жаргонного дискурса в последнее время становится все активнее. При этом использование в речи прецедентных единиц ярко характеризует языковую личность, а прецедентные ссылки все чаще выступают в роли экспрессивных средств.

Ключевые слова: дискурс, жаргон, прецедентные единицы, языковая личность.

Многие исследователи отмечают, что в национальной языковой картине мира особую роль играют прецедентные единицы (феномены). Вслед за В.Н. Караполовым под прецедентными единицами мы понимаем феномены, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях; имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 261].

Безусловно, выбор прецедентных единиц и специфика их функционирования в языке во многом определяется социальным стратом, в котором они используются [1].

По сфере бытования прецедентные феномены, как известно, можно разделить на следующие типы: **социумно-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума; **национально-прецедентные** – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества; **универсально-прецедентные** – феномены, которые известны среднему современному человеку и, следовательно, входят в «универсальное» когнитивное пространство.

Необходимо заметить, что в рамках понятия «прецедентная языковая единица» многие исследователи выделяют прецедентное имя, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентный жанр [2, 5]. При этом необходимо уточнить, что прецедентный текст и прецедентная ситуация имеют особый статус: они не могут использоваться в речи, поскольку в когнитивной базе представителя того или иного лингвокультурного сообщества существуют в виде инварианта восприятия и являются единицами скорее когнитивного, а не лингвистического характера. Прецедентная языковая единица – это реминисценция от одного слова до текста.

Кроме того, важно подчеркнуть то, что отмечают многие исследователи: современная культура не склонна к текстопорождению. Тексты наполняются «разными по степени эксплицитности элементами и оценками чужих текстов», говорящий ориентируется на осмысление и компиляцию уже существующих речевых произведений. Именно по этой причине прецедентные единицы все активнее используются в коммуникации любого типа.

Литературный дискурс – сложное, многоуровневое образование, в которое входят несколько разных социумных когнитивных пространств. При этом социумные когнитивные пространства могут одновременно входить в несколько когнитивных баз (например, коллективное когнитивное пространство представителей одного профессионального сообщества, но различных национально-культурных сообществ). Важно, что границы между различными видами когнитивных пространств не являются жестко фиксированными: те или иные когнитивные элементы могут относиться одновременно ко всем коллективным когнитивным пространствам (социумному, нациальному универсальному) или принадлежать к одному или двум из них, а также могут переходить из одного в другое. Таким образом, с активной экспансией жаргонизмов разного типа в литературный дискурс заметно меняется его концептосфера.

Доказательной представляется концепция В.В. Красных, в которой совокупность прецедентных феноменов представлена как система, имеющая центр и периферию. К центру относятся прецедентные феномены, характеризующиеся высокой степенью известности, а к периферии – прецедентные феномены, отличающиеся меньшей степенью известности, имеющие определенные расхождения в инвариантах восприятия; относящиеся к числу тех, которые широко распространены лишь временно (цитаты из рекламы, из популярных шоу и телесериалов...) [4]. Границы между центром и периферией подвижны. Жаргонные прецедентные единицы относятся, безусловно, к периферийному типу, но некоторая их часть, активно используемая в рекламных и публицистических текстах, в языке СМИ, имеет явную «центrostремительную силу». Критерием вхождения жаргонных единиц в литературный дискурс является включение их в национальное и, что крайне редко, в универсальное когнитивное пространство.

Возможна также такая ситуация: из литературного дискурса языковая единица «попадает» в жаргонный дискурс, затем уже из него, в измененном или неизмененном виде, вновь входит в литературный. Например: *Когда моржса большой, чукча довольный. – У нас моржса всем моржам моржса! Твоя какую деньгу хотеть? Зеленую или вторую* (реклама) или *Это повкуснее пистолета!* (реклама). В первом случае обыгрывается текст анекдота и созвучие слов *морж* и *маржса*; во втором – фраза «Эта штука сильнее, чем Фауст Гете», сказанная И.В. Сталиным о сказке М. Горького «Девушка и смерть», и/или «Ах, злые языки страшнее пистолета» – фраза из комедии А. Грибоедова «Горе от ума».

При движении языковой единицы из жаргонного дискурса в литературный дискурс она может различным образом трансформироваться для достижения экспрессивно – эмоционального эффекта или для смягчения инвективного характера. Например: *навалились серые будни – ну и клик с ними. / Кто- кто... Квятко в пальто ...* (из диалога в телесериале «Женский доктор») / *нужно как собаке карман/ будет и на нашей улице селебрейшен.* В этих примерах один элемент устойчивого сочетания был заменен другим. Частотны также такие виды трансформации: перестановка элементов, расчленение, усечение, добавление элементов, контаминация нескольких единиц. При использовании жаргонной языковой единицы как прецедентной различными способами «маскируется» ее инвективный характер. Например, недопустимый для литературного дискурса элемент заменяется литературным, который подчеркнуто грамматически «не встраивается» в данное устойчивое выражение и/или создает логически абсурдное высказывание, что вызывает дополнительный экспрессивный эффект: *мне на вас все равно, он послал его на Бали.* В литературный дискурс из жаргонного дискурса в качестве прецедентного фено-

мена чаще всего входят такие единицы : **прецедентное высказывание** («Хотели как лучше – получилось как всегда», «Лучше водки хуже нет» (В.С. Черномырдин), «Денег нет, но вы там держитесь» (Д. Медведев), хотеть не вредно – вредно не хотеть/я в курсе – мать писала/ на автопилоте/ ты мне друг или балалайка/ не бином Ньютона/ берешь чужие – отдаешь свои (о деньгах, взятых в долг)/ "Всем всё до этой лампочки" (о проблемах охраны окружающей среды) (АиФ, 29.10.08) и др.); **прецедентное имя** (*Горби, Властелин колец, Пасечник, Мер в кепке, Лужкорлеоне* (о Ю. Лужкове), *Миша 2 %* (о М. Касьянове), Властелин тьмы (о А. Чубайсе), *паркетные мальчики, чикагские мальчики* (о команде Е. Гайдара); **прецедентный концепт** («*А те, кто интересуется СПС, – те пусть идут на сайт СПС, где есть устав, программа, и прочая фигня*» (И. Хакамада. «Профиль». 31.03.2003), «*Расторгайте всю эту вашу херовину, которую вы там назаключали*» (А. Лебедь), «*Закадри*» (реклама компании «Кодак»), а также: *беспредел, откат, заказать, стрелка, пацанский и др.*); реже – **прецедентная ситуация** (*А Матроскин обрадовался: – Нам лишили хозяйственный работник никогда не помешает. Мы тут забурели совсем в сельской местности, закисли, темпы теряем. Кругом люди фирмы открывают, лапти плетут для иностранцев. А мы ушами хлопаем. Нам нужны свежие силы.* (Э.Успенский. Трои из Простоквашино); **прецедентный жанр** (чаще всего, это жанр анекдота), **прецедентная языковая модель** («Би Лайн GSM» – он и в Африке «Би Лайн GSM», *У нас моржа всем моржам моржа!* и др.)

Слышкин Г.Г. в своей работе выделяет такие способы вхождения прецедентных единиц в дискурс: упоминание, прямую цитацию, квазицитацию, аллюзия, пародию и продолжение [6]. Наиболее актуальными способами для вхождения в литературный дискурс жаргонных прецедентных единиц являются **квазицитация** (воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своем дискурсе в умышленно измененном виде), **пародия и аллюзия** (соотнесение предмета коммуникации с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения большей его части). Упоминание, прямая цитация используются крайне редко, так как в этом случае прецедентная единица будет иметь слишком явную связь с жаргонным дискурсом, что не всегда соответствует интенции говорящего.

Жаргонные прецедентные единицы выполняют все присущие прецедентным феноменам функции: информативно-содержательную; оценочную; эстетическую (орнаментальную); игровую; персуазивную, парольную. При этом наиболее типичные функции для данных единиц оценочная; игровая, персуазивная и функция пароля.

Важно отметить, что отсылка к прецедентным текстам направлена не на обычную коммуникацию, она имеет явное прагматическое значение, проявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные ее культурным и интеллектуальным уровнем, мотивами, ситуационными интенциями, языковым вкусом.

Список литературы

1. Балашова Л.В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах. Политическая лингвистика.: Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 34-42.
2. Гудков Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1998. – Вып.4. Филология. – С. 41-58.
3. Карапулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

5. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. – 1997. – Сер. 9. Филология. – С. 24-32.

6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

СТАНДАРТЫ ПРОФЕССИИ «ЖУРНАЛИСТ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Федосеева Н.И., Кихтан Я.В.

магистранты, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье представлено классифицирование профессиональных ролей работников СМИ, которое позволяет создать типологию современных журналистов, поверяющую идеальной моделью. В статье сделан вывод о том, что выведение данной классификации важно не только с познавательной точки зрения, но и с научных позиций, предполагающих изучение и создание прогностических моделей прогрессивной журналистики и журналистской профессиограммы.

Ключевые слова: журналист, системный подход, стандарт, профессиональные роли, профессиональная деформация, прогностические модели прогрессивной журналистики и журналистская профессиограмма.

Профессия журналиста давно и плодотворно изучается российскими исследователями, и в отечественной научной литературе продолжают появляться работы, посвященные в том числе классифицированию профессиональных ролей работников СМИ. Цель новейших изысканий очевидна: стремясь навести осмысленный порядок явлений, вещей, понятий и др., можно и в практической деятельности применить точные классификации: ведь, выделив некий тип как «единицу расчленения изучаемой реальности», мы можем выявить специфику объекта исследования, определить его внутренние и внешние связи. В журналистской отрасли также важно представить научно обоснованную профессиограмму (от лат. *professio* – специальность + *gramma* – запись), т.е. систему признаков, описывающих ту или иную профессию, а также включающую в себя перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией или специальностью к работнику.

Поэтому мы решили, что классифицирование по существенным признакам и с применением системного подхода профессиональных ролей работников СМИ позволяет создать, например, типологию современных журналистов, поверяющую идеальной моделью, – например, системой профессиональных и этических стандартов. При этом важен как атрибутивный, так и интерпретативный подходы.

Первый подход, характеризующийся определением свойств, способствующих успеху в профессии, реализуется уже в вузе:

- университетская система журналистского образования нацелена на привитие определенных умений и навыков, основанных на базовых теоретических и специальных знаниях;
- особая компетентность гарантируется ФГОС;
- знакомство студентов с этическим кодексом позволяет обеспечивать профессиональную идентичность [2].

Второй подход, способствующий стимулированию профессионалов к высокому статусу и восходящей социальной мобильности, начинает реализовываться сначала в рамках учебных и производственных практик, а затем – в штатной редакционной деятельности:

– журналисты выполняют определенные служебные обязанности на благо общества;

– журналисты оформляют членство в профессиональных организациях.

Применив анализ информации, выделим существенные характеристики профессии журналиста, а также проблемы, с которыми неизбежно сталкивается специалист и условия реализации самообразовательного процесса и достижения конкретных результатов [2].

К сильным сторонам отнесем «востребованность обществом (уважение со стороны власти и романтический ореол в общественном мнении), опору на глубокую мировую и отечественную традицию, широкая информированность субъектов интеллектуальной деятельности, разносторонняя техническая и технологическая подготовленность, командный характер работы. Профессия журналиста позволяет почти каждодневно видеть результаты своего труда, и в ней одинаково успешно – при условии верно избранной специализации – работают и мужчины, и женщины» [3, с. 118].

«Среди слабых сторон: беглый, поверхностный подход к объектам изучения и отражения, зависимость от владельца, учредителя, издателя, властных структур, круглосуточную занятость, частые командировки, невысокая заработная плата» [3, с. 120].

Возможности: помочь другим людям, возможность видеть мир, встречаться со многими интересными людьми, получать новую (нередко эксклюзивную) информацию [3, с. 120].

«Угрозы: к внутренним угрозам относятся опасность физического или морального давления. К внешним угрозам отнесем следующие моменты: исключительность положения журналиста может порождать такие качества натуры, как завышенная самооценка, высокое самомнение, излишняя самоуверенность, фамильярность, бесцеремонность и т.п. Сама профессия постоянно нацеливает на негатив, что может порождать такие качества натуры, как критиканство, цинизм, равнодушие, небрежное – свысока – отношение к людям, их судьбам; открытость профессии, возможность любому физическому лицу учреждать СМИ привлекают массы дилетантов» [3, с. 123].

Профессиональные и личностные качества журналиста можно также оценить с точки зрения действия внутренних, внешних и субъективных факторов.

Внутренние факторы связаны с особенностью самой профессии, журналистского труда (производственно-творческого и индивидуально-коллективного). По сути – это те или иные врожденные или благоприобретенные способности человека, стремящегося стать подлинным профессионалом. К ним можно отнести: оперативность, аналитизм, объективность, сообразительность, находчивость, обаяние, умение прогнозировать, коммуникабельность, общительность, любознательность, инициативность, рациональность, трудолюбие (работоспособность, усидчивость), креативность, эрудированность, владение устным и письменным словом, умение вести полемику, поддерживать дискурс, умение работать в команде и по жесткому графику, потребность рассказывать, умение создавать оригинальный информационный продукт, следование профессиональным и этическим стандартам.

Внешние факторы влияют извне, и это – требования к знанию родного и иностранных языков, к универсальности (умение работать на разных платформах), к технической подготовленности (умение работать на компьютере, с фото-, аудио- и видеоаппаратурой, умение верстать, умение водить машину и т.д.), к правовой подготовке.

Субъективные факторы связаны с человеческими качествами специалиста, которые также можно развить в ходе воспитания и самовоспитания: гражданственность, пассионарность, ответственность, честь и достоинство, смелость, мужество, доброта, физическое здоровье

«Исходя из набора функций, присущих журналистике, можно выделить ряд профессиональных ролей: журналист-информационщик, журналист-аналитик/критик, журналист-пропагандист, журналист-развлекатель» [2, с. 237]. Применяя в качестве классификационного основания миссию журналистской профессии, можно выделить следующие ролевой ряд: журналист-гуманист, журналист-специалист, журналист-художник (литератор) [3]. Работа на различных каналах (платформах) требует от журналиста особого набора качеств, умений и навыков. В связи с тенденцией, называемой конвергенцией, в редакциях все более вос требованными становятся журналисты-универсалы, что не отменяет специализации: журналисты могут отдавать предпочтение тому или иному виду творчества – словесному, визуальному или словесно-визуальному. Отсюда и различия по характеру труда – творческому, техническому, комбинированному: корреспондент добывает, обрабатывает и транслирует информацию, редактор – редактирует и компонует информацию, бильдредактор – визуализирует информацию и т.д.

«Форма собственности (статусные отношения владельца, издателя, учредителя) также диктует особые журналистские роли: журналист общественных СМИ, журналист государственных СМИ, журналист частных СМИ, журналист СМИ смешанной формы собственности» [1, с. 113].

С годами журналист отдает предпочтение определенной специализации творческой деятельности, в частности, жанровой – репортерской, аналитической, образной (журналист-новостнойщик, журналист-аналитик, журналист-очеркист/эссеист/фельетонист).

В современной научной литературе также встречаются описания журналистских типов: идеалистов (гипотетический образ независимого журналиста), романтиков, авантюристов, предпринимателей, генераторов идей, свободных професси оналов и др. Это важно не только с чисто познавательной точки зрения, но и с научных позиций, предполагающих изучение существующей ситуации (явлений, тенденций) и создание прогностических моделей прогрессивной журналистики и журналистской профессиограммы.

Список литературы

1. Ким, М.Н. Жанры современной журналистики [Текст] / М.Н. Ким. – СПб: Изд-во Михайлова В.А. – 2004. – 350 с.
2. Максимов, А.М. Профессия – журналист [Текст]: учебное пособие / А.М. Максимов. – М: Калиновый бульвар. – 2011. – 256 с.
3. Самарцев, О.Р. Творческая деятельность журналиста: Очерки теории и практики [Текст]: учебное пособие / О.Р. Самарцев; под общ.ред. Я.Н. Засурского. М.– Академический Проект – 2007 – 528 с.

ВИДЫ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Хабусиева Т.Б.

старший преподаватель,

Грозненский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Грозный

В данной статье представлена информация о вспомогательных и управляющих предлогах. Разграничение сильного и слабого управления деления предлогов дается многими учеными-лингвистами по-разному. Формальным признаком предлогов является управления падежом. Наиболее приемлема классификация предлогов по их синтаксической роли на «управляющие» и «вспомогательные».

Ключевые слова: вспомогательные и управляющие предлоги, сильное и слабое управление предлогов, словосочетание, синтаксическая функция предлогов.

Служебные слова, выражающие зависимость существительных, числительных, местоимений от других слов, с которыми они сочетаются, именуются в русском языке предлогами.

Ученые-лингвисты рассматривают данную часть речи, как слова, выражающие отношения между предметами или между предметами и действиями и т.п. Передаются эти отношения за счет образования предложно-падежных форм (*к сестре, в парке, о театре* и др.).

Предлоги по своему грамматическому значению сопоставимы с падежными окончаниями, поэтому выступают вместе с ними в едином функциональном комплексе, образуя целостную по значению предложно-падежную конструкцию: помогают управлять зависимой формой в том случае, если главное слово в словосочетании предопределяет единственную возможную предложно-падежную форму. Значение предлога может быть иногда не четким, но полностью оно не исчезает. Следовательно, сохраняется и его влияние на значение словосочетания.

Если предлоги имеют лексическое значение, то не зависят ли падежи от предлогов? Мнения лингвистов по этому вопросу расходятся. Одни исследователи утверждают, что предлоги сами по себе требовать определенного падежа не могут [6, с. 706-713]. Роль предлогов в этой связи (т.е. в управлении) вспомогательная, уточняющая.

Выбор предлога и падежа имени в словосочетании мотивирует: а) семантикой главного слова; сравним: *вернуться из леса – идти в лес – стоять в лесу*; б) семантикой зависимого слова; сравним: *игра в шашки, шахматы, футбол* и т.д. – *игра на пианино, скрипке, флейте* и т.д.

Безусловно, сам по себе предлог управляющей силы не имеет, но вместе с окончанием существительного является грамматическим показателем связи предложно-падежной формы существительного с другими словами.

Предлоги помогают стержневому слову в словосочетании управлять другими словами. Признав за предлогом самостоятельную функцию в системе управления, мы должны считать словосочетанием и сочетание служебного слова самостоятельным, в то время как оно (сочетание предлога с самостоятельным словом) является лишь частью словосочетания.

Особенным разнообразием употребления и богатством грамматических значений отличаются предлоги: *по* с тремя падежами – вин., дат. и предл., *с* – с род.,

вин. и твор., *на* с двумя падежами – вин. и предл., *в* – с винительным и твор., *о* – с вин. и предл., *за* и *под* – с вин. и твор.

Ученые (Д. Н. Овсянико-Куликовский [4], К. С. Аксаков [1]) доказывают, что предлоги управляют косвенным падежом без всякого влияния со стороны господствующего слова. Предлог имеет значение в самом себе и из этого значения может вывести возможность употребления другим падежом. «Предлог, уже обнаруживая в себе силу глагола и управляя именами, стоит на рубеже двух миров слова и из сферы имени переносится в сферу глагола. Принадлежа и той и другой сфере, он действует в духе глагола в первой и в духе имени во второй. Именами он управляет и с глаголами сливается» [1, с. 129].

Существует еще одна точка зрения по этому вопросу: предлог в одних случаях управляет падежом имени, когда стержневое слово в словосочетании не требует обязательной, единственной возможной предложно-падежной формы. В других случаях предлог, примыкающий к управляющему слову (*надеяться на успех*), помогает управлять падежом имени главному слову. Эта точка зрения восходит к пониманию синтаксической функции предлога А. Х. Востоковым, который делил предлоги на управляющие падежами и вспомогательные [3, с. 180-217].

Следует различать предлоги, являющиеся посредниками управления, т.е. лишь мотивированной употребления того или иного падежа. Предлоги, имея ярко выраженное лексическое значение, управляют самостоятельно, без помощи других слов. Вспомогательными предлоги являются при сильном управлении, но а сами предлоги могут управлять падежом имени только при слабом управлении и именном примыкании. В. В. Виноградов отмечал, что иногда «предлоги сохраняют всю яркость своего лексического значения и даже нередко образуют в сочетаниях с существительными обособленную синтагму, которая обнаруживает известную самостоятельность и только примыкает к другим членам предложения» [2, с. 555-575]. Эта способность предлогов отмечается и в «Грамматике русского языка»: «Соответствующие формы косвенных падежей с предлогом зависят не столько от глаголов, которые им управляют, сколько от самих предлогов конкретно-пространственного значения» [6].

Таким образом, в языке существуют несколько точек зрения ученых-лингвистов по этому вопросу. Одни ученые утверждают, что предлоги помогают главному слову в словосочетании управлять именем; другие ученые доказывают, что предлоги сами управляют падежом имени; третьи делят предлоги на два типа – управляющие и вспомогательные. Наиболее убедительным представляется мнение третьей группы ученых, т. е. деление предлогов на управляющие и вспомогательные.

Предлоги в роли «посредников управления» выступают в том случае, если главное слово в словосочетании требует после себя определенной, единственной возможной предложно-падежной конструкции. А это возможно только при сильном управлении.

При разграничении сильного и слабого управления мы придерживаемся точки зрения составителей «Грамматики русского языка» 1970 года: «Сильное управление – это такая связь, при которой в случае неабсолютивного управления управляющего слова, его категориальными свойствами предопределено регулярное появление при нем строго определенной формы. Слабое управление – такая связь, при которой наличие управляемого имени не предопределено категориальными свойствами управляющего слова как регулярное в случае его неабсолютивного управления» [6].

В глагольных предложных словосочетаниях при сильном управлении управляемая форма предопределена по «Грамматике русского языка» в следующих случаях – предлог дублирует приставку; семантика глагола требует после себя определенной предложно-падежной формы.

Рассмотрим по падежам примеры, в которых предлог дублирует приставку. Это тот самый случай, когда принято говорить о грамматизации предлогов.

В родительном падеже наблюдается соответствие между предлогами и приставками: *от... – от*, *до... – до*, *с... – с*, *вы... – из*, *о... – вокруг* и др.:

до... – образует глаголы со значением доведения действия до какого-нибудь предела; *до* – употребляется для указания на предел чего-нибудь: *дойти до дороги*;

с... – образует глаголы со значением движения сверху вниз; *с* – употребляется при обозначении места, предмета, от которого удаляется, отходить от чего-нибудь: *съехать с горы*;

от... – удаление, устранение чего-нибудь, движение в сторону; *от* – указывает на что-то удаляемое: *отойти от стола*.

В следующих примерах предлог и приставка совпадают по семантике, отличаясь фонетическим обликом:

о... – образует глаголы со значением действия, которое распространяется на всю поверхность предмета, охватывает его кругом; *вокруг* – кругом чего-нибудь: *обежать вокруг дома*;

вы... – движение изнутри; *из* – направление действия откуда-нибудь, источник, место, откуда исходит что-нибудь: *выйти из дома*.

В дательном падеже – смысловое соответствие между предлогами и приставками: *при... – к*, *под... – к*:

при... – образует глаголы со значением добавления, добавления, сближения сцепления; *к* – обозначает включение, во что-нибудь: *примкнуть к друзьям*;

под... – образует глаголы со значением приближения к чему-нибудь; *к* – обозначает направление в сторону чего-нибудь: *подбежать к сестре*.

Винительный падеж – соответствие между приставками и предлогами: *на... – на*, *под... – под*, *о... – о* и семантическое соответствие между *про... – через* и др.:

под... – образует глаголы со значением приближения к чему-нибудь; *к* – обозначает направление в сторону чего-нибудь: *подбежать к сестре*;

на... – образует глаголы со значением направленности действия на что-то; *на* – обозначает поверхность куда направляется действие: *наехать на столб*;

под... – образует глаголы со значением повторения какого-нибудь действия вслед за другим; *под* – в виде чего-нибудь, похоже на что-нибудь: *подделываться под учителя*;

о... – образует глаголы со значением действия, которое распространяется на поверхность предмета; *о* – указывает на близкое соприкосновение с чем-нибудь: *опереться о стол*;

про... – образует глаголы со значением действия, направленного сквозь, через что-то; *через* – сквозь что-то: *проехать через линию*.

В творительном падеже предлоги совпадают: *перед... – перед*, *над... – над*:

перед... – образует глаголы со значением впереди от лицевой стороны; *перед* – в некотором расстоянии от лицевой стороны чего-нибудь, напротив кого: *предстать перед судом*;

над... – образует глаголы со значением увеличения чего-нибудь; *над* – пребывание, нахождение чего-нибудь поверх, выше чего-нибудь: *надстроить над лестницей*.

Мы привели перечень (хотя и далеко не полный) словосочетаний, где приставка и предлог совпадают по семантике или по семантике и фонетическому звучанию. Важной особенностью этих приставочных глаголов является то, что они требуют после себя единственной возможной предложно-падежной формы: *следить за сотрудником, получилось из теста, избавиться от мыслей* и другие. В этих словосочетаниях употребление зависимой предложно-падежной формы обусловлено лексико-грамматическим значением господствующего слова. Роль предлога вспомогательная.

Точно так же требуют обязательного распространения и главные слова словосочетаний второй группы из-за своей информативной недостаточности. Значения стержневых слов и первой, и второй группы словосочетаний реализуются только с помощью этой предложно-падежной конструкции (*сойти + за +; взяться + за; прибегнуть + к; нуждаться + в*). В таких типах словосочетаний роль предлогов в системе управления вспомогательная, так как предлог предопределяет главное слово в словосочетании.

Предлоги могут управлять падежами в том случае, если связь между компонентами глагольного словосочетания слабая: *лежать под кустом, играть за углом, прятаться в доме, говорить с подругой, приехать до вечера*.

Стержневые слова в приведенных словосочетаниях требуют своего распространения, но не указывают единственную возможную форму. Значение таких главных слов может реализоваться в нескольких конструкциях: *лежать под (чем?) кустом, лежать у (чего?) куста, лежать через (что?) куст; играть за (чем?) углом, играть у (чего?) угла, играть в (чем?) углу; прятаться в (чем?) доме, прятаться около (чего?) дома, прятаться за (чем?) домом, прятаться в (что?) дом; говорить с (кем?) подругой, говорить за (кого?) подругу, говорить о (ком?) подруге*. Форма стержневого слова одна и та же. Для реализации его значения возможно несколько конструкций, в которых управляет падежом не главное слово, а предлог.

Существует еще другой тип предложного управления, когда предлог управляет падежом без всякого влияния со стороны стержневого слова. Эти словосочетания с примыкающей связью: *дом за рекой, дорога возле школы, дети перед школой, деревья за полем, густой на лбу чуб, далеко за лесом*. В данном случае управляет не главное слово, а предлог.

Итак, предлоги по выполняемой ими синтаксической функции в словосочетании делятся на управляющие падежам и помогающие управлять главным словом в словосочетании.

Таким образом, наиболее приемлемой кажется классификация предлогов по их синтаксической роли на управляющие и вспомогательные. Но, когда говорится о предложном управлении, надо учитывать ряд особенностей, отличающих предлоги от самостоятельных слов. Именно эти особенности и не дают нам право выделять сочетание имени и предлога как словосочетание.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики. – Полн. собр. соч. по русской грамматике, т. 1-2. С. 299-300.
2. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
3. Востоков А.Х. Русская грамматика. – Спб., 1859. С. 180-217.
4. Овсяников-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. – СПб.: Издание Жуковского, 1902. 312 с.

5. Русская грамматика Т. 1. М.: Наука, 1970. 1780 с.
6. Русская грамматика Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА)

Шагурина Я.А.

магистрант, Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются национально-культурная коннотация и особенности коннотативного аспекта в художественном тексте. Также в данной работе представлены элементы коннотативного потенциала фразеологических единиц. В рамках статьи приводится анализ фразеологических единиц в баснях И.А. Крылова с целью выявления национально-культурных коннотаций и средств, которые используются для передачи коннотативных значений лексем.

Ключевые слова: коннотация, художественный текст, национально-культурная коннотация, фразеологизмы, русская басня.

Коннотация – это языковая универсалия, формы проявления которой зависят от значимых единиц и принципов организации текста, а содержание зависит от типа отношений к обозначаемому (оценочного, стилистического, эмотивного) и от культурно-национального мировидения людей, которые говорят на данном языке.

Само понятие коннотации включает в себя элементы семантики, сопутствующие основному значению языковой единицы, которое включает в себя дополнительные эмоциональные, экспрессивные и стилистические характеристики, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка.

В.Н. Телия определяет коннотативный аспект как «стилистическую окраску фразеологических единиц, их эмоционально-экспрессивную сторону, то есть отношение носителя языка к внеязыковым сущностям, или усиление эффективности языкового воздействия, лишенного оценочного элемента» [4, с. 98].

Охарактеризуем более подробно элементы коннотативного потенциала фразеологизмов.

Эмоциональные или оценочные оттенки высказывания – это разновидность прагматической информации, которая отражает не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним и отображает культурные традиции общества.

Некоторые лингвисты выделяют три типа оценочных компонента фразеологического значения: положительный, отрицательный и нейтральный. В их основе лежат одобрение, осуждение или отсутствие ярко выраженного одобрения или осуждения как проявление социально устоявшейся оценки какого-либо явления.

Эмоциональный компонент коннотативного значения не только выражает отношение к предмету, но и передает разнообразную гамму чувств: от недовольства до радости. При этом из-за наличия оценочного компонента значительно осложняется эмоциональный компонент коннотативного значения. Стоит отметить, что оценочный компонент является обязательным для всех фразеологических единиц, потому что он обладает социолингвистической природой.

Если компоненты фразеологических единиц не имеют оценочных сем в своих значениях, то оценочный образ создается в результате взаимодействия всех компонентов фразеоглизмов и воспринимается как единое целое. Содержание оценки может быть не только интеллектуальным, но и интеллектуально-эмотивным. Выражение объективно-субъективного отношения говорящего к фактам действительности называется эмотивной оценкой. Стоит отметить также такое понятие, как оценочная модальность. Оценочная модальность – это связь, которая устанавливается между ценностной ориентацией говорящего или слушающего и обозначенной реалией, которая оценивается положительно или отрицательно, например, по эмоциональному или этическому основанию, в соответствии со «стандартом» положения дел в какой-либо картине мира, лежащей в основе норм данных оценок [4, с. 23]. Например, «гордый, как павлин» – *as proud as a peacock*.

По структуре оценка представляет собой модальную рамку, с имплицитным или эксплицитным субъектом оценки, который обозначает лицо или социум, с точки зрения которого и дается оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент и «точку отсчета», которая включает шкалу оценок и оценочные стереотипы.

Второй компонент коннотата, **экспрессивность**, в лингвистике определяется неоднозначно. Наиболее распространенное определение экспрессивности как выразительности, которая непосредственно связана со смысловым содержанием. Таким образом, активное значение языковых единиц и их воздействующую роль в языке усиливают экспрессивные средства [3, с. 198].

В связи с коннотацией книжных слов, которая связана со всеми экспрессивно-прагматическими аспектами текста, в самом тексте возникает субъективная модальность. С помощью обыгрывания ассоциативных значений коннотация книжных слов способна выполнять текстообразующую функцию.

В настоящий момент также принято выделять такую функцию лексического значения как коннотативно-культурологическая. Содержание данной функции – это отношение, которое существует между образно-мотивированной формой языковых единиц и включенной в нее культурно значимой ассоциации. В.Н. Телия выделяет эту функцию в связи с пониманием фразеоглизмов как «народных стереотипов». «Фразеоглизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которая отражает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [5, с. 13].

Для обозначения этого компонента фразеологической семантики В.Н. Телия ввела в научный оборот термин *культурная коннотация*, которая понимается исследователем как национально-культурный компонент значения фразеоглизма, то есть «интерпретация семантики фразеологических единиц в категориях именно культуры. Каждый компонент коннотации фразеоглизмов сообщает дополнительную информацию национально-культурного характера. Они тесно связаны с эмотивным и оценочным, экспрессивным, стилистическим микрокомпонентами семантики фразеологических единиц». По мнению В.Н. Телия, связь культуры и фразеологии осуществляется через культурную коннотацию, которая возникает в результате интерпретации образного основания путем соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами [4, с. 57].

Национально-культурная специфика фразеологического состава языка – традиционная тема исследований в области фразеологии в последнее время. В своих работах В.А. Маслова обращает особое внимание на довольно тесную связь фра-

зеологизмов с фоновыми знаниями носителя языка и культурно-историческими традициями народа, который говорит на данном языке. Таким образом, с помощью фразеологических единиц объектам приписываются признаки, которые ассоциируются с определенной картиной мира, выражают свое отношение к ним и дают им свою оценку.

Проблемы коннотации устойчивых выражений могут быть обусловлены тем, что грамматические формы слов и грамматические связи единиц в подавляющем большинстве фразеологических сращений (идиом) уже не могут быть объяснены с точки зрения современного русского языка и потому воспринимаются как грамматические архаизмы. Архаизация компонентов сращений приводит к тому, что современному читателю басен может быть непонятен тот образ, который первоначально лег в основу такого фразеологизма. В таких случаях важно передать их значения в комплексе с коннотацией, а именно с эмоциональной и стилистической окрашенностью.

Например, в басне «Чиж и голубь» И.А. Крылова употреблен фразеологизм «среди бела дня» в значении: днем, в светлое время суток, на глазах у всех.

«...Не стыдно ль», говорит: **«средь бела дня**

Попался!

Не провели бы так меня:

За это я ручаюсь смело...».

Данный фразеологизм является крылатым выражением. «Бела» – старая форма родительного падежа краткого (именного) прилагательного *бел* (*белый*). Устаревшие грамматические формы и немотивированные синтаксические связи поддерживают лексическую неделимость оборота. Возможны варианты написания фразеологизма: Среди (средь/середь) бела (белого) дня.

В басне «Белка» И.А. Крылов употребляет фразеологизм «скалить зубы»:

«...А Белочка моя нередко голодает

И скалит перед Львом зубки свои сквозь слёз...».

Фразеологизм «скалить зубы» является многозначным, то есть имеет более одного значения: скалить зубы – 1. сердиться, злиться, выражать свое раздражение чьим-то поведением; 2. насмехаться, смеяться на чем-либо. Данный фразеологизм относится к фразеологическим сочетаниям, для которых мотивированность несущественна. Это образная идиома. У данной фразеологической единицы сохранилась живая внутренняя форма с мотивированным значением и отрицательной оценкой. В русском языке зубы выступают, как символ агрессии при нападении или защите.

Национальная специфика фразеологизма может отражать историю народа, своеобразные традиции, обычай, его характер, которые изначально заложены в его прототипе. Но роль национально-культурного аспекта во фразеологической картине мира не стоит преувеличивать, так как, например, в системах фразеологии русского и английских языков присутствует значительное количество интернационализмов и фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. В.А. Маслова считает, что отличие в их образной системе можно объяснить «не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках» [2, с. 72], которая выступает источником коннотации, усиливающейся в художественном тексте.

Список литературы

1. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945-1946. Т. 3, 102-103, 178-179 с.

2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
5. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. 314 с.

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Шайнер И.И.

ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украина, г. Львов

В этой статье выполнен обзор научной литературы и определены основные составляющие лексико-семантической структуры современного художественного прозаического текста на военную тематику (на примере британских произведений).

Ключевые слова: постмодернизм, лексико-семантическое пространство, историографическая металитература, пастиш, метафора, аллюзия.

ВІЙСЬКОВА ТЕМАТИКА У ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОМУ ПРОСТОРІ СУЧASNOGO РОМАNU

Шайнер I.I.

асистент кафедри іноземних мов для гуманітарних факультетів,
Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна, м. Львів

У цій статті здійснено огляд наукової літератури та визначено основні складники лексико-семантичної структури сучасного художнього прозового тексту на військову тематику (на прикладі британських творів).

Ключові слова: постмодернізм, лексико-семантичний простір, історіографічна металітература, пастиш, метафора, аллюзія.

Постановка проблеми. На сучасному етапі розвитку британська література становить самобутнє явище, в якому переважають постмодерністські тенденції. Для британського художнього прозового тексту сучасності характерні такі прийоми поетики: фрагментарність, монтажність, багаторівнева організація тексту, інтертекстуальність, гра, іронія, пастиш, метафікція. Лексико-семантичну структуру художнього прозового тексту постмодернізму досліджували такі науковці: А. Мессі (1990), А. Фоккема (1991), М. Горра (1997), М. Бредбері (2001), Д. Малкольм (2002), Дж. Ліндас (2013), І. А. Бехта (2010), Н. М. Влох (2004). Військову тематику у прозових текстах порушували, зокрема, Р. Хевісон (1988), Б. Бергонзі (1993), Д. Дж. Тейлор (1993), А. Піэтте (1995), А. К. Сміт (2000), А. Барлоу (2000), Г. Сарма (2001), Е. Х. Кейтер (2016), Т. Качак (2015). Проте сучасний британський роман ХХІ століття та військова тематика, яка проявляється в

ньому на різних рівнях (від мікро- до макровкраплень), досі недостатньо досліджено в науковій літературі.

Актуальність теми. З другої половини ХХ сторіччя і донині (зокрема в контексті сьогоднішніх подій у світі) війна є популярною темою для художніх творів, зокрема прозового жанру. Тому надзвичайно актуальним у наш час є вивчення лексико-семантичної структурації літературно-художнього твору великої епічної форми на військову тематику з позицій прагмадискурсної й антропоцентричної парадигми сучасних лінгвістичних досліджень.

Мета статті – дослідити особливості лексико-семантичного простору постмодерністського роману на військову тематику.

Постмодерністський роман кінця ХХ – початку ХХІ століття органічно виростає з філософського модерністського роману (що представлено у творчості А. Мерлок, Дж. Фаулза, А. Мак'юена, П. Акройда, Дж. Барнса). Тож особливістю британського сучасного роману стає філософічність, а також опора на літературну традицію. Чіткою рисою англійського постмодернізму є значна увага до історії, минулого, причому і своєї країни, і людства загалом. Саме тому сучасні автори часто заторкують тему війни.

Відколи існує війна, відтоді письменники намагаються зрозуміти її, перенести жахіття з поля бою у наратив. Навіть зараз, у ХХІ сторіччі, історія посідає одне з головних місць в англійській літературі. Звісно, такі актуальні теми, як глобальне потепління та міжнародні конфлікти (зокрема війна в Іраку), привернули увагу письменників, проте нинішні автори дедалі більше склонні оглядатись назад, у минуле. Наприклад, Д. Мітчелл у своїй книзі «Cloud Atlas» (2004) використовує характерну для ХХІ століття імітацію попередніх літературних стилів та засобів [28]. Популярним стає прийом пастишу. Визначальною характеристикою сучасного британського роману є його багатозначна сутність. Завдяки своїй гнучкості художній твір тепер може поєднувати досвід різних соціальних класів, родів, національностей та літературних проектів – від реалізму до експерименталізму [11, с. 19].

Новітні британські художні прозові тексти на військову тематику можна узагальнено поділити на три основні групи: твори з провідною темою війни; частково про війну; з мікровкрапленнями військової тематики. До першої групи належать твори, які зосереджені передусім на жахіттях війни, Голокості, концтаборах, людських долях, зламаних війною (Дж. Бойн «The Boy in the Striped Pyjamas» (2006), «The Boy at the Top of the Mountain» (2015), А. С. Баєтт «The Children's Book» (2009), Дж. Мойес «The Girl You Left Behind» (2012) та інші). Друга група творів тільки частково зображує проблему війни і великою мірою являє собою поєдання різних жанрів, як-от історичного, філософського (І. Мак'юен «Atonement» (2001)), соціально-психологічного, соціально-побутового, фантастичного (К. Ішігуро «The Buried Giant» (2015)) з воєнним романом. Часто в них наявний ретроспективний елемент – спогади про прожите, про війну і людей, які в ній загинули (С. Фолкс «Where my Heart Used to Beat» (2015), Л. Уолтерс «Mrs Sinclair's Suitcase» (2014), К. Аткінсон «A God in Ruins» (2014–2015)). Несерйозність та іронічність, властиві постмодернізму, знаходимо в романі «Atonement»: “*'What I did was terrible. I don't expect you to forgive me. [Cecilia:] 'Don't worry about that,' she said soothingly, and in the second or two during which she drew deeply on her cigarette, Briony flinched as her hopes lifted unreal. 'Don't worry,' her sister resumed. 'I won't ever forgive you'*” [21, с. 261]. Також для цього твору характерна орієнтованість на історіографічну металітературу, відносність, багатозначність, наявність кількох поглядів на одну подію. Часто сучасні автори вдаються до прийому опису, наприклад, опис життя в

Лондоні під час Другої світової війни (А. Леві «Small Island» (2004)). Художні твори з мікроверпленнями військової тематики зосереджуються на інших темах, зокрема стосунків між людьми (С. Таунсенд «Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction» (2004)); дитинства; минулого та сміливості подивитись йому у вічі (Дж. Харріс «Five Quarters of the Orange» (2001)). Згадки про війну, разом з іншими, основними темами твору, показують, як війна проникає в наше життя, є незримо присутньою в ньому: *“Food was her nostalgia, her celebration, its nurture and preparation the sole outlet for her creativity. The first page is given to my father’s death – the ribbon of his Légion d’Honneur pasted thickly to the paper beneath a blurry photograph and a neat recipe for black-wheat pancakes – and carries a kind of gruesome humour”* [17, с. 14]. Для цих творів характерна велика кількість метафор. Твір Д. Мітчелла «Cloud Atlas» (2004) є надзвичайно символічним, що простежується навіть у його назві.

Постмодерністський світогляд визначив використання таких лексичних стилістичних засобів, як іронія, алюзії, цитати, епіграми, метафори, метонімія, порівняння. Їх використання у творі має створювати певний ефект на читача. Сучасний текст орієнтований на інтелектуального читача, який зможе читати між рядками та зуміє побачити приховані ідеї і мотиви. Отож, лексико-семантичний простір сучасного британського роману на військову тематику схематично можна подати так:

Тематика:

жахіття війни, Голокост, концтабори, зламані людські долі, кохання, самотність, дипинство

Лексичний рівень:

пастиш, ретроспекція, описи, іронія, алюзії, цитати, метафори, метонімія, порівняння, символи

Семантичний рівень:

спустошливий вплив війни на повсякденне життя людини

Отже, увійшовши в нове тисячоліття, автори все-таки знаходять більше нахилення в минулому, ніж у теперішньому та майбутньому. Зображені війну (або тільки згадуючи про неї), сучасні автори спонукають нас задуматись над впливом війни на повсякденне життя людини, пропонуючи також способи подолання психологічної травми. Перспектива подальшого дослідження полягає в потребі вивчення найменш дослідженого пласту сучасної британської літератури – роману ХХІ століття на військову тематику, зокрема його лексико-семантичної структури. Дослідження у цій галузі є актуальними, оскільки можуть зробити внесок у подальший розвиток лінгвістики тексту.

Список літератури

1. Антологія світової літературної критичної думки ХХ ст. / за ред. М. Зубрицької. – 2-ге вид., допов. – Львів : Літопис, 2001. – 832 с.
2. Бехта І. А. Концептосистема англомовного дискурсу постмодернізму / І. А. Бехта // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені В. Винниченка. Сер. : «Філологічні науки» (мовознавство). – 2010. – Вип. 89 (5). – С. 167-73.
3. Бехта І. А. Лінгвокогнітивна реалізація прагматики адресата в англомовній прозі / І. А. Бехта // Вісник Сумського державного університету. Сер. : Філологічні науки. – 2005. – № 5 (77). – С. 21-27.

4. Бовсунівська Т. В. Жанрові модифікації сучасного роману / Т. В. Бовсунівська. – Х. : Діса плюс, 2015. – 368 с.
5. Бовсунівська Т. Теорія літературних жанрів: жанрова парадигма сучасного зарубіжного роману : підручник / Т. В. Бовсунівська. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2009. – 519 с.
6. Бойніцька О. С. Інновація та традиція в англійському історіографічному романі межі ХХ–ХХІ ст. / О. С. Бойніцька // Наукові записки НДУ ім. М. Гоголя. – 2010. – С. 24-27.
7. Бредбері М. Британський роман нового часу / М. Бредбері. – Львів : Кальварія, 2011. – 480 с.
8. Грифцов Б. А. Теория романа / Б. Грифцов. – М. : ГАХН, 1927. – 151 с.
9. Коваленко Д. Процеси жанрової дифузії та диференціації в сучасному українському романі (на матеріалі романів Ірен Роздобудько) / Д. Коваленко // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. : Філологія. – 2016. – № 2 (36). – С. 142-147.
10. Ортега-и-Гассет Х. Мысли о романе [Электронный ресурс] / Хоце Ортега-и-Гассет. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega13.txt>.
11. Alegre S. M. Post-war English literature 1945–1990 [Electronic resource] / S. M. Alegre. – UOC. – Mode of access : <http://gent.uab.cat/saramartinalegre/sites/gent.uab.cat.saramartinalegre/files/Post-War%201945-1990.pdf>.
12. Cobley E. Postmodernist War Fiction: Findley's The Wars / Evelyn Cobley // Canadian Literature. – 1995. – № 147. – P. 98-124.
13. Encyclopedia of Postmodernism / eds. by V. E. Taylor, C. E. Winquist. – London ; New York : Routledge, 2001. – 480 p.
14. Fokkema A. Postmodern Characters: A Study of Characterization in British and American Postmodern Fiction / Aleid Fokkema. – Amsterdam : Rodopi, 1991. – 205 p.
15. Fokkema D. W. Semantic and Syntactic Organization of Postmodernist Texts / D. W. Fokkema // Approaching Postmodernism / eds. by D.W. Fokkema, H. Bertens. – Amsterdam : John Benjamins, 1986.
16. Fowler A. Genre and the Literary Canon [Electronic resource] / A. Fowler // New Literary History. – 1979. – Autumn. – Vol. 11, No. 1, Issue II. – P. 97-119. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/468873>.
17. Harris J. Five Quarters of the Orange / Joanne Harris. – London: Black Swan, 2010. – 432 p.
18. Head D. The Cambridge Introduction to Modern British Fiction, 1950–2000 / Dominic Head. – Cambridge : University Press, 2002. – 307 p.
19. Introduction. The Penguin Book of First World War Stories / eds. by Barbara Korte, Ann-Marie Einhaus. – Penguin Classics, 2007.
20. Malcolm D. Understanding Ian McEwan / D. Malcolm. – Columbia : University of South Carolina Press, 2002. – 216 p.
21. McEwan I. Atonement / Ian McEwan. – London: Vintage, 2002. – 371 p.
22. McKeon M. Generic Transformation and Social Change: Rethinking the Rise of the Novel / Michael McKeon // Cultural Critique. – University of Minnesota Press, 1985. – P. 159-181.
23. McHale B. Postmodernist Fiction / B. McHale. – London : Routledge, 1986.
24. Vlokh N. M. Pragmatics of postmodernist text / N. M. Vlokh // Sumy State University Bulletin. Philological sciences series. – 2004. – № 3. – P. 96-101.
25. Ward G. Postmodernism / G. Ward. – London : Hodder Headline, 2003.
26. Waterson R. Welcome to Windycon 35!. Windycon Program Book / Rick Waterson. – Palatine, Ill.: ISFiC, 2008.
27. Waugh P. Practising Postmodernism, Reading Modernism / Patricia Waugh. – London : Edward Arnold, 1992. – 176 p.
28. <https://www.britannica.com/art/English-literature/The-21st-century>.

ЖАНРОВАЯ ДИФУЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ВОЕННУЮ ТЕМАТИКУ

Шайнер И.И.

ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов, Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украина, г. Львов

В статье выполнен обзор научной литературы и определены жанровые особенности современного британского художественного прозаического текста на военную тематику, рассмотрен вопрос жанровой дифузности художественного произведения, а также совершена попытка различия терминов ‘war novel’ и ‘military fiction’, которые часто употребляют в научной литературе как синонимы.

Ключевые слова: жанровая дифузность, war novel, military fiction, military science fiction.

ЖАНРОВА ДИФУЗНІСТЬ СУЧАСНОГО ХУДОЖНЬОГО ПРОЗОВОГО ТЕКСТУ НА ВІЙСЬКОВУ ТЕМАТИКУ

Шайнер І.І.

асистент кафедри іноземних мов для гуманітарних факультетів, Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна, м. Львів

У статті здійснено огляд наукової літератури та визначено жанрові особливості сучасного британського художнього прозового тексту на військову тематику, розглянуто питання жанрової дифузності художнього твору, а також здійснено спробу розрізнення термінів ‘war novel’ та ‘military fiction’, які часто вживають у науковій літературі як синоніми.

Ключові слова: жанрова дифузність, war novel, military fiction, military science fiction.

На сучасному етапі розвитку британська література становить самобутнє явище, в якому переважають постмодерністські тенденції. Для сучасного британського художнього прозового тексту характерні такі прийоми поетики: фрагментарність, монтажність, багаторівнева організація тексту, інтертекстуальність, гра, іронія, пастищ, метафікція. Особливості художнього прозового тексту на військову тематику досліджували різні науковці: Р. Хевісон (1988), Б. Бергонзі (1993), Д. Дж. Тейлор (1993), А. Піетте (1995), А. К. Сміт (2000), А. Барлоу (2000), Г. Сарма (2001), Е. Х. Кейтер (2016), Т. Качак (2015). У цьому контексті варто зауважити, що для сучасного роману характерна дифузність жанру. Питання жанрових модифікацій та плинність жанрових ознак у літературі вивчали Б. Гріфцов (1927), А. Фаулер (1979), Х. Ортега-і-Гассет (1991), Д. Чендлер (2009), Т. В. Бовсунівська (2009), С. О. Філоненко (2011), В. Будний (2007), М. Ільницький (2007). Однак сучасний британський роман ХХІ ст. та військова тематика, яка проявляється в ньому на різних рівнях (від мікро- до макровкраплень), досі недостатньо дослідженні в науковій літературі.

З другої половини ХХ ст. і донині (зокрема в контексті сучасних подій у світі) війна є популярною темою для художніх творів, зокрема прозового жанру. Тож актуальним є дослідження жанрових особливостей, а також лексико-семантичної структурації в художньому прозовому творі сучасності на військову тематику з позицій прагмадискурсної та антропоцентричної парадигм лінгвістичних досліджень.

Мета статті – визначити жанрові особливості постмодерністського британського художнього твору на військову тематику, а також здійснити спробу розмежувати терміни ‘war novel’ та ‘military fiction’.

У наш час тема війни є надзвичайно актуальною у всьому світі, тому часто простежується (більшою або меншою мірою) й у творах різних жанрів. Для сучасного роману характерна жанрова дифузність. Відповідно, художній прозовий текст на військову тематику зазвичай містить елементи різних жанрів, а тема війни проявляється на різних рівнях – від провідної військової тематики до мікровраплень у творах, коли є тільки згадки про війну. Процеси жанрової дифузії свідчать не тільки про рухомість жанру, а й, зокрема, «про здатність художніх текстів реагувати на суспільні зміни, що в цілому неминуче впливають на характер затребуваних романів» [8, с. 142].

Новітні британські художні прозові тексти на військову тематику можна узагальнено поділити на три основні групи: твори з провідною темою війни; частково про війну; з мікроврапленнями військової тематики. До першої групи належать твори, які зосереджені передусім на жахіттях війни, Голокості, концтаборах, людських долях, зламаних війною (Дж. Бойн «The Boy in the Striped Pyjamas» (2006), «The Boy at the Top of the Mountain» (2015), Дж. Мойес «The Girl You Left Behind» (2012). Друга група творів тільки частково зображує проблему війни і здебільшого являє собою поєднання різних жанрів, як-от історичного, філософського (І. Мак'юен «Atonement» (2001)), соціально-психологічного, соціально-побутового, фантастичного (К. Ішігуро «The Buried Giant» (2015)), з воєнним романом. Часто в них наявний ретроспективний елемент – спогади про прожите, про війну і людей, які в ній загинули (С. Фолкс «Where my Heart Used to Beat» (2015), Л. Уолтерс «Mrs Sinclair's Suitcase» (2014), К. Аткінсон «A God in Ruins» (2014–2015)), для прикладу: “*She had met my father at the house of an aunt near London. Before the war he had been a tailor, though by her account much more than a sort-sighted man with a needle in a back room: although he was only thirty when he volunteered in 1915, he already had six people working for him in his high street premises*” [12, с. 20]. Художні твори з мікроврапленнями військової тематики зосереджуються на інших темах, зокрема: стосунків між людьми (С. Таунсенд «Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction» (2004)); дитинства; минулого та сміливості подивитись йому у вічі (Дж. Харріс «Five Quarters of the Orange» (2001)). Водночас згадки про війну, разом з іншими темами творів, показують, як війна проникає в наше життя, є незримо присутньою в ньому: “*For my mother there was never much time for indulgence, even if she'd been the type. Not with her husband killed in the war, and the farm to run alone*” [15, с. 13]. Схематично основні жанри сучасного британського роману на військову тематику можна узагальнити так:

Сучасний британський роман на військову тематику

вое́нний роман	істо́ричний роман	філософський роман	соціально-психологічний роман	соціально-побутовий роман	любо́вний роман	пригодни́цький роман	фа́нтастичний роман
----------------	-------------------	--------------------	-------------------------------	---------------------------	-----------------	----------------------	---------------------

Рис. Жанри сучасного британського роману на військову тематику

У контексті вказаного зазначимо, що на позначення сучасного британського роману воєнного жанру в англійській науковій літературі знаходимо різні терміни: ‘war novel’, ‘military fiction’ та ‘military science fiction’. Оскільки ‘military science fiction’, або військова наукова фантастика, є піджанром наукової фантастики, то вона характеризується зображенням нових вигаданих технологій, зокрема зброї, що використовується з військовою метою. Традиційно наголошується на таких військових цінностях, як хоробрість, самопожертва, почуття обов’язку і дружби [23; 25]. Щодо термінів ‘war novel’ та ‘military fiction’, то наразі в науковій літературі не існує чітких розмежувань між ними, дуже часто їх вживають як синоніми. Втім, по-при багато спільних ознак, можна виділити й деякі їхні відмінності. Насамперед, термін ‘fiction’ (або беллетристика) позначає літературний жанр, який охоплює романі (novels), а також коротші форми, як-от оповідання. Усі літературні твори є або художньою ліteroю (fiction), або документальною (non-fiction). Романи ж є тільки частиною художньої літератури [26; 29].

Щодо спільних ознак термінів ‘war novel’ та ‘military fiction’, то насамперед вкажемо такі: основна дія часто відбувається на полі бою або вдома, де герой готуються до війни або одужують від її наслідків. Часто дія відбувається в минулому, що дає змогу віднести твори також до історичного жанру [24; 28]. Проте особливістю жанру ‘military fiction’ є те, що часто головним героєм є солдат, який приєднується до тих чи інших військових сил. Зазвичай увага зосереджується на військових операціях, пригодах, мемуарах військових флангів країни – армії, повітряних сил або військово-морського флоту. Тобто більша частина сюжету розгортається навколо військових операцій та ситуацій [27].

Отже, чіткою рисою англійського постмодернізму є значна увага до історії, минулого, причому і своєї країни, і людства загалом. Саме тому сучасні автори часто заторкують тему війни. Зображені війну (або тільки згадуючи про неї), вони спонукають нас задуматись над її впливом на повсякденне життя людини та пропонують способи подолання її наслідків. Перспектива подальшого дослідження полягає в потребі вивчення найменш дослідженого пласти сучасної британської літератури – роману ХХІ ст. на військову тематику, а також його лексико-семантичної структури, беручи до уваги, зокрема, його жанрові особливості. Дослідження у цій галузі є перспективними, оскільки можуть зробити внесок у подальший розвиток лінгвістики тексту.

Список літератури

1. Антологія світової літературної критичної думки ХХ ст. / за ред. М. Зубрицької. – 2-ге вид., допов. – Львів : Літопис, 2001. – 832 с.
2. Бехта І. А. Концептосистема англомовного дискурсу постмодернізму / І. А. Бехта // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені В. Винниченка. Сер. : «Філологічні науки» (мовознавство). – 2010. – Вип. 89 (5). – С. 167–173.
3. Бехта І. А. Лінгвокогнітивна реалізація прагматики адресата в англомовній прозі / І. А. Бехта // Вісник Сумського державного університету. Сер. : Філологічні науки. – 2005. – № 5 (77). – С. 21–27.
4. Бовсунівська Т. В. Жанрові модифікації сучасного роману / Т. В. Бовсунівська. – Х. : Діса плюс, 2015. – 368 с.
5. Бойніцька О. С. Інновація та традиція в англійському історіографічному романі межі ХХ–ХХІ ст. / О. С. Бойніцька // Наукові записки НДУ ім. М. Гоголя. – 2010. – С. 24–27.
6. Бредбері М. Британський роман нового часу / М. Бредбері. – Львів : Кальварія, 2011. – 480 с.

7. Грифцов Б. А. Теория романа / Б. Грифцов. – М. : ГАХН, 1927. – 151 с.
8. Коваленко Д. Процеси жанрової дифузії та диференціації в сучасному українському романі (на матеріалі романів Ірен Роздобудько) / Д. Коваленко // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. : Філологія. – 2016. – № 2 (36). – С. 142–147.
9. Ортега-и-Гассет Х. Мысли о романе [Электронный ресурс] / Хоце Ортега-и-Гассет. – Режим доступа : <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega13.txt>.
10. Cobley E. Postmodernist War Fiction: Findley's The Wars / Evelyn Cobley // Canadian Literature. – 1995. – № 147. – P. 98–124.
11. Encyclopedia of Postmodernism / eds. by V. E. Taylor, C. E. Winquist. – London ; New York : Routledge, 2001. – 480 p.
12. Faulks S. Where my heart used to beat / Sebastian Faulks. – New York: Henry Holt and Company, 2016. – 352 p.
13. Fokkema D. W. Semantic and Syntactic Organization of Posmodernist Texts / D. W. Fokkema // Approaching Postmodernism / eds. by D.W. Fokkema, H. Bertens. – Amsterdam : John Benjamins, 1986.
14. Fowler A. Genre and the Literary Canon [Electronic resource] / A. Fowler // New Literary History. – 1979. – Autumn. – Vol. 11, No. 1, Issue II. – P. 97–119. – Mode of access : <http://www.jstor.org/stable/468873>.
15. Harris J. Five Quarters of the Orange / Joanne Harris. – London: Black Swan, 2010. – 432 p.
16. Head D. The Cambridge Introduction to Modern British Fiction, 1950–2000 / Dominic Head. – Cambridge : University Press, 2002. – 307 p.
17. Introduction. The Penguin Book of First World War Stories / eds. by Barbara Korte, Ann-Marie Einhaus. – Penguin Classics, 2007.
18. Malcolm D. Understanding Ian McEwan / D. Malcolm. – Columbia : University of South Carolina Press, 2002. – 216 p.
19. McKeon M. Generic Transformation and Social Change: Rethinking the Rise of the Novel / Michael McKeon // Cultural Critique. – University of Minnesota Press, 1985. – P. 159–181.
20. McHale B. Postmodernist Fiction / B. McHale. – London : Routledge, 1986.
21. Vlokh N. M. Pragmatics of postmodernist text / N. M. Vlokh // Sumy State University Bulletin. Philological sciences series. – 2004. – № 3. – P. 96–101.
22. Ward G. Postmodernism / G. Ward. – London : Hodder Headline, 2003.
23. Waterson R. Welcome to Windycon 35!. Windycon Program Book / Rick Waterson. – Palatine, Ill.: ISFiC, 2008.
24. <http://book-genres.com/military-fiction-genre/>.
25. <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/Military+science+fiction>.
26. <https://english.stackexchange.com/questions/70635/difference-between-novel-and-fiction>.
27. <https://www.goodreads.com/genres/military>.
28. <http://kameronabdallaenglish.weebly.com/>.
29. <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-fiction-and-a-novel>.

О ФОНОСТАТИСТИКЕ ТЕКСТОВ ЭПОСА «МАНАС»

Шерова А.

преподаватель, Баткенский государственный университет, Кыргызстан, г. Сулукта

Статья посвящена анализу фоностатистических особенностей звуков на уровне текстов эпоса «Манас» по варианту Жусуп Мамай.

Ключевые слова: эпос «Манас», вариант Жусуп Мамая, уровень текстов, фоностатистика звуков.

Научная ценность кыргызского героического эпоса “Манас” в области языкоznания ещё в полной мере не осознана. Он безусловно является великим наследием мировой духовной культуры, в котором отражены все стороны истории и культуры кыргызского народа, его менталитет, обычаи, обряды и духовные традиции. Одним из важных событий в культурной жизни явилось издание полного корпуса эпоса “Манас” по варианту Жусупа Мамая, который был записан в Китайской народной республике. Этот вариант, переведённый по транслитерации с арабского на кириллицу, состоит из 1782 страниц, и стало достоянием общественности и широкого круга читателей [1].

В настоящее время ведутся работы по подготовке толкового словаря словоуказателей эпоса «Манас» как по данному варианту, так и по другим вариантам. Этим самым ожидается развитие кыргызского языкоznания в направлении компьютерной лексикографии. В целях осуществления этого проекта при составлении словаря и базы данных эпоса по варианту Жусупа Мамая, нужно решить следующие задачи:

- 1) составить в алфавитном порядке полный список словоформ, употребленных в тексте эпоса;
- 2) собрать словоформы в соответствующие гнёзда лексем и разграничение омонимов;
- 3) выделить основы и для каждой лексемы указать расположенные в алфавитном порядке формообразующие окончания;
- 4) в алфавитном порядке составить общий список всех лексем, включающих как нарицательные и служебные слова, так и имена собственные;
- 5) дать толкование к лексическому значению каждой лексемы;
- 6) указать адрес употребления (страницу и строку) каждой лексемы в тексте эпоса;
- 7) создать книжную версию словаря эпоса и рекомендовать ее в издательство;
- 8) распределить все слова словаря на лексико-семантические группы;
- 9) создать электронную базу всех слов эпоса;
- 10) создать базу эпоса с выходом на китайский, английский, немецкий, французский, испанский, русский, арабский, персидский, турецкий языки;
- 11) вывести электронную базу эпоса в информационное пространство Интернет [2-3].

Предполагается, что часть перечисленных задач будет решаться с использованием достижений компьютерной лексикографии, а часть – с участием лингвистов, представляющих традиционные направления [3].

В настоящее время составлен корпус, состоящий из различного типа частотных словарей и словарь словоуказателей словоформ текстов этого варианта. Предварительный фоностатистический анализ полученных данных показывает следующее: состав звуков варианта Жусуп Мамая определяется 28 звуками, которые в суммарном выражении употреблены в текстах эпоса 4 281 174 раз, а средняя частота каждого звука равно 152 900 единицам.

В корпусе, состоящим из 28 звуков, согласных звуков – 20, их суммарная частота – 2 493 157, средняя частота каждого согласного – 124660; гласных звуков – 10, их суммарная частота – 1788017, средняя частота каждого согласного – 178800. При этом доля согласных – 60 %, доля гласных – 40 %. Это означает, что в данном варианте эпоса на 3 согласных приходится 2 гласных звука, т.е. доля согласных превышает доли гласных в 1,5 раза.

Частотный словарь согласных варианта Жусуп Мамая представлен в виде следующей таблицы:

№	Звук	Частота	Доля	№	Звук	Частота	Доля
1	к	316 935	12,8	11	м	105 505	4,3
2	н	296 248	11,9	12	с	98 424	3,9
3	т	231 237	9,3	13	ж	76 050	3,0
4	р	220 752	8,9	14	ч	65 102	2,7
5	л	213 553	8,7	15	ш	61 416	2,5
6	д	166 143	6,7	16	з	46 538	1,9
7	б	162 136	6,6	17	ң	42 561	1,7
8	п	151 270	6,1	18	х	4 421	0,2
9	й	124 771	5,0	19	в	112	0,0
10	ғ	109 894	4,4	20	ф	89	0,0
Всего						2 493 157	100%

Как видим, 20 согласных звуков, представленных в эпосе «Манас», по частоте их употребления можно делить на следующие 5 группы:

1. Из всех согласных звуков наибольшей частотностью обладают увулярно-велярный глухой **к** и дентально-носовой сонант **н**. Следовательно, эти согласные образуют наиболее частную группу, в пределах которой частота встречаемости у фонемы **к** – 316 935 раз, доля – 12,8 %; а частота встречаемости фонемы **н** – 296 248 раз, а доля – 11,9 %. Их суммарная доля – 25%, а остальные 18 согласных звуков – 75%. Это говорит о том, что 25% всех словоформ, употребленных в эпосе «Манас», образуется именно за счет согласных звуков **к**, **н**. То есть каждый четвертый согласный звук данного эпоса относится к этой группе.

2. В группу часто употребляемых согласных входят дентальные согласные **т**, **л** и препалатальный согласный **р**, суммарная доля которых составляет 27 % всех согласных. Одновременно каждый из согласных, представляющих данную группу, характеризуется так:

- согласный **т**: частота употребления – 231 237, доля – 9,3%;
- согласный **л**: частота употребления – 220 752, доля – 8,9 %;
- согласный **р**: частота употребления – 213 553, доля – 8,7 %.

Вызывает интерес тот факт, что суммарная частота употребления согласных у первых двух групп примерно равная, т.е. доля у первой группы – 25%, а доля второй – 27%. Это значит, что знакообразующая сила этих двух групп покрывает немногим больше половины всех словоформ, отмеченных в корпусе текстов варианта Жусуп Мамая. То есть семиотическая сила у этих 5 согласных **к**, **н**, **т**, **л**, **р** равна семиотической силе всех остальных 15 согласных.

3. Среднечастотная группа содержит следующие согласные **ð**, **б**, **п**, **й**, которые характеризуются таким образом:

- согласный **ð**: частота употребления – 166 143, доля – 6,7 %;
- согласный **б**: частота употребления – 162 136, доля – 6,6 %;
- согласный **п**: частота употребления -151 270, доля – 6,1 %;
- согласный **й**: частота употребления – 124 771, доля – 5,0 %.

Поразительно, но факт, что доля данной группы, также и предыдущих двух групп по отдельности, составляет порядка 25,0 %, а суммарная их доля – 75,0 %. Отсюда следует, что благодаря тождественности семиотических сил этих групп,

каждая из них способна образовать одну четвертую часть всех словоформ, употребленных в корпусе текстов варианта Жусуп Мамая.

4. Низкочастотная группа, содержащая согласных *г, м, с, ж, ч, иш, з, н*, характеризуются так:

- согласный *г*: частота употребления – 109 894, доля – 4,4 %;
- согласный *м*: частота употребления – 105 505, доля – 4,3 %;
- согласный *с*: частота употребления – 98 424, доля – 3,9 %;
- согласный *ж*: частота употребления – 76050, доля – 3,0 %;
- согласный *ч*: частота употребления – 65 102, доля – 2,7 %;
- согласный *иш*: частота употребления – 61 416, доля – 2,5 %;
- согласный *з*: частота употребления – 46 538, доля – 1,9 %;
- согласный *н*: частота употребления -42 561, доля – 1,7 %.

Как видим, суммарная доля у этой группы также составляет примерно 25%. Ясно, что благодаря этой семиотической силе, данная группа также способна образовать одну четвертую часть всех словоформ, представленных в варианту Жусуп Мамая.

5. Наиболее низкочастотная группа содержит согласные звуки *х, в, ф*, которые, как правило, встречаются в составе словоформ иноязычного заимствования. Суммарная доля этой группы ничтожно малая и составляет примерно 0,2 % всех употреблений согласных звуков.

Если произвести сравнение фоностатистических данных по позициям, то выясняется примерно такая картина:

1. В начальной позиции словоформ встречаются все согласные за исключением велярного носового сонанта *н*, которые зафиксированы в тексте эпоса 750 904 раз. Из них наиболее функционально активными являются следующие согласные:

- согласный *к*: частота употребления – 181294, доля – 24,14%;
- согласный *б*: частота употребления – 101207, доля – 13,48%.

2. В средней позиции словоформ зафиксированы все 20 согласных звуков. Из них наиболее активными являются следующие неносовые сонаты:

- согласный *л*: частота употребления – 193 010, доля – 14,0 %;
- согласный *р*: частота употребления – 177 461, доля – 13,0 %.

3. В конечной позиции словоформ зафиксированы все 20 согласных звуков. Из них наиболее активными являются следующие неносовые сонаты:

- согласный *н*: частота употребления – 152 595, доля – 20,32%;
- согласный *п*: частота употребления – 124 835, доля – 16,62 %.

Таким образом, представленные здесь фоностатистические данные о сфере употребления звуков в эпосе «Манас» по версии Жусуп Мамая безусловно являются неполными, которые требуют дальнейшего изучения как на уровне звуков, так и на уровне их различительных признаков.

Список литературы

1. Жусуп Мамай. Манас. Урумчи, 2004. – 1782 с.
2. Садыков Т., Шаршембаев Б. Манас: технология построения словаря словоуказателя // Вестник БГУ, №1, 2005, С. 131-137.
3. Садыков Т., Шаршембаев Б. О морфофоностатистике новых типов словарей эпоса “Манас” (по варианту Жусупа Мамая) // Язык и жизнь в динамике. Б.: КРСУ, 2009, С. 90-97.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Абитов М.Р., Маслова Д.А., Блиадзе А.М.

студенты первого курса, Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) СКФУ в г. Пятигорске, Россия, г. Пятигорск

В данной статье авторы попытались проанализировать ход исторических событий Октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: Октябрьская революция, мировая история, буржуазия, пролетариат, рабочий класс.

В наши дни нет ничего более запутанного, чем революционные страницы отечественной истории. В их трактовке содержатся, как минимум, четыре разные "правды": одна – единственно истинная та, какой эта революция была на самом деле, почему она развивалась так, а не иначе; вторая объясняет, как революция воспринималась современниками и участниками, почему они руководствовались тем или иным пониманием, будучи авторами и актерами драмы; третья – "правда", которая на протяжении ряда десятилетий внедрялась в общественное сознание в качестве "марксистско-ленинской"; наконец, четвертая – это широко афишируемая ныне "правда", какую распространяют сегодняшние противники Октябрьской революции.

Октябрьская Революция, несомненно, коренным образом изменила жизнь россиян. Можно считать справедливой точку зрения многих историков, социологов, философов, политологов, считающих значительными для судеб XX века события 1917 года. Есть множество мнений о причинах, ходе и последствиях Октябрьской революции. 100 лет спустя после тех знаковых событий важно понимать социально-политические изменения в России, да и во всем мире, рассмотреть события начала нашего столетия, впрочем, как и современной реальности [1].

Исследуя данную проблему, нас заинтересовал вопрос: «А как сложилась бы история России, если бы революционные события были иными?» и именно этот вопрос мы постараемся рассмотреть в нашем исследовании.

Главное содержание Октябрьской революции определил Ленин в выступлении на заседании Петроградского Совета 25 октября, назвав ее «рабоче-крестьянская революция» [2]. В Октябрьской революции слились несколько мощных революционных потоков: пролетарская социалистическая революция; крестьянская буржуазно-демократическая, незавершенная в Феврале; национально-освободительная борьба народов, поднимающихся к собственной государственности и национальному развитию; общенародное движение за мир; общедемократическое движение за право масс участвовать в государственном управлении обществом. Все эти потоки нашли свое выражение в первых актах Советской власти: «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декларация прав народов России», в образовании нового государства – Республики Советов и его правительства – Совета Народных Комиссаров [3].

Крестьянское движение за землю и солдатское – за мир, были двумя наиболее мощными потоками. И их требования осуществились лишь в органическом сочетании с пролетарской социалистической революцией, наиболее радикальной по

своим преобразовательным целям. Об этом писал уже в эмиграции и лидер кадетов, русский историк, последователь Ключевского – Милюков в работе «Почему большевики взяли верх» [4]. В ней он констатировал, что революция неумолимо должна была дойти до крайних своих пределов, до «самоисчерпания». В ней классик русской исторической школы, буржуазный либерал и активный политический противник Советской власти признал в конце своей жизни прогрессивную историческую роль деятельности большевиков для России и мирового сообщества в свете исторического опыта СССР и его борьбы с фашизмом.

И так: в довоенные годы Россия весьма уверена шла вперёд, наблюдался явный прогресс и введение передовых технологий. Хотя, даже при всем при том, согласно статистике с 1913 по 1917 годы, Российская империя все ещё во многих сферах экономического развития отставала от Англии, США, Франции, Германии в несколько раз [5]. Мировая война резко обострила все давно нары вающие социальные проблемы в стране. Но давайте представим, что имперскому правительству удалось предотвратить революцию, схватить зачинщиков, последовали бы чистки в армии и среди рабочих. А уже переориентированная на военный комплекс промышленность удовлетворяла все потребности армии ещё в 1916 году. Если даже при недостатке снаряжения Российской армии удалось совершить «Брусиловский прорыв» и разбить Турецкую армию в Закавказье, то теперь она могла эффективно громить даже немецкие «стальные» дивизии по всем фронтам. Галиция и Восточная Пруссия отошли бы России. А Турция утратила остатки могущества. Стамбул, незахваченный прежде генералом Скобелевым наконец пал, Босфор и Дарданеллы под контролем, а в Средней Азии и Закавказье у России больше нет конкурентов вплоть до Британской Индии. Далее Россия вырывается вперёд по экономическим показателям, решает социальные проблемы и становиться Сверхдержавой. Это наиболее позитивный вариант альтернативной истории. Можно ещё многое предположить об неприязни Англии к усилению России, приходу к власти Гитлера, изобретению ядерного оружия и была бы Вторая Мировая война. Но это уже совсем другая история.

Второй вариант развития исторических событий похож на первый с главным отличием в том, что большевикам не удалось взять власть в руки. Хотя у имперской власти и без них хватало революционеров, анархистов, эсеров и т.д. Как известно в время гражданской войны 1917-1922 многие регионы страны подверглись иностранной интервенции, даже сейчас на Дальнем Востоке и на Севере страны можно найти хорошо ухоженные кладбища английских, американских, французских и японских солдат. Давайте предположим, что революция случилась без большевиков, страна раздробилась на множество кусков, некоторые из них все ещё хранят верность Царю, над остальными же утерян контроль. Даже если бы Царское правительство подавило восстание, что наиболее вероятно, потому что большевики были наисильнейшим блоком революционеров, остальные регионы давно попали бы под иностранный контроль. Из них бы просто вытягивали ресурсы, как делали это с Польшей в реальной истории. Согласно статистике, Польша приняла революции с самым высоким уровнем развития промышленности в стране. А к 1930 году её ВВП упало в несколько раз и капиталы уплывали из страны[6]. Так же было бы и с всей страной, её просто заранее поделили бы как пирог между США, Англией, Францией, Германией, Турцией, Австро-Венгрией и Японией несмотря на враждебность сторон. Так что без большевиков скорее всего нашу страну ждала незавидная участь.

«Россия должна стать хворостом для розжига огня мировой революции» утверждал Л.Троцкий и настаивал на скорейшем усилении СССР для новых рево-

люционных войн [7]. В своих отдаленных фантазиях ему представлялось что через 100 лет с начала революции, в нашем 2017 году в мире наступит Коммунизм строго по теории Карла Маркса [8]. Революция большевиков, начавшаяся в России, как лесной пожар распространиться по Азии и Европе (что частично и происходило вплоть до распада СССР). Большинство стран вступят в Мировой коммунистический лагерь и совместными усилиями поддержат революционные войны в других странах. Постепенно в мире не останется страны способной противостоять власти рабочих и крестьян. Хотя для этого понадобилось бы либо слишком много совпадений, противоречащих человеческой натуре, либо сильный лидер, подобных которому не было в мире. Итак, к 2020 году на Планете существует Коммунистическая Человеческая республика, коммунизм пришёл в все уголки мира, деньги, правительство отсутствуют из-за необходимости, каждый имеет личные вещи и получает видную «отдачу» от своего труда. Человечество живёт в мире и согласии, двигаясь на встречу неизведанным глубинам космоса. Но история нам показывает, что это утопия. Даже Карл Маркс признавал, что коммунизм невозможен, хотя революция вполне могла разойтись по всей планете.

Так или иначе, победа революции принесла и непосредственные улучшения жизни рабочего класса: устранение эксплуатации буржуазией и установление рабочего контроля над производством и распределением; 8-часовой рабочий день; бесплатное медицинское обслуживание и образование; улучшение жилищных условий. Крестьяне получили землю помещиков и самоуправление в сельских общинах, освобождались от задолженностей банкам, платежей за аренду. Все трудовые классы имели своих представителей в органах народной власти, все национальности получили государственное представительство.

Подводя итоги рассмотренного бурного периода, необходимо определить историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Опираясь на главные принципы исторической науки и общие закономерности исторического процесса, следует выделить три аспекта: значение революции в истории российского общества, ее международное и историческое значение.

Практика показывает, что ход истории изменить нельзя, можно лишь прогнозировать и догадываться.

Она положила начало серии европейских и азиатских революций за социальное освобождение трудящихся масс, ускорила окончание мировой империалистической войны, однако привести к коммунизму весь капиталистический мир так и не удалось.

Впервые был осуществлён реальный прорыв в новую формацию. К власти пришли прямые представители трудящихся масс для коренного изменения социальных условий жизни общества в интересах трудового народа, для создания нового общества равноправия, гуманности, свободы, справедливости и благосостояния для каждого человека и всех народов. Левые политические силы социалистической ориентации разбудили человечество к высоким идеалам. Они имели своих поэтов, философов, ученых, миллионы своих последователей на всех континентах и во всех социальных слоях и профессиях. Также стоит отметить, что революция нечто естественное для истории человечества. Например, множество революций происходило в Европе 18 века, когда простые люди боролись за свои права. Именно поэтому у стран Западной Европы один из самых высоких уровней жизни на планете, потому что когда-то люди отстояли свои права и напомнили государству его роль исполнителя воли народа.

Список литературы

1. <https://www.ronl.ru/referaty/istoriya/112197/>
2. Доклад о задаче власти советов В.И.Ленина. Заседание Петроградского совета рабочих солдатских депутатов 25 октября 1917 г.
3. Декрет о мире 26 октября 1917, Декрет о земле 26 октября 1917, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа 3 января 1918, Декларация прав народов России 2 ноября 1917.
4. Отрывки из главы «Почему большевики взяли верх?» первого тома книги «Россия на переломе» (Париж, 1927) П.Н. Милюков.
5. Статистический сборник за 1913-1917 гг. Российской Империи.
6. Статистический сборник 1918-1939 гг. Польской республики.
7. Сочинения Л. Д. Троцкого: 1927.
8. "Капитал" Маркса. Философия и современность; Наука – 2013. – 760 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ ПРОЦЕССА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Баззаев Н.А.

аспирант кафедры новейшей и отечественной истории,
Северо-Осетинский государственный университет, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются особенности осуществления коллективизации в отдельном регионе СССР – Южной Осетии, прослеживается региональная динамика осуществления данного процесса, определяются его характерные особенности. Автор приходит к выводу о противоречивых результатах коллективизации в Южной Осетии – наряду с имеющимися тенденциями повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве наблюдались системные проблемы, аналогичные общегосударственным и приведшие, в конечном итоге, к перманентному кризису советского сельского хозяйства.

Ключевые слова: Южная Осетия, коллективизация, колхоз, совхоз, кулачество.

Современные историки рассматривают коллективизацию сельского хозяйства в качестве одного из наиболее важных и актуальных предметов исследования, поскольку данный процесс представлял собой коренной революционный переворот в отечественном сельском хозяйстве.

При этом ключевым исследовательским трендом является стремление реализовать объективный и взвешенный подход проблемам анализа сущности, хода и результатов коллективизации советского сельского хозяйства. Важной предпосылкой для этого является всесторонне изучение и анализ регионального опыта осуществления коллективизации. В связи с этим предметом настоящей статьи является оценка итогов осуществления коллективизации в Южной Осетии.

Официальные документы свидетельствуют о том, что принятая на вооружение концепция реформирования сельского хозяйства на коллективных началах была единой для всего государства. Вместе с тем местные особенности сельского хозяйства в значительной степени влияли на практический ход и результаты данного процесса. В Южной Осетии такая особенность была обусловлена спецификой социального состава сельского населения. Ее оценка позволяет констатировать отсутствие в регионе устойчивых предпосылок для развития коллективных хозяйств, вследствие преобладания крепких середняцких хозяйств, незаинтересованных в

данном процессе. Логичным следствием влияния данного обстоятельства стало то, что Южная Осетия явилась одним из немногих регионов страны, в котором ведущей формой коллективного хозяйства стал совхоз.

Вместе с тем, следует отметить, что советские власти благодаря использованию арсенала традиционных методов директивно-административного воздействия в кратчайшие сроки устранили вышеуказанный проблемный аспект.

3 февраля 1930 г. Президиум республиканского ЦИКа Ю. Осетии издал практические рекомендации по поддержке колхозного строительства, в которых районным исполнительным комитетам ставилась задача добиваться сторпроцентного обобществления скота, земли и инвентаря, осуществления мобилизации всех организационных и финансовых средств в целях обеспечения создания высших форм коллективных хозяйств, проведения оперативного и эффективного землеустройства коллективных хозяйств, организации расширенных курсов колхозного строительства. Одновременно, местным органам власти рекомендовалось осуществление откровенно дискриминационной политики в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств [1, л.2].

Практическая реализация положений данного документа привела к достижению значительных результатов: уже к концу первого квартала 1930 г. масштабы коллективизации были поразительными – 90 % индивидуальных хозяйств были задействованы в данном процессе. Повсеместно с «отказниками» проводилась активная «профилактическая» работа, заключающаяся в осуществлении прямых репрессий, ущемлению их прав и прав членов их семей. Например, имелись случаи прямого запрета детей «отказников» посещать школы [2, л. 3]. Таким образом, при реформировании сельского хозяйства было обеспечено полное соответствие «типовому» варианту. Другими словами, коллективизация юго-осетинского сельского хозяйства прошла через аналогичные общесоюзной практике этапы, рубежом в дифференциации которых стала знаменитая публикация И. В. Сталина «Головокружение от успехов».

Соответственно, следует констатировать и противоречивые итоги данного процесса.

С одной стороны, официальная статистика показывала устойчивый экономический рост в сфере сельского хозяйства. В частности, к 1934 году имело место увеличение посевных площадей. В то же время лишь 51 % приходился на долю коллективных хозяйств. В дальнейшем доля коллективных хозяйств в посевных площадях неуклонно возрастала параллельно с их количественным ростом – к маю 1935 г. колхозов уже имелось 102 таких хозяйства [3, л.156].

Успехи были достигнуты в процессе внедрения интенсивных сельскохозяйственных культур: с 1930 по 1934 гг. площадь под садами и огородами возросла на 156 %, в проведении механизации сельского хозяйства, а также в обеспечении повышения материально-культурного уровня колхозников. В 1939 г. в регионе появилась первая машинно-тракторная станция, имевшая в распоряжении 13 тракторов. Активно развивалось пчеловодство – в 1930 г. в Южной Осетии существовало более 5 тыс. ульев [4].

По данным официальной статистики интенсификация процесса организации коллективных хозяйств привела к значительным успехам в животноводческой отрасли. Если в 1921 году область располагала 32886 голов крупного рогатого скота, 44277 голов мелкого, то в 1930 г., соответственно – 77224 и 136934 головы [5, л.4].

Большим успехом стала организация в 1930 г. крупного животноводческого совхоза с двумя отделениями в селе Ксиус и городе Цхинвале. Это позволило значи-

тельно превысить план по выработке молочной продукции – в 1930 г. было произведено 17 тонн сыра разнообразного ассортимента («осетинский», «голландский», «советский»), 9 тонн масла, 560 тонн шерсти. Такие успехи позволили осетинским животноводам вызвать на социалистическое соревнование коллег из Чечено-Ингушской республики [4, л.2]. Кроме того, в 1936 г. югоосетинские колхозники не только досрочно и в полном объеме выполнили план сдачи государству животноводческой продукции, но и по шерстезаготовкам завоевали Закавказское переходящее знамя [2, л.2]. Немаловажно также, что в этом году область перевыполнила по кормовым культурам обязательства, взятые по соцдоговору с Чечено-Ингушетией, обеспечив скот доброкачественным кормом и сытой зимовкой [2, там же].

В числе успехов строительства коллективных хозяйств следует отметить и повышение производительности труда. Преимущественно за счет внедрения сельщины на трудодень колхозника в 1934 г. стало приходиться 6,5 кг. В дальнейшем данная положительная тенденция была продолжена. Как указывал в 1938 г. в докладной записке секретарь Юго-Осетинского обкома КП (б) Грузии В. Цховребашвили: «С повышением урожайности значительно выросла и стоимость трудодней. Если в прошлые годы по зерновым колхозам на трудодень приходилось 3,5, то в 1937 году на один трудодень – 7-10 кг» [3, л. 157].

В 1936 г. позитивные тенденции в развитии коллективных хозяйств региона были продолжены. В частности, по официальным данным качественный рывок достигнут в сфере животноводства, в результате которого данная отрасль сельскохозяйственного производства не только восстановлена (преодолены негативные тенденции «кулацкого саботажа», связанного с уничтожением поголовья скота), но и достигнуто значительное перевыполнение плановых показателей по производству в его основных сферах животноводческого производства.

Кульминацией успехов колхозного строительства в Южной Осетии стала победа коллективных хозяйств региона в 1936 г. в социалистическом соревновании с Чечено-Ингушской областью. Причем договорное обязательство по ликвидации бескоровности в коллективных хозяйствах было выполнено на 447,5 % [2, л.2].

В тоже время нельзя не сказать об очевидных неудачах строительства коллективных хозяйств, зафиксированных даже в официальной государственной статистике. К ним следует относить, в первую очередь, провал попыток создать в регионе крупное птицеводческое хозяйство. Птичий совхоз, организованный в Цхинвале в 1930 г., проработал всего около года и был закрыт во многом из-за неумелого руководства селекцией. Отсутствие квалифицированных кадров, в первую очередь, агрономов и зоотехников являлось ключевой проблемой колхозного строительства [3, л.155].

Другой проблемой, указанной в официальных статистических отчетах уполномоченных органов, курирующих колхозное строительство, стало чрезвычайно неравномерное развитие колхозов в регионе, вследствие влияния сложных географических условий региона и наличия организационно-правовых сложностей при создании коллективных хозяйств.

Итак, проведенный анализ хода и результатов коллективизации в Юго-Осетинском регионе позволяет сделать вывод о противоречивых результатах данного процесса. С одной стороны, колхозное строительство сопровождалось очевидными успехами, о чем свидетельствуют многие цифры официальной статистики. С другой стороны, коллективным хозяйствам региона были свойственны аналогичные общегосударственным проблемы, среди которых следует назвать нерента-

бельность большинства колхозов, низкий уровень их материально-технического обеспечения, профессиональной квалификации и уровня жизни работников. Кроме того, так же как и для всей страны в Южной Осетии получили развитие такие пороки советской действительности как прожектерство, излишнее администрирование, откровенно репрессивный подход в отношении противников колхозного строительства.

Список литературы

1. Государственный архив Южной Осетии (далее – ЦГА- РЮО). Ф. 4. ОП. 1 Д. 375.
2. ЦГА РЮО. Ф.4. ОП.1. Д. 589.
3. ЦГА РЮО. Ф. 1. ОП. 1 Д. 1154.
4. ЦГА РЮО. Ф. 7. ОП.1. Д. 156.
5. ЦГА РЮО. Ф. 4. ОП. 1 Д. 516.

ПОХОД РУСОВ 860 г. НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Зеленский Ю.В.

заведующий отделом археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается поход русов против Константинополя в 860 г. Анализ письменных источников заставляет предположить, что поход не был совершен днепровскими русами. Скорее всего, он был совершен черноморскими русами.

Ключевые слова: русы, поход, Византия, днепровские русы, черноморские русы, корабль, патриарх, император.

На начальном этапе существования древнерусского государства взаимоотношения с Византией были откровенно враждебными. В качестве агрессора выступала Древняя Русь. В летописи было записано о походе Олега на Константинополь в 907 г. Однако существуют сильные подозрения о том, что этот поход действительно состоялся. Игорь совершил поход против Византии в 941 г. и готовил ещё один поход в 944 г. Святослав воевал против Византии. Первый из походов русов против Константинополя был совершен в 860 г.

Поход произошёл 18 июня 860 г. Это событие было одним из самых неприятных в истории столицы Византийской империи и Византии в целом. Этой даты придерживались византийские историки.

В русской летописи достаточно подробно был описан этот поход. Но он был датирован 866 г.

Вот, что было написано в «Повести временных лет»:

«В лето 6374 (866 г). Иде Аскольд и Дирь на Грекы и приде в 14 лето Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на агаряны, и дошедши ему Чёрное рекы весть епархъ посла послы ему, яко русь идёт идёт на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же (русы) внутрь Суда вшедьше, много убийств христианам створиша и в двоюста кораблий Цесарьград оступиша. Цесарь же одва в город вниде, и с патриархом Фотием к сущий церкви святой Богородицы Влахерни всю нощь молитву сотвориша, также божественную ризу святая Богородица с письменами изнесеши, в реку омочиша. Тишинъ суши и и морю укротившуюся абы буря с въетром вста, и вол-

намъ великимъ вставшимъ засобъ, и безбожных руси корабля смяте, и к берегу привърже и изби я (то есть их), яко малу их от таковыя бъеды избыти и въсвояси възвратишися [1, стб.15].

Из этого летописного сообщения мы видим, что русы во главе с Аскольдом и Диром пришли к Константинополю на двухстах кораблях. Каждый корабль вмещал 40 человек, и таким образом русов было 8000 человек. Правда иногда пишут, что флотилия русов насчитывала 360 кораблей, и тогда их было 13000.

Императором Византии в это время был Михаил III. Как раз в это время он совершил поход против арабов. Он находился у р. Мавропотам (Чёрная речка) предположительно она находилась в Малой Азии. К нему были отправлены послы с сообщением о набеге русов.

Тем временем, осадив Константинополь и проникнув в бухту Золотого Рога русы начали беспрепятственно грабить окрестности города. Византийские авторы как обычно преувеличивали жестокость русов.

Разграбив окрестности города русы приступили к его осаде. Одни из них рыли подкоп под стены, а другие пытались возвести вровень со стеной земляную насыпь.

В летописном известии говорилось о возвращении в город императора. Но это является вымыслом. Михаил не успел бы это сделать. В отсутствии императора обороны города руководил патриарх Фотий.

Далее якобы защитники города решили прибегнуть к заступничеству Богородицы. Риза пресвятой Богородицы была погружена в море. До этого море было спокойным, но затем поднялся ветер и суда русов были разбиты бурей.

Фотий приводил более прозаическую версию произошедшего. Ризу пресвятой Богородицы просто обнесли по стене и после этого русы сняли осаду.

В то же время венецианский историк конца X – начала XI вв. Иоанн Диакон несколько иначе описывал итоги этого похода:

«В это время народ норманнов на трёхстах шестидесяти кораблях осмелились приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое количество народу, и так с триумфом возвратились вовсояси [4]. То есть венецианский историк считал, что русы не стремились к захвату Константинополя и захватив богатую добычу ушли.

«Повесть временных лет» датировала призвание Рюрика 862 г. и называла Аскольда и Дира дружиными Рюрика. По летописной версии они отпросились у Рюрика в Константинополь, но по дороге закрепились в Киеве. Именно поэтому данный поход был датирован 866 г.

Однако нет оснований приписывать данный поход именно Аскольду и Диру. Тем более, что большинство историков сомневаются в реальности существования Дира. Также нет оснований вообще приписывать этот поход днепровским русам.

Как уже говорилось, призвание варягов большинство историков датируют 862 г. Рюрик прибыл, скорее всего, в Ладогу. В это время сведений о днепровских русах в летописи не содержится. Жившие около Киева поляне платили дань хазарам. Они не могли собрать такую многочисленную дружибу 8 – 13 000 воинов и совершить довольно успешный поход против Константинополя.

Историк русской церкви Е. Е. Голубинский доказал, что в летописи была допущена хронологическая ошибка. Поход русов на Константинополь следует датировать 860 г. [2, с. 38].

Н. Ф. Котляр приписывает данный поход Аскольду единолично и датирует его 860 г. Историк справедливо отмечает, что в «Повести временных лет» он был ошибочно датирован 866 г. [3, с.33].

Можно сделать вывод, что поход искусственно был приписан киевским князьям Аскольду и Диру. Он был совершён ранее их появления в Киеве. Скорее всего, данный рейд был осуществлён черноморскими русами. Они и раньше и после этого неоднократно совершали походы на Каспий и против крымских владений Византии. Обо всех этих походах ничего не сообщалось в летописи. Возможно, что и этот поход остался бы не известным, но он был приписан днепровским русам.

Если не рассматривать совершенно легендарную историю спасения Константинополя при заступничестве Богородицы следует признать, что этот поход был единственной удачной акцией русов, направленной против Константинополя. Поход Олега, скорее всего является вымыслом летописца. Византийские историки ничего не сообщали о нём.

Список литературы

ХОД И ИТОГИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Князев А.В.

научный сотрудник, канд. техн. наук,

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Россия, г. Воронеж

Бобрикёв К.С.

младший научный сотрудник,

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Россия, г. Воронеж

В статье рассматривается ход специальной операции по обеспечению проведения референдума в Автономной Республике Крым. Анализируются итоги операции, комплекс мероприятий и обстоятельств, обеспечивших успешность операции. А также причины перехода военнослужащих Вооруженных Сил Украины на российскую сторону.

Ключевые слова: Украина, Российская Федерация, Автономная Республика Крым, Евромайдан, отряды самообороны, вооруженные силы.

Евромайдан, или «Революция Достоинства», как называют на Украине, произошедшую смену власти в феврале 2014 г., вызвал крупнейший политический

кризис в новейшей истории Украины с 1991 г. Если жители западных областей восприняли революционные события с энтузиазмом, то Юго-восток и Крым отка-
зались принять новую власть, ввиду ее прозападной, антирусской позиции.

В Автономной Республике Крым (АРК), на улицы городов вышло местное население с протестами о непризнании государственного переворота и с требованием самоопределения для жителей полуострова. Им в противовес выступили Меджлис крымскотатарского народа и некоторое число сторонников Евромайдана, организовав акции в поддержку Киева. В Севастополе крымчане при поддержке милиции и ГАИ установили блокпосты, с целью не допустить проникновения активистов «Правого Сектора» и других радикалов, заявивших о желании «навести порядок в Крыму».

Тем временем в ночь с 22 на 23 февраля российскими специальными подразделениями была проведена операция по эвакуации президента Украины В. Януковича в безопасное место на территории Крыма.

Правительство Российской Федерации, силовые структуры и лично президент В.В. Путин, оценив сложившуюся на Украине ситуацию, пришли к выводу, что возглавившие страну в результате антиконституционного переворота, при полной поддержке стран Запада, силы, занимают крайне антироссийскую, укронационалистическую позицию. И что в ближайшем будущем на границе с Россией возникнет еще одно недружественное государство, стремящееся не только в Евросоюз, но и в НАТО. Находясь под сильнейшим влиянием США и его союзников, новая украинская власть будет олицетворять, прежде всего, интересы своих покровителей даже в ущерб интересам национальным. Все это в совокупности, создаст крупнейшую угрозу национальной безопасности РФ и Черноморскому флоту в частности.

Вместе с тем, обратив внимание на протестные акции в Крыму, где одной из ключевых идей было возвращение АРК в состав России, беря за основу Косовский и другие подобные прецеденты, а также нормы международного права В.В. Путин 23 февраля 2014 г. поставил руководителям силовых ведомств задачу «начать работу по возвращению Крыма в состав России» [17].

В этот же день события в Крыму приобретают все более радикальный и интенсивный характер. Под давлением пророссийских протестующих начинается смена исполнительных органов местной власти, как не олицетворяющих интересы народа Крыма. Формируются отряды местной самообороны.

24 февраля президиум Верховного совета АРК принял заявление о ситуации в стране, в котором отметил, что в Крыму ожидают скорейшего разрешения кризиса, «подрывающего экономическую безопасность государства», и о важности перехода политического процесса «с улиц и площадей в стены Верховной Рады Украины» [13].

Вечером того же дня в Симферополь прибывают российские депутаты во главе с председателем комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Слуцким. Они проводят ряд переговоров с представителями крымской власти и лидерами местных политических партий, в том числе с лидером партии Всекрымское общественно-политическое движение «Русское единство» С.В. Аксеновым и заместителем Председателя Верховного Совета Автономной Республики Крым С.П. Цековым [16].

25 февраля у здания Верховного Совета АРК состоялся очередной митинг, на котором участники выдвинули требование к Верховному Совету взять на себя

всю полноту власти в Крыму, игнорировать указания Киева, а также провести референдум о статусе Крыма – вхождении в состав России, сохранении полуострова в составе Украины или провозглашении независимости.

Сторонники Меджлиса, пытаясь не допустить дальнейшего развития событий в попытке самоопределения АРК, 26 февраля предприняли попытку захвата крымского парламента. На этом фоне, российские части специального назначения, получают приказ обеспечить возможность свободного волеизъявления крымчан и работу органов местной власти. И уже 27 февраля российский спецназ занимает ряд административных зданий. Как отмечал бывший руководитель СБУ В. Наливайченко, это и близко не стояло к захвату, скорее это была мирная целенаправленная передача. Получив возможность осуществлять свою деятельность, депутаты Верховного Совета АР Крым отправляют в отставку правительство А. Могилева, заявившего о готовности исполнять указания из Киева, и на его место назначают главу партии «Русское единство» С. Аксенова, занимающего пророссийскую позицию.

На 27 февраля 2014 г. на территории Крыма существовало следующее соотношение сил. К пророссийским можно было отнести отряды самообороны, добровольцев из числа казаков и российских общественных организаций, местную полицию, ГАИ и «Беркут», российские войска без опознавательных знаков. К украинским силам принадлежали воинские части ВС Украины, отдельные отряды Меджлиса, активисты Правого Сектора и других радикальных организаций.

Утром 27 февраля блокпосты на Перекопском перешейке и на полуострове Чонгар были заняты крымским «Беркутом», к которому присоединились их коллеги с других регионов. А уже ночью отрядами самообороны и российскими военнослужащими были блокированы международные аэропорты Севастополя и Симферополя, с целью недопущения высадки на них украинских войск и активистов. При этом сотрудники МВД занимали позицию благожелательного не вмешательства, хотя если бы события приобрели вариант вооруженного столкновения, они, с большой долей вероятности, заняли бы сторону отрядов самообороны. Также российскими подразделениями была блокирована авиабаза Бельбек, где дислоцировалась в/ч № 4515 [30]. В последующем интенсивность действий российских войск шло по нарастающей.

28 февраля ракетный катер ЧФ заблокировал выход из Балаклавской бухты в море, тем самым преградив путь кораблям и катерам бригады Государственной пограничной службы Украины. Также был блокирован отряд морской охраны погранвойск в Балаклаве. А с материка на полуостров в районе аэропорта «Кача» совершили перелет 10 российских боевых вертолетов. В Симферополе в оцепление была взята в/ч на улице Крейзера и в районе расположения полигона НИТКА и аэродрома ВМСУ (Саки), захвачен аэродром в пгт Новофёдоровка Сакского района [3]. Помимо военных объектов контроль при содействии отрядов самообороны был установлен над государственным предприятием «Крымаэрорух», обеспечивающим полёты над территорией полуострова, Керченской переправой, теле и радио центрами, узлами связи и пр. Через Керченскую переправу началось движение войск и военных грузов, украинские пограничники в происходящее предпочли не вмешиваться, ожидая дальнейшего развития событий.

Повлиять на ситуацию, а скорее поднять свой рейтинг, попытался народный депутат Украины и будущий ее президент П.А. Порошенко, прибывшим для встречи с депутатами Верховного Совета Крыма. Однако встреченный пророссийскими активистами, он был вынужден вернуться назад ни с чем.

28 февраля также ознаменовалось прибытием на авиабазу Гвардейское, по разным данным от 5 до 13 самолетов со спецназом ГРУ и подразделениями ВДВ [30].

Мероприятия по блокированию украинских воинских частей продолжались до 1 марта. Украинским военнослужащим предлагалось подчиниться крымской власти. Параллельно велось укрепление стратегических объектов.

1 марта Совет Федерации РФ удовлетворил официальное обращение В.В. Путина о разрешении на использование российский войск на территории Украины. Однако к тому времени они фактически уже использовались для защиты населения в Крыму [25]. ВС РФ совместно с пророссийскими активистами заняли и охраняли административные здания, блокировали, не подчинившиеся власти Крыма, украинские воинские части, поддерживали правопорядок на улицах.

Назначенный новыми украинскими властями 1 марта 2014 г., командующим ВМС Украины контр-адмирал Д. Березовский, отдал приказ военным частям в Крыму не оказывать сопротивления российским войскам и сложить оружие в случае блокирования воинских частей и военных городков [10]. За что на следующий день был снят с должности и тут же назначен С.А. Аксеновым, командующим ВМС Автономной Республики Крым [14]. После встречи с Аксеновым глава крымской милиции И. Авруцкий подал в отставку, на его место был назначен С. Абисов, лояльный крымской власти. Городской совет Севастополя проголосовал за отказ подчинению новым украинским властям и поддержали проведение референдума [9].

В это же время в порт Феодосии зашел российский десантный корабль «Зубр». Следом в пос. Краснознаменка под Феодосией в оцепление было взято расположение украинского спецподразделения «Тигр».

Располагавшимся в Балаклаве украинским пограничникам было сделано предложение – покинуть часть на своих кораблях, с чем они согласились и отплыли в Одессу [26].

В период с 1 по 2 марта, по украинским данным в порт Севастополя зашли БДК «Калининград», «Минск», «Оленегорский Горняк», «Георгий Победоносец» [19].

2 марта 1-му батальону морской пехоты ВМС Украины был выдвинут ультиматум – в течение часа сложить оружие и передать российским войскам склады с вооружением и боеприпасами [2]. В Севастополе был блокирован штаб ВМС Украины, здание было обесточено. Также была блокирована 36-я бригада береговых войск, дислоцирующаяся в с. Перевальном Симферопольского района [4].

Около тысячи крымских татар попытались выступить в качестве «живого щита» между военнослужащими батальона морской пехоты ВМС Украины (в/ч А-0669) в Керчи и группой вооружённых российских военнослужащих, оцепивших территорию воинской части. С 3 марта украинский флаг был снят, украинские и российские военнослужащие приступили к совместному несению караула [29].

К вечеру 2 марта бескровно были захвачены штабы Азово-Черноморского регионального управления и Симферопольского пограничного отряда Погранслужбы Украины, установлен контроль над одним из украинских дивизионов ПВО в районе мыса Фиолент [28].

Киев, пытаясь остановить разоружение, переход на российскую сторону частей в Крыму и хоть как-то организовать сопротивление, при этом, не втягиваясь в войну с Россией, через коллегию Генеральной прокуратуры Украины сделал заявление: «Военнослужащие Вооружённых сил Украины должны помнить, что они

присягали на верность украинскому народу! Следовательно, выполнение ими требований по сдаче оружия, оставление военной техники и мест дислокации будет расцениваться как государственная измена с соответствующими правовыми последствиями» [11].

В ночь со 2 на 3 марта на заседании крымского Совета министров в торжественной обстановке присягу «На верность народу Крыма» дали начальник Службы безопасности П. Зима, начальник Главного управления внутренних дел С. Абиссов, начальник Главного управления Службы по чрезвычайным ситуациям Сергей Шахов и исполняющий обязанности начальника пограничной службы Виктор Мельниченко.

Однако, не все главы ведомств признали крымскую власть, ей отказались присягнуть начальник Крымского территориального командования внутренних войск Украины Н. Балан, руководитель Государственной пенитенциарной службы Украины в АР Крым и Севастополе О. Грач. Также личный состав крымского СБУ отказалась подчиниться, назначенному правительству Крыма новому руководителю [15].

4 марта С. Аксенов выступил с заявлением о готовности личного состава воинских частей присягнуть народу Крыма, и что в отношении командиров, отказывающихся выполнять его приказы, будут возбуждены уголовные дела; «если в результате действий этих командиров прольется кровь, наказание будет жесточайшее для этих руководителей» [1]. Уже на следующий день он обратился напрямую к военнослужащим ВС Украины дислоцирующихся в Крыму, о гарантии им обеспечить высокий уровень денежного довольствия, полный пакет социальных гарантий, решение жилищной проблемы, трудоустройство членов семей, внеочередное предоставление мест в детских дошкольных и школьных учреждениях.

Также 5 марта ракетный крейсер «Москва» встал у входа в бухту Донузлав, перекрыв выход кораблям ВМС Украины [20].

6 марта 2014 г. Верховным Советом АР Крым было официально принято судьбоносное решение о вхождении в состав Российской Федерации и о референдуме по данному вопросу 16 марта 2014 г. [6]

В ночь с 6 на 7 марта в проливе бухты Донузлав был затоплен спящий большой противолодочный корабль «Очаков», который лёг попрёк пролива, заблокировав выход из бухты украинским судам. Через сутки рядом было взорвано и затоплено спасательное буксирное судно «Шахтер» [12].

9-10 марта российские военные установили контроль над аэродромом морской авиационной бригады ВМС Украины в Саках, автобатом (в/ч А2904) в Бахчисарае, отдельной ракетно-технической частью в Черноморском [31].

12 марта было прервано авиасообщение с Украиной, в связи с угрозами прибытия радикалов, а российские войска заблокировали радиотехнический батальон на горе Ай-Петри [27].

15 марта после провокации был взят под охрану военнослужащими ВС РФ газораспределительная станция, находящаяся на Арабатской стрелке южнее посёлка Стрелковое [18].

16 марта 2014 г. в Крыму, благодаря российской защите, осуществился референдум о самоопределении АР Крым. Абсолютное большинство населения проголосовало за вхождение в состав РФ. Меджлис крымскотатарского народа референдум демонстративно проигнорировал. 17 марта была объявлена независимость от Украины, и провозглашено создание суверенной Республики Крым. И уже на

следующий день между Республикой Крым и Российской Федерации был подписан договор о присоединении Крыма к России, в соответствии с которым в составе России были образованы новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Конечно, украинская власть не могла признать совершившийся факт выхода Крыма из ее состава, и выразила решительный протест, апеллировав к международному сообществу. Хотя среди украинской власти и имелись горячие головы развязать войну с Россией, она ни воспрепятствовать, ни изменить положение вещей уже не могла.

Международное сообщество выразило свое отношение к волеизъявлению крымчан целым комплексом мероприятий, от антироссийской кампании в СМИ до введения санкций, ярко демонстрирующих действенную в сегодняшних международных отношениях политику двойных стандартов. Одним из результатов кампании по дискредитации России стала резолюция ООН от 27 марта 2014 г., где мировое сообщество большинством голосов не признало воссоединение Крыма [21].

18 марта 2014 года в своём обращении к Федеральному собранию президент РФ Владимир Путин заявил: «Мы шли навстречу Украине не только по Крыму... Из чего мы тогда исходили? Исходили из того, что хорошие отношения с Украиной для нас главное, и они не должны быть заложником тупиковых территориальных споров. Но при этом, конечно, рассчитывали, что Украина будет нашим добрым соседом, что русские и русскоязычные граждане на Украине, особенно на её юго-востоке и в Крыму, будут жить в условиях дружественного, демократического, цивилизованного государства, что их законные интересы будут обеспечены в соответствии с нормами международного права. Однако ситуация стала развиваться по-другому. Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции. И конечно, русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного политического и государственного перманентного кризиса, который сотрясает Украину уже более 20 лет» [7].

18 марта со стороны проукраинских сил была совершена очередная провокация. Снайпер открыл огонь как по украинским военнослужащим, так и по бойцам самообороны [24] (напрашивается аналогия с событиями на Майдане) с целью спровоцировать конфликт между российскими и украинскими войсками. Однако стороны смогли разобраться в ситуации и не допустить столкновение.

19 марта местные отряды самообороны, местные активисты и казаки без оружия взяли штурмом штаб ВМС Украины [32].

Ситуация с украинскими военнослужащими требовала окончательного решения. Перед ними был поставлен выбор – либо перейти в российскую армию с сохранением воинского звания, зачастую и должности, либо покинуть Крым и проходить дальнейшую службу, или же, третий вариант – уволиться в запас и продолжить проживание в Крыму. Учитывая, что на территории Крыма проходили службу множество коренных крымчан, а денежное довольствие в ВС РФ и сопутствующий социальный пакет были гораздо выше, чем в ВС Украины, первый вариант был весьма привлекателен.

20 марта корабль управления «Донбасс», спасательный буксир «Кременец» и противопожарный катер «Борщев» Военно-морских сил Украины, которые стояли в Стрелецкой бухте Севастополя, спустили украинские и подняли Андреевские флаги Военно-морского флота России [5].

К исходу дня, после подписания президентом РФ указа о признании воинских званий военнослужащих Украины, командиры и начальники 72 воинских частей, учреждений и кораблей Министерства обороны Украины, дислоцированных на Крымском полуострове, в числе которых 25 судов вспомогательного флота и шесть боевых кораблей Военно-морских сил Украины, приняли решение добровольно перейти в ряды Вооружённых сил РФ для дальнейшего прохождения военной службы [8]. В тот же день Государственная дума РФ приняла федеральный конституционный закон о присоединении Крыма к России.

21 марта Владимир Путин подписал федеральный конституционный закон о присоединении Крыма к России, федеральный закон о ратификации соответствующего договора и указ о создании Крымского федерального округа.

22 марта украинская авиабаза в Бельбеке была взята штурмом [22].

С 24 по 26 марта под контроль российских войск перешли оставшиеся, не подчинившиеся украинские воинские части, в некоторых случаях украинские военнослужащие пытались оказать сопротивление без применения огнестрельного оружия, но безрезультатно. При этом ни у одной из сторон не было ни единой жертвы, что свидетельствует о высоком профессионализме военнослужащих ВС РФ.

На 26 марта во всех 193 дислоцированных в Крыму воинских подразделениях и учреждениях ВС Украины был поднят российский флаг. Со слов начальника ГШ в Крыму осталось служить и принял российскую присягу 15 тысяч с лишним солдат и офицеров. А из заявления и. о. министра обороны Украины Игоря Тенюха, в Крыму и Севастополе находились 18,8 тыс. украинских военнослужащих, из них 6,5 тыс. военнослужащих и членов их семей желают продолжать службу в вооруженных силах Украины [23]. При любом раскладе ситуация явно была не в пользу Украины.

28 марта министр обороны Шойгу сообщил о завершении «организованного вывода» подразделений, продолживших службу в ВСУ, и завершении смены символики на всех кораблях и подразделениях, перешедших на сторону российской армии.

Российские спецподразделения, воинские части и сотрудники ФСБ в специальной операции по обеспечению проведения референдума в Автономной Республике Крым выполнили стоящие перед ними задачи блестяще, проявив высочайший профессионализм, не потеряв ни одного человека личного состава и не допустив кровопролития в Крыму. Высокую оценку операция получила за рубежом. По мнению ряда иностранных военных экспертов, во время крымских событий российская армия продемонстрировала миру новую военную концепцию, которая в западных военных кругах получила название «войны нового поколения» или «гибридной войны». Т.е. Российская Федерация помимо военного вмешательства, в операции в АРК задействовала пророссийски настроенных активистов, организовала с помощью них и внешнего давления смену власти в Крыму, сумела создать для своих действий благоприятное информационное поле, совместно с атаками в киберпространстве, а также в совокупности всех этих действий деморализовала украинские части и свела их сопротивление к минимуму. Однако зарубежные аналитики зачастую закрывают глаза на ряд существенных фактов, коренным образом, повлиявших на успех операции. Прежде всего, большинство жителей Крыма еще до переворота на Украине весьма благожелательно относились к России, и идея присоединения к России не стала чем-то новым в феврале-марте 2014 г. Майдан послужил лишь катализатором в реализации этих идей. Во-вторых, в украинских частях, дис-

лоцирующихся в Крыму, служило множество крымчан, а учитывая плачевное на тот момент материальное положение украинских военнослужащих, они не могли не разделять взгляды своих соотечественников. Низкий уровень денежного довольствия и престижа службы в украинской армии, и диаметральная противоположность в армии российской, также послужили тому, что украинские военнослужащие с материка остались в Крыму и приняли российскую присягу. К тому же личный состав украинских частей понимал, что при вооруженном столкновении их позиции будут смыты превосходящей по выучке, вооружению и технике, да и по боевым возможностям в целом российской армией. Безусловно, также подействовали многочисленные личные контакты между российскими и украинскими военнослужащими, предшествующие крымской операции, а учитывая не просто близость, а родственность культур, создание между ними благоприятных отношений, личной дружбы очевидно. Отсюда, в совокупности вышеизложенного, объясняется филигранная успешность операции.

Список литературы

1. Аксенов пообещал уголовные дела командирам воинских частей, не подчинившимся крымскому правительству // RosUkrinform. URL: <http://rosukrinform.com/category-news/item/12507-aksenov-poobeshchal-ugolovnie-dela>
2. В Крыму 36-я бригада ВСУ решила "стоять насмерть" при атаке силовиков РФ // Обозреватель. 02.03.2014. – URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/82097-v-kryimu-36-ya-brigada-vs-ukrainyi-reshila-stoyat-nasmert-pri-atake-silovikov-rf.htm>
3. В Крыму военные захватывают еще один аэродром // Главред. 28.02.2014. – URL: <http://glavred.info/politika/v-krymu-voennye-zahvatyvayut-esche-odin-aerodrom-272557.html>
4. В Перевальном под Симферополем российский спецназ отошел от пропускного пункта украинских войск // События Крыма. 02.03.2014. – <http://www.sobytiya.info/news/14/39042>
5. В Севастополе три корабля ВМС Украины подняли российские флаги // Независимое бюро новостей. 20.03.2014. – URL: <http://nbnews.com.ua/ru/news/116173/>
6. Верховный совет Крыма принял принципиальное решение о вступлении автономии в состав РФ //ТАСС. 06.03.2014. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1025711>
7. Владимир Путин: Мы не могли оставить жителей Крыма в беде. Это было бы предательство // Комсомольская правда. 18.03.2014. – URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/26207/3093029/>
8. Горелова М. Перейти на службу к России решили 72 украинских воинских подразделения в Крыму // Комсомольская правда. 21.03.2014. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/1690323/>
9. Горсовет Севастополя отказался подчиняться новой власти на Украине // Независимая Газета. 01.03.2014 – URL: <http://www.ng.ru/news/459297.html>
10. ГПУ завела дело о "госизмене" на экс-командующего ВМС Березовского за приказ сдать оружие войскам РФ // ZN.UA. 02.03.2014. – URL: https://zn.ua/POLITICS/gpu-zavela-delon-na-otstranennogo-komanduyuscheho-vms-berezovskogo-gosizmena-za-prikaz-sdat-oruzhie-voyskam-rf-140186_.html
11. ГПУ предупредила: сдача оружия и дезертирство будут расцениваться как госизмена // Обозреватель. 03.03.2014. – URL: <https://www.obozrevatel.com/politics/94615-gpu-predupredila-sdacha-oruzhiya-i-dezertirstvo-budut-rastsenivatsya-kak-gosizmena.htm>
12. Затопленные в Черном море у Крыма военные корабли ЧФ России «Очаков» и «Шахтер» нанесут экологический вред среде. – URL: <https://neftegaz.ru/news/view/120976->

Zatoplennye-v-Chernom-more-u-Kryma-voennye-korabli-ChF-Rossii-Ochakov-i-Shahter-nanesut-ekologicheskiy-vred-srede

13. Заявление Президиума Верховной Рады Автономной Республики Крым от 24 февраля 2014 г. – URL: <http://allpravda.info/content/4275.html>
14. Командующий ВМС Украины присягнул народу Крыма // KM.RU. 02/03/2014. – <http://www.km.ru/world/2014/03/02/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/733671-komanduyushchii-vms-ukrainy-prisyagnul-na>
15. Крымские сотрудники СБУ отказались подчиняться "новому режиму" // Новости Украины. 04.03.2014. URL: <https://glavnoe.ua/news/n168014>
16. Кузнецова О. Россия не обещает Крыму воссоединение. Но может рассмотреть вопрос об упрощенной выдаче паспортов крымчанам // Коммерсант. 25.02.2014. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2416125>
17. Меликян Т. «Мы поддержали своих» Путин раскрыл подробности операции по присоединению Крыма // lenta.ru. 15.03.15. – URL: https://lenta.ru/articles/2015/03/15/putin_crimea/
18. Неизвестные пытались вывести из строя газопровод на Арабатской стрелке в Крыму // Военное обозрение. 16.03.2014. – URL: <https://topwar.ru/41543-neizvestnye-pytaliv-vyvesti-iz-stroya-gazoprovod-na-arabatskoy-strelke-v-krymu.html>
19. Петров К. Украинская погранслужба заявила о вторжении четырех больших десантных кораблей России // Русская Планета. 03.03.2014. – URL: <http://rusplt.ru/news/ukrainskaya-pogranslujba-zayavila-o-vtorjenii-chetyireh-bolshih-desantnyih-korabley-rossii-101325.html>
20. Ракетный крейсер "Москва" блокирует выход из озера Донузлав. – URL: <https://crimea.vgorode.ua/news/sobytyia/213851-raketnyi-kreiser-moskva-blokuet-vykhod-yez-ozera-donuzlav>
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/262. – URL: https://wiki2.org/ru/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_68/262
22. Российские военные взяли штурмом авиабазу в Бельбеке. – URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Российские_военные_взяли_штурмом_авиабазу_в_Бельбеке
23. Российские военные взяли штурмом базу украинских ВВС в Бельбеке – команда части сейчас везут на переговоры // Эхо Москвы. 22.03.2014. – URL: <https://echo.msk.ru/news/1284882-echo.html>
24. Свыше 15 тыс. украинских военнослужащих в Крыму перешли на службу в силовые структуры РФ // ТАСС. 26.03.2014. – URL: <http://tass.ru/politika/1074879>
25. Симферопольский снайпер одновременно стрелял по бойцам самообороны и украинским военным // Russia Today. 18.03.2014. – URL: <https://russian.rt.com/article/24579>
26. Совет Федерации разрешил Путину ввести войска на Украину // Интерфакс. 01.03.2014. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/362043>
27. Украинские пограничники покидают Крым, а на Донузлаве корабли вывели на середину бухты // Главред. 18.03.2014. – URL: <http://glavred.info/politika/ukrainskaya-pogranichniki-pokidayut-krym-a-v-simferopole-korabli-vyveli-na-sredinu-buhty-donuzlav-274478.html>
28. Что сейчас происходит Крыму: новые захваты, баррикады и автоматчики на Ай-Петри// Однако. 13.03.2014. – URL: <http://odnako.su/news/politics/-34327-chto-seychas-proishodit-krymu-novye-zahvaty-barrikady-i-avtomatchiki-na-ay-petri/>
29. Ширяев В. «Вежливые люди» в Крыму: как это было // Новая Газета. 17.04.2014. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/17/59255-171-vezhlivye-lyudi-187-v-krymu-kak-eto-bylo>
30. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крымский_кризис
31. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=856>
32. URL: https://wiki2.org/ru/Крымский_кризис
33. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xsk87r89w8U>

**ДЕТСКИЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ
В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛАХ БРЯНСКОГО УЕЗДА
ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (к. XIX – н. XX вв.)**

Матюхина О.А.

заведующий музеем, Брянский государственный технический университет,
Россия, г. Брянск

В статье рассматриваются традиции подготовки и проведения зимних школьных праздников учащимися низших учебных заведений духовного ведомства (на примере церковно-приходских школ г. Брянска и Брянского уезда Орловской губернии) в к. XIX – н. XX вв. Отмечено, что воспитательный процесс, занимавший в церковно-приходских школах первостепенное место, не прерывался даже во время праздничных мероприятий.

Ключевые слова: церковно-приходские школы, попечительский комитет, школьные праздники, ёлочные украшения, духовно-нравственное воспитание.

Традиции проведения школьных праздников в церковно-приходских школах Российской империи стали складываться во второй половине XIX в. К началу XX в. существовало два официальных праздника, которые ежегодно торжественно отмечались во всех синодальных школах – Рождество Христово и День памяти святых Кирилла и Мефодия, первых славянских учителей. Рождество Христово являлось одним из самых любимых у детей праздников. С ним было связано много интересных и весёлых традиций и, что немаловажно для учащихся детей, зимние каникулы.

Рождественские ёлки устраивали в период школьных каникул, которые обычно начинались после 20 декабря и продолжались до 7 января по старому стилю. Случалось, проведение праздничных мероприятий переносилось на более поздний срок – после окончания каникул. Так, праздник в Свенской церковно-приходской школе в 1896 г. состоялся 12 января. Его передвинули, совместив с празднованием 10-летия открытия школы [2]. Для учащихся младших классов праздничные мероприятия проводились обычно утром или в первой половине дня. Отсюда, вероятно, появилось знакомое нам название «детский утренник». Дети постарше собирались на рождественскую ёлку в вечернее время.

В школах духовного ведомства большое внимание уделялось воспитанию в учащихся добрых духовно-нравственных основ. Детские праздники являлись частью воспитательного процесса, проводимого синодальными школами, и должны были быть отзвуком церковных торжеств в память Рождества Христова. Поэтому организаторы детских праздников старались, чтобы и праздничные мероприятия развивали в воспитанниках религиозность и оставляли «особое впечатление в душах детей, которое могло бы всегда служить связующим звеном для них со школой» [4, с. 78]. Для этого духовным ведомством издавались методические пособия в помощь учителям и заведующим школами, содержащие рекомендации и сценарии к праздничным мероприятиям.

Подготовка детских праздников была заботой попечительских комитетов учебных заведений, в состав которых входили заведующие школами, учителя, попечители (благотворители) и родители. Так, в Брянске и Брянском уезде праздники в школах устраивались на средства П.С. Могилевцева (попечителя Спасо-гробовской церковно-приходской школы), М.К. Тарловской (преподавательницы

Привокзальной церковно-приходской школы), городского головы В.И. Сафонова (попечителя женской церковно-приходской школы), А.Н. Комарева (попечителя Свенской церковно-приходской школы), М.И. Баженовой и др. [1]

Подготовку к зимним школьным праздникам начинали заранее: разрабатывалась программа выступлений, проводились репетиции. В концертную программу традиционно включалось чтение стихов А.Н. Плещеева, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, М.Ю. Лермонтова, басен И.А. Крылова, рассказов известных писателей (Н.В. Гоголя, Д.Н. Кайгородова и др.), хоровое пение (фрагмент из концерта № 6 Д.С. Бортнянского «Слава в вышних Богу»), постановка музыкальных сценок и пьес (сцена «Смерть Сусанина» из оперы М.И. Глинки «Жизнь за Царя»), просмотр «туманных картин» на рождественскую тематику.

Много приятных хлопот было при изготовлении ёлочных украшений. В церковно-приходских школах было не принято украшать ёлки дорогими покупными игрушками, их наряжали в основном украшениями детской ручной работы. Под руководством учителей дети клеили из цветной бумаги длинные цепи гирлянд, которыми обматывали ёлку, флаги и золотые хлопушки с кружевными бумажными манжетами. Из разноцветных тканей (например, коленкора) «крутили» пышные бутоны роз, из фольги вырезали звездочки и снежинки. Особого мастерства требовало золочение и серебрение еловых шишек, яичных скорлупок и грецких орехов (выбранную основу оборачивали листочком сусального золота и кисточкой снимали лишнее). Это задание поручали самим умелым и аккуратным ученикам. Из тонких листов латуни вырезали фигурки животных, рыб, бабочек, птиц, сердца. Обязательно присутствовала рождественская атрибутика: звездочки, венки, трубы, колокольчики, фигурки ангелов. Из цветной бумаги делали пакеты для сладостей [5, с. 48-51]. Эта предпраздничная подготовка доставляла детям немало удовольствия. По мнению педагогов, процесс украшения ёлки развивал в детях эстетическое чувство и интеллектуальные способности, отвлекал их от занятий «не подходящих для детского возраста» [5, с. 44].

Накануне торжества оформляли помещение. На одной из центральных стен устанавливали портрет императора, иногда вместе с императрицей. Портреты обрамляли гирляндами из еловых веток и искусственных цветов. Такие же гирлянды украшали остальные помещения школы. Перед иконами зажигали праздничные лампады. В некоторых школах, если позволяло помещение, устанавливали эстраду (сцену), которую украшали драпировками, еловыми ветками и подсветкой из лампочек. В тех случаях, когда школьное помещение было невелико, рождественские праздники для детворы устраивались в частных домах или залах учреждений. Так, командир 144-го Каширского полка полковник Е.А. Скупио в 1896 г. «устроил у себя на первый день праздника ёлку; застрельщиками вечера явилось юное поколение, которое веселилось от души» [3]. В том же году житель г. Брянска В.Н. Шеншин организовал детский бал с ёлкой в помещении общественного собрания. Бал «был устроен с большим вкусом» и прошел весело [3].

Всё внимание на детских праздниках было обращено к ёлке. Вошедшая в русскую новогоднюю традицию по указу императора Петра I, ёлка к началу XX в. была уже незаменимым атрибутом всех зимних праздников. Как отметил в 1898 г. священник, педагог и воспитатель Е. Швидченко, автор одной из первых в России работ, посвященных рождественской ёлке, «редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает для детей ёлки» [5, с. 43]. Особенностью украшения детских ёлок были развешанные на них сладости, орехи и мелкие по-

дарки, которые по завершении праздника снимали с веток и раздавали детворе. Вот как выглядела лесная красавица, установленная в одной из церковно-приходских школ Брянского уезда: «Гигантская ёлка была выдвинута на середину и зажжена. Убранная сотнями бус, разукрашенная блестящими шариками и другими ёлочными украшениями, увешанная сластиами, ёлка как магнитом притягивала к себе взоры всех, а в особенности детей» [5, с. 80]. Часто праздник проводили в двух смежных комнатах: в одном помещении собирались дети и гости, здесь же ставили стол для чаепития; в соседнем – стояла наряженная ёлка, проводились игры, хороводы и выступления детей. Если для торжества имелось только одно помещение, ёлку покрывали тканью, которую снимали в особо торжественный момент праздника для наиболее яркого эффекта.

Открывались праздники очень торжественно. Нарядных детей выстраивали по обе стороны помещения, родители и гости располагались на приготовленных стульях. Торжество начиналось с поздравления заведующего школой, иногда – архиерея, при посещении им учебных заведений, или епархиального наблюдателя школ. Детей поздравляли, желали им успешной учебы и обязательно говорили несколько назидательных слов. Пример такого школьного праздника, состоявшегося в 1903 г. в брянской Спасо-гробовской церковно-приходской школе, остался на страницах «Орловских епархиальных ведомостей». Его описание приведено с сокращениями: «В 6 часов вечера дети были в соборе, ожидая желанной минуты открытия ёлки. Наконец открыты были двери классной комнаты, и детскому взору предстала зажженная ёлка. Нельзя изобразить восхищение детей, которое сказывалось в жестикуляции и взглядах, полных ожидания и радости. Они переводили взоры с игрушки на игрушку, с ёлки на переднюю стену комнаты, где помещались в центре икона в двухъярусном киоте, а с боков – портреты Государя и Государыни, искусно декорированные. Гирлянды из хвои и цветов спускались до самого пола. С противоположной стороны был накрыт стол с разноцветными кульками гостинцев для детей. Вся эта новая обстановка школьной комнаты производила чарующее впечатление на детей. Любопытству и восхищению их не было бы конца, если бы их тут же не пригласили пропеть тропарь праздника.

Начался литературно-вокальный вечер. Одна из учениц старшего класса умело и толково прочитала статью Д. Кайгородова «История и происхождение ёлки»... Детский хор исполнил «Марш Преображенцев». Три мальчика вслед за тем сказали в лицах басню Крылова «Два мужика», а девочка прочла стихотворение Пушкина «Кочубей». Хор пропел «Слава Русскому Царю». Наконец, между декорированными портретами загорелся красный бенгальский огонь, ярким светом осветил всю комнату, и хор детских голосов дружно начал народный гимн «Боже, Царя храни»... Торжество закончилось раздачей гостинцев и подарков с ёлки» [5, с. 81-83].

Праздничные подарки для детей в каждой школе готовились в зависимости от имеющихся средств. Обычно в небольшой церковно-приходской школе дарили учебные принадлежности (карандаши, альбомы). В городских школах, имевших попечителей, мальчикам дарили отрезы материи (кумача, казинета) на рубашки и верхнюю одежду, девочки получали атласные бонбоньерки (коробочки для конфет). Традиционным подарком были книги. Такое приобретение очень радовало детей, так как далеко не каждая семья могла позволить покупку детских, иллюстрированных печатных изданий. Однако чаще всего дарили сладости в пакетах

«на дом». Иногда в школах устраивались чаепития для гостей и детей, угождением были конфеты, пряники, орехи.

Обязательным элементом праздника являлся хоровод и игры у ёлки. Вот как это происходило, например, в Фошнянской церковно-приходской школе: «Всеми учениками и ученицами исполнено было несколько хороводных песен вокруг ёлки, после чего последовала раздача по билетам ёлочных украшений, подарков и гостинцев. Затем в течение часа были детские игры» [5, с. 80]. В завершение праздника в некоторых школах устраивали иллюминацию: запускали фейерверки и зажигали бенгальские огни. Это яркое зрелище собирало жителей из окрестных домов, соседних улиц и надолго запоминалось детворе.

Таким образом, школьные праздники занимали важное место в жизни воспитанников. У детей имелась возможность дополнительного общения в рамках организованного досуга, опыт театрализованных постановок давал возможность проявить свои таланты, радостные минуты получения подарков надолго сохранялись в памяти. В программы детских праздников обязательно был включен воспитывающий элемент.

Много доброго из той далекой школьной жизни сохранилось и присутствует в современных детских воскресных школах РПЦ. Это важно отметить, потому что традиции формируют историческую память и дают духовно-нравственную основу нашим детям.

Список литературы

1. Брянский вестник. № 1, 1 (13) января 1895 г.
2. Брянский вестник. № 59, 05 января 1896 г.
3. Брянский вестник. № 60, 12 января 1896 г.
4. Школьные рождественские праздники // Орловские епархиальные ведомости. № 4. Отдел неофициальный. Орел, 1903. С. 77-83.
5. Сальникова А. История елочной и игрушки, или Как наряжали советскую елку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. -240 с.: ил.

БЫВШИЕ БЕЛЫЕ ОФИЦЕРЫ И ЧИНОВНИКИ БЕЛОЙ АРМИИ НА СЛУЖБЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИТА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАССР

Садыков Ш.Ф.

старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук,
ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан»,
Россия, г. Казань

В данной статье изучены дела бывших белых офицеров и военных чиновников белых армий, направленных в ряды Татнаркомпроса. Все данные лица были на особом учете отделов ВЧК и их дела шли под грифом «совершенно секретно». В результате изучения архивных материалов нами было выявлено более 80 человек направленных в Татнаркомпрос. Анализ материалов и имеющихся личных дел показал, что несмотря на принудительное распределение это были не чужие люди в области образования с достаточным багажом знаний и профессиональными качествами.

Ключевые слова: бывшие белые офицеры и чиновники, Татнаркомпрос, Татнаркомтруд, рабочая сила, учет и распределение.

Распад царской империи в России привел к противоборству различных сил за будущую власть в стране. В результате этих противоборств новая власть большевиков одержала победу. После поражения основных Белых армий (первая половина 1920-х годов) возник вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных и перебежчиках. В победе сил Красной армии участвовали и бывшие белые офицеры. Нужно отметить, что уже в 1919 году (16 апреля) была создана особая временная комиссия по учету бывших офицеров. Бывшие белые офицеры и военные чиновники из плененных и перебежчиков были на особом учете отделов ВЧК. После «фильтрации» они направлялись в войска на командные должности соответственно специальности – «как правило», в действующие или запасные части Западного фронта или внутренних округов, по соглашению с особым отделом ВЧК [1, с. 67]. Однако завершение гражданской войны в начале 1921 года поставил вопрос о сокращении численности армии. И это в первую очередь коснулось бывших офицеров и чиновников Белой армии. Становление нового советского государства происходило в трудных экономических и политических условиях. Одним из острых вопросов было удовлетворение спросов на рабочую силу. Для решения данного вопроса использовались различные способы и методы – начиная с добровольной вербовки рабочих, мобилизации и заканчивая использования царского трудового потенциала в лице бывших белых офицеров и чиновников Белой армии.

31 марта 1921 года издается приказ Народного комиссариата труда ТССР №109 (основанный на телеграфное распоряжение НКТ РСФСР от 13.02.1921 г. за №60), согласно которого все бывшие белые офицеры и чиновники из числа военнопленных и перебежчиков Белой армии передаются в распоряжение Начпомтруда для использования по специальности в гражданских учреждениях. Одними из правил приказа была строгая прикрепленность к рабочему месту. Все лица, направленные Рабочей силой в гражданские учреждения и профессиональные организации, не имели права, без ведома Управления распределения и учета рабочей силы и санкции Наркомтруда, переходить в другие учреждения, даже из отдела в отдел. Кроме того, при приеме в учреждения и организации они должны были иметь как регистрационные карточки Особого отдела ВЧК при Штабе Запармии Республики, так и учетные карточки Управления Распределения и Учета рабочей силы. Без данных документов прием на работу воспрещался. После приема на работу, учреждения и организации обязаны были выдавать удостоверение личности в установленной форме.

Сегодня в отчетах деятельности Татнаркомтруда имеются статистические данные за 1921 год о распределении бывших белых офицеров и военных чиновников Белых армий, которые позволяют увидеть масштаб задействованных резервов. Так в апреле Управлением Рабсилы было принято от Штаба Запармии 184 человека бывших офицеров и военных чиновников Белых армий, которые согласно телеграммы НКТ РСФСР от 5.04.1921 г. №3 распределены по различным учреждениям [5, д.78, л.11]. В мае через Отдел прошло 18 бывших офицеров, переданных в распоряжение Наркомтруда, Штабом Приволжского военного округа для назначения по специальности на гражданские должности, которые были распределены по Учреждениям города Казани [Там же, д.78, л.19 об.]. В июне в распоряжение Татнаркомтруда из Татвоенкомата были переданы 305 человек [Там же, д.78, л.25]. В июле в гражданские учреждения назначены 169 человек [Там, д.78, л.30]. В августе 70 человек. Кроме того, в этом месяце состоялось два заседания Особой комиссии при Татчека по снятию с особого учета бывших белых офицеров и чиновников во-

енного времени. В результате из 13 заявлений 8 ходатайств было удовлетворено, что позволяло заявителям быть переведенным на службу (работу) по месту жительства [Там же, д.78, л.35]. С 1 октября по 31 декабря были распределены по учреждениям Казани 227 человек [Там же, д.78, л.78]. Таким образом, начиная с апреля по конец декабря, через Татнаркомтруд прошло 973 бывших белых офицеров и военных чиновников Белых армий, которые были успешно распределены по учреждениям и организациям города. К сожалению, в отчетах нет информации, куда именно направлены данные лица, и в каком количестве. В данной статье мне бы хотелось остановиться на тех белых офицерах и чиновниках, которые были распределены в Народный комиссариат просвещения Татарской АССР (Татнаркомпрос). Сегодня в национальном архиве Республики Татарстан сохранены дела по учету белых офицеров и чиновников, состоявших на службе в Татнаркомпросе за 1921 год. Есть и отдельные анкеты, которые содержат информацию именно о сотрудниках среднего звена. В данном анкетном листе 38 пунктов, в том числе: со словная принадлежность, национальность, образование, состояние здоровья, знание языков, был ли кадровым офицером или призван по мобилизации, либо добровольцем в 1914 г. при объявлении войны, наличие военного образования, какие должности занимал в старой армии, какую должность занимает ныне и с какого времени, состав членов семьи и их местожительство, где и когда попадал в плен, ранения, знаки отличия, участие в революции 1905 года, отношение к Февральской революции, подвергался ли репрессиям, принадлежал ли к какой-либо партии, кто Вас знает из видных партийных деятелей с указанием двух лиц и их адресов, склонность к роду деятельности и т.д. [4, д.1, л.3-38].

В марте 1921 года под грифом секретно направляется письмо №537 Наркому просвещения ТАССР Ахмерову от председателя Комиссии и комиссара по использованию и распределению военнопленных и перебежчиков гражданской войны при Красной армии Республики и Приволжского военного округа. В нем говорится о сопровождении из резерва штаба армии бывших офицеров и военноначальников Белой армии для использования их по специальности. Данные лица без санкции председателя не имели права на командировки и отпуска. Лица, получившие медицинское свидетельство об увольнении в кратковременный отпуск или вовсе от службы, могли воспользоваться таковым также только по представлению санкции без права выезда из города Казани. В деле по учету бывших офицеров и чиновников, состоявших на службе в Татнаркомпросе, имеются 16 анкет. Девять из которых заполнены в марте 1921 года (5 анкет – 16 марта, 4 анкеты – 22 марта). Остальные приходятся на апрель, май и июнь месяц. В вышеуказанном письме указывалось и наличие поименного списка на обороте, однако оно нами не было обнаружено. Учитывая, что письмо было направлено в марте, и в конце письма говорилось о приложении анкет, можно предположить, что это были именно анкеты 9 человек (Белоконь П.И., Петухов В.И., Федотов П.В., Титов П.И., Туник Г.С., Прокофьев А.В., Антонов Н.Ф., Суровцев А.А., Манжелиевский Е.Н.). Среди них были как дети крестьян и мещан, так и дети дворян и священников, в основном имевших звания прапорщиков и подпоручиков. Архивные документы позволяют проследить их дальнейшую судьбу в учреждениях народного образования, которые представлены в таблице.

Трудоустройством бывших белых офицеров и чиновников Белых армий занимался мобилизационно-распределительный отдел (который с мая 1921 года объединил работу Управления Учета и распределения Рабсилы ТССР, Казанского

Управления Учраспредрабсилы и мобилизационного Отдела Татнаркомтруда) Наркомтруда ТССР. В дальнейшем через биржи труда, выполняющие функции местных органов распределения сил работники, направлялись в ту или иную сферу деятельности. Это выполнялось согласно требованиям учреждений, в нашем случае Татнаркомпроса. Мобилизационно-распределительный отдел сопровождал определенного человека с приложением карточки с биржи труда. В деле бывших белых офицеров и чиновников имеются карточки биржи труда, в которых указаны на какую должность (в имеющихся карточках это в основном учителя, есть как знающий иностранные языки, актер и т.д.) направляется тот или иной человек.

Однако, даже имея полной алгоритм принятия на службу белых офицеров и чиновников были и отдельные несоответствия. Так, например, согласно акта обследования Горкоммунотдела уполномоченным Кожевниковым был установлен не правильный прием на службу белых офицеров. Нарушения касались распределения бывших белых офицеров Учетным Управлением Запармии без ведома Управления и распределения Рабочей силы Татнаркомтруда [5, д.60, л.9]. Это нарушало приказ согласно которого ни одно военное или гражданское учреждение не имело права производить найм рабочих и служащих помимо Татнаркомтруда и его местных органов. За несоблюдение приказа должностные лица привлекались к ответственности, вплоть до судебной. Все требования на рабочую силу должны были подаваться в отдел Учета Татнаркомтруда. Кроме того, в примечание приказа указывалось, что учреждения и предприятия ежемесячно не позднее 5го числа обязаны предоставлять в Отдел Распределения информацию на бывших белых офицеров и чиновников Белых армий, состоящих на службе в данном учреждении.

В Татнаркомпросе также строго велся учет работников, прикомандированных Рабсилой из числа бывших офицеров. Подотдел личного состава Общего отдела для точного и правильного учета ежемесячно собирал список работников с обозначением занимаемых должностей и приложением карточек Биржи труда. Имеющиеся справки отделов Татнаркомпроса говорят о строгом контроле в данном вопросе. Также важным моментом являлось получение анкет в трехдневный срок в Отделе распределения рабочей силой. Все это закреплялось приказом Татнаркомтруда (5.05.1921 г. №121), согласно которому Наркоматы ТАССР и учреждения должны были высыпаль своих представителей в Отдел мобилизации и распределения рабсилы с установленными удостоверениями уполномочивающих на получение документов на сотрудников из числа бывших офицеров белой армии. Невыполнение данного приказа предполагало предание главу учреждения Суду Ревтрибунала. Данное объявление о необходимости получения анкет было помещено и в газете ТЦИК №84 от 17 апреля 1921 года [2, с. 4].

Переданные Рабсилой в распоряжение Татнаркомпроса бывшие офицеры и чиновники Белой армии, согласно внутреннего приказа распределялись и утверждались по отделам. Несмотря на занимаемые отдельные высокие должности в системе Татнаркомпроса все они числились как запасные школьные работники и пользовались их правами.

Ниже составлен и приведен список бывших офицеров и чиновников, состоявших на службе в различных структурах Татнаркомпроса:

Фам., имя, отчество	Прежний чин	Должность	В каком отделе
Федоров П. Я.	прапорщик	Врид. Секретаря	Организационный от-дел
Чебышев Н. Г.	штабс-капитан	инструктор	Информационный от-дел
Синцов С. В.	прапорщик	инструктор	Организационный центр
Адылев М. Г.	прапорщик	делопроизв-ль	Отдел личного состава
Маштаков Ф. В.	прапорщик	Инструк. (секр-рь)	Отдела Нацмен
Новичихин П. П.	хорунжий	делопроизводитель	Административный отд.
Туник Г. С.	прапорщик	Секретарь	Отдел снабжения
Титов П. И.	подпоручик	агент	Отдел снабжения
Манжелиевский Е. Н.	юнкер	Счетовод	Отдел снабжения
Петухов В. И.	прапорщик	Счетовод	Отдел снабжения
Березкин Е. Т.	прапорщик	Конторщик	Отдел снабжений
Палагутин Г. С.	поручик	Заведующий	Искусствовед.отдел
Варечкин А. Я.	подпоручик	Инструктор	Статистический отдел
Прокофьев А. В.	Прапорщик	Секретарь, делоп-ль	Науч.отд. академцентра
Орлов М. М.	подпоручик	дел-ль, Врид Секр-ря	Общ.отд. татглавсоцво-са
Аммосов П. А.	прапорщик	Секретарь	Дошкольный отдел
Ефремов А. С.	прапорщик	Секретарь	
Мецлер Д. А.	подпоручик	Уп.по эв-ции детей	Татглавсоцвос
Дакучаев П. В.	подпоручик	Счетовод	Финансовый отдел
Белов А. Н.	чин. воен. вр.	Инструктор	Счетно-контр. отдел
Мороз П. Ф.	подпоручик	Инст-р и секретарь	Техн.отд татглавпро-фобр
Коротенко И. Ф.	подпоручик	Завхоз	Садово-огород. техни-кум
Саллукиди В. П.	подпоручик	Заведующий	Садово-огород. техни-кум
Федотов И. И.	подпоручик	Зав.снабжения	Профтехнич.учеб.завед.
Аверкиев М. П.	подпоручик	Зав.секцией	Техн.отд татглавпро-фобр
Фефилов Л. И.	штабс-капитан	Инструктор	Адм.отд. татглавпро-фобр
Феньев Н. Т.	подпоручик	Инстр-р и секретарь	Татглавпрофобр.
Гимос Ф. И.	поручик	Завхоз	Адм.отд. татглавпро-фобр
Шваб Н. А.	подпоручик	Инструктор-ревизор	Адм.отд. татглавпро-фобр
Никитин В. И.	подпоручик	Управ делами	Адм.отд. татглавпро-фобр
Игнатьев М. П.	прапорщик	регистратор	Административный отд.
Антонов Н. Ф.	чин. воен. вр.	переводчик	Академцентр

Данилов А. Н.	прапорщик		Отдел снабжения
Касаткин Н.	прапорщик	Секретарь	Академцентр
Херасков А.П.	поручик	Зав. Дет.распр. №10	Татглавсоцвос
Мазепа Г.Н.	прапорщик	Зав. Дет.распр.№31	Татглавсоцвос
Хохлов Г. П.	подпоручик	Зав. Дет.распр.№2	Татглавсоцвос
Первоганский И.	поручик	Делопроизводитель	Главполитпросвет
Муравьев С.	подпоручик	Делопроизводитель	Татглавполитпросвет
Шулаев Ф.	подпоручик	Делопроизводитель	Татглавполитпросвета
Николаев А.	подпоручик	Делопроизводитель	Татглавполитпросвета
Константинов С.	прапорщик	Инструктор	Отд. ликв. безграмот.
Босов М.	вольноопредел	Инструктор	Татглавполитпросвет
Стулов С.	ст.писарь	Зав.хозчасти	Татглавполитпросвет
Гусев И.	поручик	Делопроизводитель	Библиотечный п/о
Либеров В.	чин.воен.вр.	Делопроизводитель	Татглавполитпросвет
Погорелов В.	чин.воен.вр.	Переписчик	Татглавполитпросвет

Также среди списков, представленных в Татнаркомпрос, фигурируют фамилии, по которым не совсем полно отражена информация в виде нашей таблицы. Поэтому их имена мы решили представить в виде перечисления: Кричигин С.С. статистический отдел, Гончаров, Станиславский оба библиотекаря, Черненко С.А. – воспитатель д/д (детского дома) №22, Змiev Б.Н., Громцев Ф.В. – оба воспитателя д/д №14, Грегушников Н.Ф., Соколов А.Н., Рублевский В.Г., Якобс И.Ф. все четверо воспитатели д/д №28, Янкевич А.В. – учитель музыки д/д №12, Хомицкий М. – заведующий лабораторией отдела снабжения, Аджиев Измаил Секретарь Чувашского подотдела, Разумовский А. – секретарь Всетатарских летних курсов, Дадукин – завхоз подотдела прообразования, Причигин – инструктор статистического отдела, Абдуллин Ф. – инструктор Татглавсоцвоса, Федотов П.В. – инструктор отдела снабжения, Гречушников Н.Ф. (мл.офицер), Страхов А.И. (нач.связи 3-й армии Колчака) – оба инструктора Горпрообразования, Нечесов Е.А. – секретарь подотдела охраны детства Казанского городского народного отдела образования, Игнатьев П.Ф. (мл.офицер), Богоносцев И.С. (мл.офицер), Черненко С.А. – воспитатели д/д №22, Каспаров С.Г. (мл.офицер), Марков М.Б. – оба воспитатели, Подкорытов А.А. (подполковник, преподаватель Кадетского корпуса), Колчин А.Г. (штабс капитан), Середа И.З. (прапорщик), Комиссаров Т.С. (поручик), Тимофеев Г.А. подпоручик, Городницкий М.А. (поручик), Штоколов, Кизимов, Полаштин, Елисеев, Хорин – преподаватели школ 1 и 2 ступени города Казани.

Кроме того, имеются справки из уездных и кантональных отделов по просвещению (Лаишевский, Спасский, Тетюшский, Арский, Буйнский, Бугульминский, Елабуга уездный город Вятской губернии) о наличии в их ведении сотрудников из числа бывших белых офицеров и чиновников Белой армии. Из всех вышеуказанных лишь только в Бугульминском и Тетюшском кантонах оказались прикомандированные бывшие белые офицеры Кузнецкий С.В. и Дворжецкий В.С.

Таким образом, в деле о бывших белых офицерах и чиновниках Белой армии насчитывается примерно 86 человек, которые служили в сфере народного образования ТАССР в 1921 году. Нужно отметить, что в Татнаркомпросе происходили и перемещения из одного ведомства, отдела, школы в другое. Это видно по подава-

мым ежемесячным спискам, в которых тот или иной человек уже занимал другую должность. Также в подаваемых списках имелась строка примечание, так отдельные личности указывались как незаменимые работники, имеется информация о некоторых офицерах, которые не прижились в сфере образования и были отправлены обратно в Рабочую силу.

Если посмотреть на национальный состав, то среди бывших белых офицеров и чиновников практически нет нацменов. Здесь можно выделить лишь Абдуллина Ф. (татарин), Аджиева И. и Адылева М. (крещенные татары), остальные в большинстве своем были русскими.

15 ноября 1921 года выходит приказ особой комиссии при Татнаркомтруде по распределению бывших офицеров и чиновников военного времени, служивших в Белых армиях, который является дополнением к приказу ТНКТ от 31 марта 1921 года за №109. Согласно приказу, на каждого бывшего принятого бывшего офицера и чиновника должно было быть заведено особое секретное дело. Кроме того, все бывшие офицеры и чиновники бывших Белых армий занимающие места ответственных работников выше делопроизводителя подлежали немедленному смещению с указанных должностей [3, с. 4].

Изучение материалов кадрового состава Татнаркомпроса и вышеуказанная таблица показала, что практически в каждом отделе имелись лица из числа бывших белых офицеров и чиновников Белой армии, которые занимали разнообразные должности. Естественно данный приказ коснулся всех секретарей и заведующих, и их дальнейшую судьбу не сложно было предположить. В тяжелое время становления новой советской власти, когда характерной особенностью кадрового состава была его постоянная текучесть и основной причиной этого времени являлось малооплачиваемость труда и необходимость высокой квалификации служащих, резерв из числа бывших Белых офицеров был жизненно необходим и заполнял те пробелы кадрового голода, которые имелись практически в каждом учреждении в начале 1920-х годов. Несмотря на отсутствие самостоятельности в выборе места работы и жительства, бывшие белые офицеры Белой армии были востребованы и в большинстве своем отвечали той профессиональной квалификации, которая требовала предоставленная им работа.

Список литературы

1. Абинякин Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2010. – №3. – С. 66-74.
2. Известия ТЦИК. – 1921. – №84(365). – 17 апреля.
3. Известия ТЦИК. – 1921. – №265(566). – 29 ноября.
4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.Р-3682. Оп. 36.
5. НА РТ. Ф.5757. Оп.1.

Подписано в печать 08.12.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,26. Тираж 500 экз. Заказ № 315
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а